

8yI
Гре

WMB
35

"	"	"	"	"	...
Brightside & Carbrook Co-operative Society Limited
Bristol Co-operative Society, Ltd.
Brown's Dairies, Liverpool
Burgess Dairy Co., Ltd., Manchester					...
"	"	"
Burgess, J. G., Ltd., Penzance		
Burnley Co-operative Society, Limited					...
Burton-on-Trent Co-operative Society, Ltd.					...
Bury Dt. Co-operative Society, Limited					...
Cadbury Bros. Ltd.	1
Cadbury Bros., Limited, Frampton-on-Severn					3
"	"	"	"	"	1
Cadbury Bros., Limited, Knighton			1
Cadbury Bros. Ltd. Newent					1

Е. П. ГРЕБЕНҚА.

6

К

В 8 ут
Гре
995

очень интересные сантиметровые боковые

~~ЗАПИСКИ СТУДЕНТА.~~

ПОВЕСТЬ.

В В
995
Гре

Принадлежит библиотеке
Л. ИДЗИКОВСКОГО
и продана быть не может.
9257

103703

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА.

Принадлежит
Л. ИДЗИКОВСКОГО
и продана быть не может.

ПРЕДЛАГАЮТ
ПРОДАТЬ

Издание книгопродавца М. В. Клюкина.
Москва, Моховая, д. Бенкендровъ.

X

О право. Вир
Колонетте? Франц
~~Колонетте~~ Ваши муча
ишомий абы этой
книжкы не высказывать
Сураче!

Дозволено цензурою. Москва, 18-го августа, 1901 г.

Пошламо морду побити
и лице во грааству
сведучи

Первая женская типография Е. К. Гербека. Москва, 2-я Мещанская, д. № 1

Хотела бы знать, кто так каршо
характеризовал это, студент
курно запахлось большим пер
тканью, что об протсезь жу
кнегу, его у меня не хважат
и в только некаято старани
протия, **ЗАПИСКИ СТУДЕНТА**. Футурмер
смавские одою ибюитъ.

Неуфрени у нас съ шале студент!
Entre le commencement et *Судя по а ка видю!*
Это очень грудно!! V. Нодо.

Я желал бы знать, что думают лошади во время голо
ледицы? *Это что супра мисе*

Не знаю какъ вы, а я съ большимъ сожалѣниемъ смот
рю на лошадей, когда улицы покроетъ гладкй ледъ и бѣд
ныя животныя, робко ступая, скользять, шатаются и вся
кую секунду готовы упасть, можетъ-быть, съ тѣмъ, чтобъ
не встать болѣе. Особенно гибельны въ это время торцо
вые мостовыя и мосты. Люди — животныя разумныя, при
выкшія ходить безъ опасенія на скользкомъ паркеть, и тѣ
нерѣдко падаютъ во время гололедицы — а лошади, бѣдныя
лошади! Право, жаль ихъ....

Осенью 184... года, часу въ 10-мъ утра, въ Петербургѣ
была знаменитая гололедица. Все живое всякаго пола и
возраста, болѣе или менѣе падало. Тучковъ мостъ представ
лялъ длинное поприще для этого упражненія.

Онъ былъ похожъ на арену, усѣянную побѣжденными.
Особливо камнемъ преткновенія, о который разбивались
всѣ усилія путешественниковъ, былъ маленькй подъѣмный
мостикъ посреди длиннаго моста на сваяхъ... Я предпола
гаю моихъ читателей до того образованными, что опи

Мерзавцы зурь!

очень хорошо знают Тучковъ мостъ, что, проѣзжая или проходя его, они на половинѣ своего пути подымались на холмикъ, и, спустясь съ холмика, опять продолжали свой путь спокойно, даже до каменной мостовой—и очень хорошо понимаютъ, что этотъ холмикъ не есть произведёніе природы, но подъёмный мостъ, построенный инженерами для пользы общественной: ночью онъ растворяется и пропускаетъ корабли, а днемъ, имѣя подобіе естественной горки, приятно разнообразить путешествіе....

Утромъ, во время знаменитой гололедицы, о которой уже сказано выше, я подходилъ къ подъёмному мостику на Тучковомъ мосту; деревянная горка, остеклованная льдомъ, представилась глазамъ моимъ; передъ горкою стояла дюжая сѣрая лошадь, запряженная въ роспуски, и, поставя врозь всѣ четыре ноги, съ ужасомъ смотрѣла на предстоящую опасность; такъ называемый ломовой извозчикъ, стоя съ боку, собралъ возжи въ одну руку и махалъ ими надъ лошадью, приговаривая на распѣвъ: Ну! ну-у-у! у! На роспускахъ лежалъ бѣлый досчатый гробъ, привязанный веревкою; сзади стояла женщина лѣтъ пятидесяти, въ голубой заячьей шубѣ, съ желтымъ поношеннымъ платкомъ на головѣ.

— Ну! ну! ну-у-у!—крикнулъ извозчикъ, сильнѣе прежняго.

Лошадь съ усиленіемъ ступила передними ногами на мостикъ, зачастила ими, скользя внизъ по льду, и упала на колѣни.

— Ну! разомъ! ну! Сѣрко!—прикрикнулъ извозчикъ, ударивъ лошадь концомъ возжей. Сѣрко быстро всталъ, прыгнулъ впередъ, невѣрно цѣпляясь подковами, и стена растянулся на мосту.

Два офицера выругали извозчика за то, что его лошадь мѣшала имъ пройти свободно.

Извозчикъ ругалъ мостъ и гололедицу, и билъ возжами Сѣрко, который стоналъ, жалобно смотря на своего хозяина.

Онъ не подыметя: развѣ ты не видишь, у него ноги

изломаны?—сказалъ хладнокровно какой-то прохожій, въ синемъ картузѣ, съ красными выпушками.

— Ой, матушки! — вскрикнула старуха въ голубой шубкѣ! стоявшая позади роспусковъ:—бѣдный Яковъ Петровичъ! и тутъ ему талану нѣту: и на Смоленское сразу не доѣдетъ,

— Ты родственника хоронишь, старуха?—спросилъ я.

— Какого родственника! Это ихъ благородіе, дворянщъ, чиновникъ. Добрый былъ — царство ему небесное, а какой безталанный!.. Вотъ, хороню на свои деньги.... хоть сама не купчиха какая, не богачка.... Богъ заплатитъ, ради добраго покойника....

Недавно члены какого-то человѣколюбиваго общества, сложась по четвертаку, схоронили безроднаго бѣдняка. Цѣлую недѣлю говорили объ этомъ поступкѣ, и восемь разныхъ статей было написано о немъ въ газетахъ, между тѣмъ, какъ о прїѣздѣ хивинскаго посланника говорили только сутки, о возвращеніи Тальони—двои, о привозѣ свѣжихъ устриць—трои сутки, о механическомъ дивѣ и о превосходнѣйшихъ камешныхъ зубахъ (каждаго изъ Вагенгеймовъ особо) публикуется въ „Полицейской Газетѣ“ только по три раза.

Передо мной стояла простая, необразованная баба, которая, не будучи членомъ человѣколюбиваго общества, не складываясь ни съ кѣмъ, на послѣдніа деньги, какъ могла, хоронила своего бѣднаго собрата-человѣка, и, какъ мнѣ казалось, далека была отъ мысли публиковать о своемъ пожертвованіи.

Я вообще очень привязанъ къ прекрасному полу: люблю безъ души молоденькихъ и чрезвычайно уважаю пожилыхъ; но я съ особеннымъ уваженіемъ смотрѣлъ на бѣдную старушку въ голубой шубкѣ, и какъ ниже ея въ то время показались мнѣ многія изъ прекрасныхъ дамъ, читающихъ французскіа романы, отчаянно играющихъ въ карты, и даже могущихъ доставить своему protégé выгодное мѣсто!

Прохожій, котораго, по синей фуражкѣ, я счелъ за ветеринарнаго врача, болѣе солгалъ, нежели сказалъ правду,

потому-что Сърко, наконецъ, не выдержалъ манипуляціи извозчика, всталъ на всѣ четыре ноги, и кое-какъ переправясь черезъ подъёмный мостикъ, тихо потащилъ гробъ.

Я пошелъ за гробомъ, разговорился со старухой и узналъ, что умершій былъ ея постоялецъ; что онъ во время болѣзни даже продалъ все свое платье; что умеръ не оставя ничего, кромѣ свертка бумагъ. „И умеръ надъ ними голубчикъ! За нихъ если дасть лавочникъ пятачокъ—и то спасибо,“ прибавила старуха.

Вы догадываетесь, что я купилъ у старухи бумаги; она на другой день принесла мнѣ ихъ. Это былъ повседневный журналъ; между листами его лежали письма; каждое пришито къ тому дню записокъ, въ который было получено; все это вмѣстѣ составило родъ простой повѣсти, и я рѣшился ее напечатать, не измѣняя ни одного слова.

183... года 20 іюня.

Экзаменъ оконченъ сегодня—и я вступаю въ новую жизнь... Миръ праху твоему, добрый человекъ, основатель лицея! Благословляю память твою!...

Давно ли я былъ еще ребенкомъ? Какъ сегодня, помню день моего отъѣзда въ лицей. Я на своей маленькой лошаdkѣ хотѣлъ ѣхать гулять въ степь; меня позвалъ папенька.

— Послушай,—сказалъ онъ мнѣ:—собери свои книги; мы сегодня поѣдемъ далеко: я тебя отдамъ учиться въ лицей.

— А это очень далеко?—спросилъ я.

— Верстъ полтораста.

— Такъ мы завтра не воротимся?

— Нѣтъ; ты проживешь тамъ долго.

— Болѣе недѣли?

— Гораздо.

— Мѣсяцъ?

— Больше.

— Не-уже-ли годъ?

— Шесть лѣтъ.

Меня обдало холодомъ. Ѣхать въ такую даль, за 150

Принадлежитъ библиотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продать, быть не можетъ.

версть отъ дома, на шесть лѣтъ проститься съ папенькою, съ маменькою, съ моею маленькою комнатою, съ бѣлою акаціей, которую я поливалъ каждое утро, а она, какъ нарочно, такъ душисто расцвѣла теперь!..

Грустно стало мнѣ; я вышелъ на крыльцо; моя лошадка, увидѣвъ меня, привѣтно заржала; я подошелъ къ ней, машинально сѣлъ на нее и шагомъ выѣхалъ въ поле.

Нивы шумѣли отъ утренняго вѣтерка, росистая степь пестрѣла въ цвѣтахъ, жаворонки пѣли; но ничто меня не радовало. Я не спѣшилъ нарвать букетъ анемоновъ, не старался поймать красивую бабочку, чтобъ подарить ее маменькѣ—одна мысль тяготила меня: я долженъ все это оставить, оставить надолго!.. Какъ хороша воля! подумалъ я и соскочилъ съ лошади. „Прощай, лошадка, сказалъ я: ступай на волю!“ поласкалъ ее и бросилъ поводъ. Лошадка стояла предо мною. „Глупенькая, ты будешь гулять!“ Я обнялъ ее и махнулъ руками. Черезъ минуту, только ея головка далеко нырнула между цвѣтистою зеленью; еще минута, и я уже не видѣлъ ничего: все зарадужилось, закружилось въ глазахъ моихъ, наполненныхъ слезами.

Послѣ обѣда мы съ папенькой выѣхали изъ дома. Прощаясь, маменька уговаривала меня не грустить, обѣщала пріѣхать ко мнѣ, дала мнѣ коробочку конфетъ—и я утѣшился.

И вотъ я въ лицѣ. Меня ввели и оставили въ этомъ огромномъ зданіи. Все незнакомыя лица, все такія страшныя, классическія фізіономіи профессоровъ, все такъ сухо, такъ важно! Папенька уѣхалъ.

Я подошелъ къ окошку; оно было въ третьемъ этажѣ; внизу краснѣли крыши одноэтажныхъ домиковъ; далѣе, стройно вытянулась улица, за нею стояла березовая роща, а тамъ—Боже мой! гладкое поле; на немъ змѣилась дорога на мою родину!.. По дорогѣ несло облако пыли; мнѣ казалось, что я вижу въ немъ нашу коляску, даже казалось, что папенька машетъ мнѣ изъ коляски платкомъ; но вотъ

и это облако слилось съ горизонтомъ... я стоялъ и тихо плакалъ. Тутъ подошелъ ко мнѣ Ш.; онъ такъ мило заговорилъ со мною, такое принялъ участіе въ моей печали, что мы съ того дня сдѣлались друзьями.

Милый Ш.! Мнѣ теперь смѣшно, когда вспомню, какъ онъ утѣшалъ меня. Онъ говорилъ, что лицей непременно долженъ сгорѣть, потому-что въ немъ много несчастныхъ, подобныхъ намъ; а когда онъ сгоритъ, то мы опять поѣдемъ по домамъ. И какъ эта глупая мысль восхищала меня! Я цѣлый мѣсяцъ ложился спать, напередъ хорошенько уязавъ всѣ свои книги и платье, чтобъ сейчасъ же бѣжать, когда начнется пожаръ. Вся кровь, бывало, бросится въ голову, когда услышишь запахъ дыма, или кто пройдетъ ночью по коридору со свѣчею: все ждешь, вотъ загорится, вотъ будетъ тревога, вотъ разольется огонь по комнатамъ... Но угрюмо дремали во мракѣ каменные стѣны огромнаго зданія; изрѣдка гдѣ нибудь хлопнетъ незатворенное окошко, или въ дальнемъ коридорѣ простонутъ тяжелые шаги стараго инвалида, и опять все тихо, тихо... такъ и захочется спать.

Но вотъ, сегодня шесть лѣтъ, какъ я здѣсь: завтра день выпуска. И сколько переменъ съ того времени!... Наука открыла передо мною свои святые сокровищницы; мой умъ смѣло ширяетъ въ тучахъ и разлагаетъ громы и молніи; я дерзаю вычислять пути свѣтилъ небесныхъ; наука увлекаетъ меня на дно моря и показываетъ жемчугъ и подводныя чудовища, сводитъ въ недра земли, гдѣ растутъ жилы золота и зрѣютъ драгоценные камни; она рассказала мнѣ судьбы народовъ, и дѣла давно минувшія переходятъ въ умъ моемъ яркою фантазмагоріей; я изучаю природу, изучаю человѣка, самого себя, и люблю Творца, какъ благодѣтеля моего, люблю по убѣжденію.

А поэзія? Боже! и есть люди, которые не понимаютъ поэзіи!.. Бѣдные, жалѣю о васъ: вы не знаете лучшаго наслажденія въ жизни! вы не понимаете ни Жуковского, ни Шиллера, ни Байрона, ни Пушкина, великаго Пушкина!

Вы произносите эти имена, какъ имя славнаго портного, парикмахера—и ваше сердце не трепещетъ сладкимъ восторгомъ! Жалкіе! плачьте о вашемъ невѣжествѣ и дивитесь этимъ именамъ, какъ проявленію неба на землѣ... Шестъ лѣтъ—и какъ я выросъ духовною жизнью!

Я долженъ сказать прости моимъ милымъ товарищамъ, съ которыми я росъ вмѣстѣ, съ которыми дѣлилъ и радость и горе, съ которыми не разъ тепло молился передъ святымъ алтаремъ; я долженъ сказать имъ прости. Долгъ чести зоветъ меня: я долженъ служить отечеству. Сколько разъ я завидовалъ мудрымъ Циціонамъ, Фабриціямъ, Аристотелямъ... И вотъ передо мною широкое поле жизни, поле чистое. Какой разгулъ для дѣятельности! Впередъ! какое раздолье быть полезнымъ ближнему.... Мой девизъ: презирать все низкое, любить одно возвышенное.... Я.... увидимъ, что я сдѣлаю!...

27 іюня.

Вотъ я опять въ нашей маленькой деревнѣ. Свободенъ, какъ Божія птица. И Кантъ, и Юстиніанъ, и несносный Лагуа забыты до времени.

28 іюня.

Чудная жизнь въ Малороссіи лѣтомъ! Вчера я пріѣхалъ домой; отецъ обнялъ меня и поздравилъ человекомъ; мать заплакала; сбѣжались братья, поднялся шумъ, хочоть—такъ прошелъ цѣлый день. Сегодня мнѣ отвели квартиру, какъ говоритъ батюшка, въ саду, въ бесѣдкѣ. Эта бесѣдка утонула въ зелени деревьевъ; передъ моими окнами цвѣтутъ цѣлыя пирамиды душистаго горошка, стройно колеблется разноцвѣтная мальва, а розы, полныя, пышныя розы, тянутся густою гирляндой вдоль по сторонамъ темнозеленой аллеи. Если-бъ живописецъ могъ нарисовать такую картину, онъ умеръ бы отъ восторга.

29 іюня.

Сегодня день моего ангела. Я проснулся рано поутру.

Въ головахъ у меня стояла огромная ваза только-что расцвѣтшихъ розъ. Человѣкъ сказалъ мнѣ, что съ восходомъ солнца моя маменька сама поставила эти розы и ушла тихонько, перекрестивъ меня.... Какъ я сладко сегодня молился Богу; эти розы курились чистымъ эвмиамомъ къ Его престолу! Есть минуты въ жизни, которыми выкупаются всѣ страданія человечества.

Люди! понимаете ли вы, что такое мать? понимаете ли вы это страдательное существо, эту вѣчную, безграничную безкорыстную любовь? Мужчины, благоговѣйте передъ матерью: это алтарь, на которомъ неугасимо горитъ любовь къ человечеству, можетъ-быть, одна любовь въ мірѣ безъ холоднаго эгоизма.

У насъ были гости: человѣка четыре сосѣдей, все люди отставные съ мундиромъ. Цѣлый почти день разсказывали о разныхъ случаяхъ войны; мой отецъ говорилъ о взятіи Очакова такъ подробно, какъ-будто вчера только его брали. Тутъ были свидѣтели и семилѣтней войны и войны отечественной. Какая поэтическая жизнь военнаго человѣка! Сегодня здѣсь, завтра тамъ, послѣ въ третьемъ мѣстѣ; вездѣ новыя лица, новыя знакомства, прелесть отдыха, грусть разлуки — все это должно тревожить сердце, возбуждать духъ къ дѣятельности. А это глубокое самоотверженіе, эта всегдашняя готовность пожертвовать для блага общаго самымъ драгоценнымъ для человѣка — жизнью, не возносить ли это меня самого въ глазахъ моихъ? Какъ понятна благородная гордость рыцарей, надѣвавшихъ мечъ! Нѣтъ, я непременно посвящу себя войнѣ; я буду кавалеристомъ; мои предки жили и умирали на коняхъ; я послѣдую ихъ примѣру.

1 іюля.

У насъ есть два сосѣда, статскіе; одинъ Шука-Окуневскій, говорятъ, удивительный вѣстовщикъ и любитъ говорить свысока, а другой Сутяговскій; объ этомъ отзываются какъ объ умномъ человѣкѣ. Они оба вышли въ от-

ставку и пріѣхали изъ губернскаго города въ уѣздъ, въ свои деревни, когда я былъ въ лицѣ.

14 іюля.

Я очень не люблю нашего сосѣда Сутяговскаго, хотя онъ и пользуется какого-то особеннаго рода уваженіемъ всего уѣзда: всѣ за-глаза его ругаютъ, а въ глаза какъ будто его боятся; даже видъ Сутяговскаго мнѣ не нравится: высокій мужчина, вѣчно наклоненный впередъ; на лбу всегдашняя дума о чемъ-то недобромъ; голосъ—хриплый басъ, похожій на ворчаніе бульдога; глаза постоянно опущенные внизъ; о чемъ бы не говорилъ онъ, съ кѣмъ бы ни говорилъ, они всегда устремлены на одно мѣсто, на полъ. Мнѣ кажется, онъ долженъ быть большой грѣшникъ и боится поднять глаза, чтобъ не увидѣть надъ собою карающей десницы правосудія. Важность, съ какою онъ входитъ въ комнату, какъ поправляетъ медленно на шеѣ орденскую ленту, какъ прикидывается простакомъ, чтобъ больше еще выказать свою ученость, которая, *entre nous* soit dit, не слишкомъ глубока—все это нестерпимо. Куда бы ни пріѣхалъ онъ, всѣхъ перецѣлуетъ, начиная съ хозяина до послѣдняго гостя, хотя бы ему кто былъ и незнакомъ—ему все-равно; идетъ по-тихоньку вокругъ комнаты, схватить человѣка въ объятія, поцѣлуется разъ, два, три, заворчитъ какую-то любезность или заклинаніе—кто его разберетъ!—и принимается за другого, пока всѣхъ обойдетъ... Да это такъ важно, будто онъ Богъ-знаетъ какая знаменитость, и не хочетъ никого обидѣть, лишивъ частички своей высокой ласки.

Я недавно видѣлъ, какъ въ сѣти паука попалась муха: въ одну секунду паукъ былъ уже возлѣ своей жертвы, схватилъ ее, прижалъ къ своей груди и долго обнималъ ее двумя передними лапками, опутывая роковой паутиной: потомъ прокусилъ бѣдной мухѣ голову, выпилъ изъ нея кровь и преспокойно возвратился въ свою засаду, какъ ни въ чемъ не бывалъ, только потолстѣлъ немного. Съ этихъ

поръ я не могу равнодушно смотрѣть на Сутяговскаго: когда онъ обнимаетъ человѣка, мнѣ все кажется: вотъ записать бѣдный страдалецъ, вотъ сосѣдь прокусить ему голлову....

Сутяговскій тоже меня не очень жалуетъ: то экзаменуетъ меня и чрезвычайно важничаетъ, когда я, чтобъ не огорчить батюшку, отвѣчаю ему, какъ профессору; то беретъ на себѣ трудъ дѣлать мнѣ наставленія, поѣтъ съ бемольнаго тона о нравственности, какъ пресвитеріанецъ временъ Кромвеля. Несмотря на все это, въ немъ сильно отзывается духъ прошедшаго XVIII вѣка, неслишкомъ нравственнаго.

Какую онъ соорилъ сердитую рожу, когда я сказалъ, что не считаю Вольтера великимъ поэтомъ! Онъ готовъ былъ скушать меня, какъ паукъ муху, проворчалъ себѣ подъ-носъ, вѣроятно, какую-нибудь глупость, и, сразу перемѣнивъ разговоръ, началъ проповѣдывать о чести, обязанности всякаго дворянина служить отечеству, о томъ, что молодому человѣку гораздо приличнѣе служить даже въ городской ратушѣ, нежели заниматься пустыми мечтами, ведущими аъ растлѣнію нравовъ; что встарину такъ не бывало; оттого было болѣе и учтивства, и утонченной вѣжливости, и приличнаго всякому обращенія.... Я вышелъ изъ комнаты, и возвратился, увидя, что Сутяговскій уѣхалъ.

Несносный человѣкъ.

15 іюля.

Скоро будетъ въ Р* ярмарка; весь нашъ уѣздъ приходитъ въ движеніе; только и толкуютъ о ярмаркѣ; чрезъ недѣлю половина нашего народонаселенія двинется въ Р*.

Батюшка тоже хочетъ ѣхать и меня беретъ съ собою. Я скучалъ бы этою поѣздкой, если-бъ не надѣялся увидѣться съ Ш., съ моимъ милымъ товарищемъ.

19 іюля, полдень.

Мы въ дорогѣ. Скоро я увижу добраго Ш. Онъ живетъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ будетъ ярмарка. Какъ пріятно будетъ

наше неожиданное свиданіе! Я желалъ бы перелетѣть въ Р*. Но мы ѣдемъ на своихъ лошадяхъ, сдѣлали упряжку 30 верстъ, и, говорятъ, надобно отдохнуть лошадямъ, покормить ихъ. На постоянныхъ дворахъ останавливаться теперь нѣтъ никакой возможности: тамъ жарко, миллионы мухъ, а всякаго народу еще больше; шумъ, крикъ—несносно! Мы выѣхали изъ селенія и сейчасъ же остановились въ тѣнистой дубовой рощѣ, которая отъ дороги спустилась по отлогой горѣ до свѣтлой, быстрой рѣчки.

Пока лошади ѣдятъ овесъ, а поваръ, разведя въ сторонкѣ огонь, хлопочетъ около обѣда, мы вышли изъ коляски и усѣлись въ тѣни на раскинутомъ коврѣ. Батюшка читаетъ „Московскія Вѣдомости,“ я пишу отъ нечего дѣлать. Ба! къ намъ еще подъѣзжаетъ экипажъ.... останавливается... Господи! да это Сутяговскій; его лошадей отпрягаютъ; онъ уже идетъ сюда, и я часа два долженъ буду слушать его широковъщательныя пошлости.... Нѣтъ, прощайте.

Вечеромъ.

Въ первый разъ въ жизни я благодаренъ Сутяговскому: чтобъ избавиться его присутствія, я взялъ ружье и пошелъ къ рѣкѣ, будто на охоту, велѣвъ извѣстить меня, когда лошади будутъ готовы. По берегу рѣки шла узенькая проселочная дорога; въ двухъ шагахъ отъ дорожки стояла распряженная кибитка, поднявъ къ небу оглобли; на оглобляхъ было натянута полотно, изъ котораго тройка гнѣдыхъ лошадей кушала овесъ; двое мальчиковъ, лѣтъ около десяти или двѣнадцати, подбирали на берегу раковины и цвѣтные камешки; недалеко отъ берега, на песчаной отмели, сидѣлъ въ водѣ пожилой человекъ, выставя изъ воды свою усатую голову, покрытую кожанымъ треугольнымъ картузомъ; голова весело разговаривала съ дѣтьми:

— Батюшка, бросьте намъ еще раковинъ.

— Ладно!—отвѣчала голова:—я вамъ достану самыхъ пестрыхъ, и отодвинулась еще далѣе отъ берега....

— Гдѣ же раковины?—кричали дѣти.

— Господи! что это?! я ѣду въ пропасть... Ухъ!...— вскрикнула голова и исчезла подъ водою; треугольный картузь быстро поплылъ по теченію.... Секунды черезъ три опять показалась голова, ухнула, и опять скрылась....

— Батюшка тонетъ!...—вопили дѣти:—онъ не умѣетъ плавать.

Въ-минуту я былъ уже въ водѣ, схватилъ утопленника, кое-какъ вынесъ на берегъ, скоро привелъ его въ чувство и возвратился къ экипажу, душевно благодаря Сутяговскаго.

Я пришелъ весь мокрый. Сутяговскій, увидя меня, началъ басить моему отцу:—Да, я вамъ говорю, совсѣмъ не то время: все теряетъ свою цѣну; имъ тяжело послушать часъ-другой опытнаго старика, лучше пойдутъ въ болото, убьютъ какую-нибудь пичужку—заряда не стоитъ! ни пуху, ни перьевъ, ни мяса, въ ротъ взять нечего; а зарядъ денегъ стоитъ, а платье и того болѣе, все перепачкаешь, изгадишь... Мы, бывало, у нашихъ стариковъ изволь носить пестрадинное, холстинное, и прочее.... такъ нанковому платью и цѣну, бывало, знаешь: а суконное—если дождемся суконнаго—бывало, бережемъ какъ свою душу: коли черное, такъ черное, ни пятнышка бѣлаго не допустимъ; а теперь наряжаются въ будни какъ подъ вѣнецъ; различія нѣтъ между возрастами.... Право нехорошо!...

Батюшка крѣпко обнялъ меня, когда я рассказалъ ему свое приключеніе, а Сутяговскій началъ ворчать:

— Благородно, не спорю, да неразсудительно; онъ, вы говорите, толстъ и здоровъ, а вы молоды и малосильны; прими дѣло другой оборотъ—осиротили бы своихъ родителей, а пользы никакой....

Тутъ Сутяговскій началъ поправлять на шеѣ свою орденскую ленту, а мы уѣхали.

21 июля.

Любопытно знать, какимъ способомъ распространяются новости въ уѣздныхъ городахъ? Этотъ вопросъ для меня

занимательнѣе вопроса о Востокѣ. Самые быстрые телеграфы, электрическіе, гальваническіе — какіе вамъ угодно, ничто передъ быстротою уѣздныхъ вѣстей. Положимъ, вы спали одни въ комнатѣ, никого не было даже въ сосѣднихъ покояхъ, и въ продолженіе ночи раза два кашлянули; поутру, вы не успѣли выйти на крыльцо, вамъ мимоходомъ кланяется Борисъ Ивановичъ и спрашиваетъ:

— Каковъ вашъ кашель? легче ли вамъ?

— Да кто вамъ сказалъ, что у меня кашель?

— Полно скрываться! весь свѣтъ это знаетъ; я заходилъ въ аптеку, тамъ уже часа полтора для васъ катаютъ пилюли.

— Ахъ они проклятые! кто ихъ просилъ?

— Именно проклятые пилюли, хоть и изготовляются по рецепту патентованнаго медика Лейбы Францовича. Лучше, я вамъ совѣтую, напитокъ огуречнаго рассола — испытанное средство.

— Много благодаренъ!

— Не за что! Да, еще Александра Ивановна, проѣздомъ въ чужой уѣздъ, остановила меня на рынкѣ и говоритъ: „Скажите (тутъ она упомянула ваше имя и отчество) чтобъ поберегся, да пилъ липовый цвѣтъ съ патокой.“ — До свиданія! берегитесь. Охъ, перенесъ и я въ прошломъ году кашель!

Да, чудная вещь! пока вы спали, духъ сплетень незримо прокрался въ вашу спальню, подслушалъ вашъ кашель и вынесъ его на свѣтъ Божій; вы спите, а за васъ уже не дремлютъ ближніе; катаютъ на вашъ счетъ пилюли; докторъ записалъ васъ въ свою приходную книгу; не только Борисъ Ивановичъ, но даже и Александра Ивановна уже знаетъ о вашемъ кашлѣ и, смотрите, черезъ недѣлю изъ чужого уѣзда пріѣдутъ дальніе родственники спорить о вашемъ наслѣдствѣ, а вы еще и не думали умирать. — Непонятная вещь!

Если-бъ я былъ англичаниномъ, непременно назначилъ бы огромную премію тому, кто вычислитъ съ математи-

ческой точностью быстроту провинціальныхъ сплетней.

Первое знакомое лицо, которое попало мнѣ навстрѣчу въ Р*, былъ мой милый Ш.; онъ обнялъ меня и поздравилъ съ добрымъ дѣломъ. Боже мой! ужъ и здѣсь всѣ знаютъ о томъ, что я вытащилъ изъ воды человѣка. Мы пошли съ батюшкою въ ряды; народу было множество; всѣ спрашиваютъ меня объ утопленникѣ, осыпаютъ меня нелѣпыми похвалами; они уже успѣли узнать, что человѣкъ, спасенный мною, называется Ивановымъ, что онъ богатый мѣщанинъ нашего города, перекрещенецъ изъ жидовъ и т. п. Знакомые указывали на меня пальцами людямъ незнакомымъ.

Не-уже-ли самое высокое чувство должно отравляться глупостью? Не-уже-ли святая минута восторга, которую я испытывалъ, спасая жизнь ближняго, должна выкупиться оскорбительными часами безтолковаго удивленія праздною толпою, которая черезъ часъ еще съ большимъ вниманіемъ ста; нетъ смотрѣть на канатнаго плясуна, удивляться его прыжкамъ, и станеть толковать о немъ отъ нечего дѣлать. Да и что тутъ необыкновеннаго—вытащить изъ воды утопающаго человѣка? Не-уже-ли кто-нибудь изъ этихъ господъ могъ бы спокойно смотрѣть на гибнущаго собрата и не подать ему помощи?

22 іюля.

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ!...

Да, угля, пылающій огнемъ, пламенѣеть въ груди моей. Чуждые вопросы роятся въ умѣ моемъ: и что со мною? и что я? и для чего я? и что такое жизнь наша?... Одинъ извѣстный римскій писатель задалъ себѣ остроумный вопросъ: Quid est nostra vita? (что такое наша жизнь)? и самъ же отвѣчаетъ: est forum in quo venditur et emitur (рынокъ, на которомъ продаютъ и покупаютъ).

Господи! какой прозаическій отвѣтъ; рынокъ, гдѣ прода-

ють и покупають!!.. Какъ это отзывается въкомъ паденія великаго царства, въкомъ, въ который изнѣженные потомки доблестныхъ, безкорыстныхъ римлянъ съ разсвѣтомъ дня выходили за ворота своихъ великолѣпныхъ домовъ, съ вѣсками въ рукахъ, и отдавали проходящимъ въ-ростъ золото!.. Нѣтъ, въ жизни есть цѣль выше торгашества...

Какъ хороша сестрица Ш.! Сегодня меня Ш. звалъ къ себѣ обѣдать; я немного опоздалъ. Вхожу въ переднюю—никого нѣтъ; въ сосѣдней комнатѣ обѣдаютъ, стучать тарелками, весело разговариваютъ... „Я его люблю,“ говорилъ нѣжный, почти дѣтскій голосъ: „за его благородный поступокъ и желала бы видѣть...“ Отворя дверь, я прервала начатую фразу.

— Легокъ на поминѣ!—закричалъ Ш.:—а мы думали, что ты измѣнишь, и сейчасъ только о тебѣ говорили. Рекомендую: это мои братья и сестры, а вотъ эта мечтательница—полно краснѣть!—сию минуту публично призналась, что тебя любить.

Меньшая сестра Ш., о которой онъ говорилъ, наклонилась къ тарелкѣ; густые, темные локоны почти закрывали все лицо ея, только по ярко-розовымъ ушкамъ можно было заключить о пожарѣ, который вспыхнулъ на лицѣ ея отъ словъ брата.

Но долго ли продолжается смущеніе женщины?

Черезъ нѣсколько секундъ она оправилась, подняла голову, рѣзво раскинула рукою кудри, улыбаясь, посмотрѣла на меня—и, Боже мой, какой отрадный, утѣшительный ея взоръ!... Я весь затрепеталъ отъ этого взора.. затрепеталъ отъ полноты восторга, какъ трепещетъ прозрѣвшій слѣпецъ, первые увидя міръ Божій, какъ изгнанникъ, услышавъ пѣсню далекой родины.

Ея лицо мнѣ знакомо: я гдѣ-то видѣлъ его, и видѣлъ не разъ, если не на яву, такъ во снѣ; въ немъ много родного, близкаго моему сердцу; я гдѣ-то слышалъ ея рѣчи, эту чудесную музыку голоса человѣческаго; она мнѣ напомнила лучшія мѣста безсмертныхъ сознаній Бетховена и Мо-

103703

Впередъ это чудесно! Девочка негодница! Девочка негодница! Девочка негодница!

Но тотъ, кто началъ...

царта: въ нихъ отзывается ея рѣчами,—только отзывается, и оттого эти созданія такъ хороши! А тутъ сами ея упительные звуки!... Мнѣ было невыразимо хорошо, невыразимо весело у Ш. Послѣ обѣда я остался пить чай и сидѣлъ у нихъ весь вечеръ.

Пришелъ домой и вдругъ на меня нашла невыносимая тоска. Я легъ въ постель—жарко; отворилъ окно въ садъ—въ саду пѣлъ соловей; у самого окна цвѣлъ душистый кустъ фіалокъ... Не знаю, почему фіалки мнѣ напомнили ее, въ звукахъ соловья было сходство съ ея голосомъ... какая-то гармонія, успокоивающая душу.

Пой соловей, пока ты свободенъ; быть можетъ, завтра сѣти человѣка опутаютъ тебя, и въ тѣсной кѣткѣ ты станешь повторять свои вдохновенныя пѣсни! Можетъ быть, завтра и эти фіалки, сорванныя жадною рукою, очутятся въ богатой фарфоровой вазѣ и, оторванныя отъ родного корня, станутъ разливать предсмертное благоуханіе въ покояхъ богатаго. Можетъ быть и она—чудесное созданіе... Но нѣтъ, неужели какой нибудь эгоистъ завладѣетъ этимъ сокровищемъ?!... Господи! и откуда такія черныя мысли? отчего эта душевная тревога? Давно уже соловей умолкъ, дремля около своей подруги, счастливецъ!... давно уже полночь; луна зажглась, все спитъ.... а ко мнѣ не слетаетъ сонъ-утѣшитель...

23 іюля.

Сегодня я опять видѣлъ ее, слушалъ ее—словомъ, былъ счастливъ цѣлый день. Странное чувство овладѣло мною: отчего, когда подхожу къ ней, въ груди у меня что-то трепещетъ, будто пойманная птичка въ рукахъ охотника? хочу говорить—голосъ прерывается, а между тѣмъ я вездѣ найду ее по какому-то странному инстинкту: въ рядахъ, между сотнею соломенныхъ шляпокъ съ розанами, и безошибочно узнаю ея шляпку, такую же соломенную, сътакими же розанами, какъ и другія—отчего это?

Не-уже-ли это любовь? не-уже-ли меня посѣтило это неразгаданное, таинственное, святое чувство, чувство возвыша-

ющее чело́вѣка до невозможности, сила, хранящая весь міръ, альфа и омега благодѣи Провидѣнія, сила, которая заставляетъ бездушный цвѣтокъ трепетать и склоняться къ другому, сдвигаетъ противоположные полюсы твердаго магнита, проявляется въ притягаемости разнороднаго электричества, влечетъ тучи небесныя къ землѣ и соединяетъ небо съ землею огненными нитями молніи; краеугольный камень нашей божественной религіи: „любите и враговъ вашихъ!“ сказалъ Богъ устами чело́вѣка...

Да, это ты, любовь! это ты, желанная гостыя! Я схороню тебя какъ драгоценность. Пусть теплится во мнѣ тихое, безпредѣльное чувство, я никому не скажу о немъ—ни другу, ни брату: они, можетъ быть, улыбнутся, слушая меня, а и этого довольно, чтобы возмутить непорочное чувство. Я не скажу ей: боюсь оскорбить ее; даже бумагъ не стану передавать всѣхъ сокровенныхъ помысловъ души моея... Теперь я понимаю глубину стиховъ Пушкина:

Мери
Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моея.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Принадлежитъ библиотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продана быть не можетъ.

Чело́вѣкъ истинно любящій не станетъ хвалиться любовью своею, не станетъ пить ея здоровье въ кругу товарищей, чтобъ не слышать любимаго имени, произнесеннаго нечистыми устами, чтобъ не подать повода никому даже думать о ней; нѣтъ, онъ одинъ, въ тишинѣ, какъ древній жрецъ, совершаетъ жертву своему идолу; онъ пьетъ ея здоровье отъ полноты души передъ Свидѣтелемъ, которому извѣстны всѣ тайные помыслы чело́вѣка; я даже никогда не рѣшусь написать имя ея... Кто знаетъ будущее? можетъ быть, чей нибудь взоръ оскорбится, читая это имя. Оно всегда въ душѣ моея.

16 августа.

Вотъ уже и лѣто приходитъ къ концу: вездѣ жатва, вездѣ видно довольство—чудное время! Съ дѣтства я лю-

билъ тихую семейную жизнь; и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на картинки прошедшаго вѣка, подписанныя *les douceurs de l'automne*; тамъ, въ саду, передъ дверью домика съ навѣсомъ, сидитъ за столомъ счастливое семейство; полныя кружки стоятъ на столѣ, два три старика, разговаривая, курятъ трубки; прелестный ребенокъ играетъ на колѣняхъ матери; хорошенькая круглолицая дѣвушка срываетъ съ дерева яблоки, а молодой человѣкъ поддерживаетъ ее такъ лукаво... Она покраснѣла, какъ яблоко, которое держитъ въ одной рукѣ, а другую бьетъ по рукамъ дерзкаго шалуна; но это наказаніе сопровождается такою милою улыбкою, что самъ желаешь быть вѣчно наказаннымъ. Далѣе, видны виноградники; въ нихъ кипитъ веселая работа: кто обрѣзываетъ зрѣлыя грозды, кто несетъ полную корзину плодовъ, другіе складываютъ виноградъ въ деревянные чаны; какой-то проказникъ опрокинулъ пустой чанъ на бокъ, усѣлся въ немъ, какъ въ будкѣ, и смѣется; въ сторонѣ двѣ дѣвушки хохочутъ и бросаютъ въ него виноградомъ.

Такъ, бывало, легко и весело, когда смотришь на подобную картину, забываешь, что эти поселяне ни дать ни взять маркизы мужского и женскаго пола вѣка Людовика XIV, что они въ парикахъ, фижмахъ, въ розовыхъ бантикахъ, какъ фарфоровыя статуйки, полученные въ наследство отъ покойнаго дѣдушки—все забываешь, глядя на картину тихаго счастья....

У насъ поля покрылись, какъ войскомъ, безконечными рядами копенъ хлѣба. Я всякій день хожу любоваться на полезья работы. Поселяне весело жнутъ и ожидаютъ съ восторгомъ праздника обжинковъ; говорятъ, онъ скоро будетъ.

20 августа.

Никогда Малороссія не была для меня такъ хороша, какъ теперь. Царь потребовалъ отъ нея казачьихъ полковъ — и вдругъ все зашевелилось; цѣлыя села готовы вооружиться, чтобъ исполнить желаніе своего государя. Гдѣ нужно взять

пятьдесятъ человѣкъ рядовыхъ казаковъ, тамъ является сто охотниковъ; восемь полковъ выступили весною; теперь набираютъ резервы.

На-дняхъ въ уѣздномъ городѣ будетъ дворянское собраніе для выбора офицеровъ. Я имѣю ученую степень—она тоже офицерскій чинъ; попрошу согласія батюшки и матушки и пойду служить. Теперь война; сколько случаевъ быть полезнымъ отечеству! сколько случаевъ отличиться, сдѣлать добро!...

Одного я боюсь: если простой народъ, бросая свои мирныя занятія, стекается толпами подъ знамена, которые далеко шумѣли громкою славою при ихъ предкахъ, стекается толпами, болѣе многочисленными, нежели нужно, то что будетъ въ дворянскомъ собраніи, куда явятся люди образованные? а у насъ осталось еще довольно дворянъ служившихъ въ военной службѣ: имъ отдадутъ преимущество—тогда прощай мое желаніе, моя охота!

Я сказалъ батюшкѣ о своемъ желаніи служить въ казакахъ; онъ согласенъ. Мы завтра ѣдемъ на выборы.

21 августа.

Итакъ, я офицеръ... го малороссійскаго казачьяго полка. Сомнѣнія мои были напрасны.... Маршалъ нашего уѣзда сидѣлъ уже въ собраніи, когда я вошелъ туда. Дворянъ было очень довольно, чтобъ набрать офицеровъ на два полка; а тутъ шло дѣло о избраніи одного оберъ-офицера. Сутяговскій, пользуясь штабъ-офицерскимъ чиномъ и старостью, переважно расхаживалъ и басилъ о пользѣ и важности выборовъ: „Если-бъ мнѣ не подагра, я не посмогрѣлъ бы на свою сѣдину — на коня и въ поле: все-таки придушилъ бы кого-нибудь; жена сама управилась бы съ картофелемъ, а винокурню въ аренду перебресту Иванову — человѣкъ хорошій, честный; это былъ бы второй я...“

Почтенный старичокъ-маршалъ почти дремалъ въ спокойномъ креслѣ; подлѣ него стоялъ письменодитель, тощій, испитой человѣкъ съ головкою, загнутою напередъ въ-родѣ

крючка; вообще онъ былъ очень похожъ на цвѣточный стебелекъ, убитый морозомъ. Письмоводитель принесъ списокъ; началось избраніе. Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что большая часть дворянъ, находившихся въ собраніи, были то коллежскіе асессоры, то майоры, то подполковники, то надворные совѣтники, а требовался оберъ-офицеръ; наконецъ дошло до мелкихъ чиновниковъ.

Мой аттестатъ былъ прочитанъ и я провозглашенъ казначымъ офицеромъ, ко всеобщей радости собранія. Маршалъ всталъ съ кресла, дверь въ сосѣднюю комнату открылась, и всѣ отправились завтракать, или, по словамъ маршала перекусить послѣ трудовъ. Чрезъ недѣлю будутъ готовы лошади, и мы выступаемъ въ походъ.

22 августа.

Обычай старины всегда для меня священны: въ нихъ отзывается патриархальная простота нашихъ предковъ. И нѣтъ, по-моему, лучше обычая и веселѣе праздника обжинковъ. Когда совершенно кончится жатва, поселяне и поселанки сплетаютъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ вѣнокъ, украшаютъ его цвѣтами и ягодами, выбираютъ изъ среды себя дѣвушку, лучшую по красотѣ душевной и тѣлесной, вѣчаютъ ее этимъ золотымъ вѣнкомъ и съ пѣснями, нарочно сочиненными по случаю праздника, идутъ веселою толпою поздравлять помѣщика съ окончаніемъ полевыхъ работъ.

Еще съ утра батюшка увѣдомилъ близкихъ сосѣдей о праздникѣ. Къ обѣду пріѣхало нѣсколько человѣкъ гостей.

Стало вечерѣть; длинныя тѣни отъ нашего сада вытянулись по двору; верхи пирамидальныхъ тополей; бѣлыя трубы дома и крылья далекой вѣтряной мельницы вспыхнули красноватымъ цвѣтомъ; въ воздухъ стало свѣжѣе, и вотъ далеко въ степи послышались пѣсни; звонко неслись онѣ съ широкой степи, все ближе, громче и громче, и, наконецъ, огласили весь дворъ. Разнохарактерная дворня вы-

сыпала со всёхъ угловъ смотрѣть на веселыхъ поселянъ, которые довольно тихо шли подъ пѣсню. Впереди, окруженная старѣйшинами села, шла, потупя въ землю глазки, царица праздника, премиленькая, быстрая брюнетка; на ней былъ вѣнокъ изъ золотистыхъ колосевъ ржи, перевитыхъ, словно кораллами, пунсовыми гроздьями балины, что очень шло къ ея смуглому личику и чернымъ косамъ.

Мы вышли на крыльцо; дѣвушка подошла къ намъ, поклонилась въ-поясъ и, снявъ съ головы вѣнокъ, подала его батюшкѣ, а старики въ это время поздравляли съ окончаніемъ работъ; батюшка взялъ вѣнокъ, поцѣловалъ его, поцѣловалъ царицу праздника и, кланяясь, поблагодарилъ крестьянъ за ихъ лѣтніе труды. Пѣсни раздались громче прежняго... Мой отецъ старикъ твердаго характера, но когда онъ положилъ вѣнокъ на столъ, свѣтлая слеза, какъ чистая росинка, засверкала, качаясь, на золотомъ колосѣ.

На дворѣ раставлены были столы и поселяне усѣлись кушать. Послѣ обѣда или ужина—не знаю какъ назвать правильно—у крестьянъ явилась скрипка; начались танцы. Мы пили чай въ залѣ: въ растворенныя окна съ чистымъ вечернимъ воздухомъ долетали къ намъ веселыя пѣсни, хохоть и быстрый, звонкій стукъ подковъ. Высоко уже взошла луна, когда разошлись пировавшіе; мало-по-малу пѣсни умолкали на селѣ; сосѣди поужинали и разъѣхались; послѣдняя удалилась бричка Петра Федоровича, стуча и дребезжа всѣми членами. Вотъ ея стукъ замеръ въ отдаленіи—вѣ спать, а мнѣ опять не спится... Странное дѣло! дѣвушка въ вѣнкѣ напомнила мнѣ ее; не то, чтобы она была похожа—нѣтъ, а такіе же волосы, такого же цвѣта глаза, почти такой же ростъ—и этого довольно! вся кровь прилегла у меня къ сердцу. Не-уже-ли я ее не увижу? а дней чрезъ пять я долженъ уѣхать, и, можетъ-быть, навсегда.

24 августа.

Она здѣсь; да, здѣсь! Я не вѣрю глазамъ своимъ; я опять видѣлъ ее, опять слышалъ очаровательные звуки ея

голоса. Сегодня мы всё сидѣли за круглымъ столомъ и пили чай; батюшка курилъ трубку и рассказывалъ мнѣ, какъ военному человѣку, о взятіи Очакова, меньшіе братья жались ко мнѣ отъ страха, слушая какъ турки, отъ нечего дѣлать, обрѣзывали своимъ плѣнникамъ носы и уши; матушка сквозь слезы посматривала на меня; сестра оканчивала кошелекъ мнѣ на дорогу; вдругъ къ крыльцу подъѣхала коляска и изъ нея вышелъ Ш. съ братомъ и сестрою. Я не помню, чтобъ я когда-нибудь обнималъ Ш. такъ, какъ въ эту минуту. Семейство Ш. ѣдетъ къ одному своему родственнику, живущему въ нашемъ уѣздѣ, и мой добрый товарищъ очень кстати заѣхалъ увидѣться со мною. Узнавъ, что я скоро иду въ походъ, они согласились прожить у насъ до моего отъѣзда.

27 августа.

Прошли три дня, какъ три минуты.... Она дивно-хороша!... А завтра день моего отъѣзда... Ужъ все готово; мой быстрый черкесъ подкованъ, пистолеты вычищены, добрая тройка выкормлена; завтра прощай все, что мило и дорого сердцу! Кто знаетъ, что застаю я, возвратясь на родину, и когда возвращусь? да и возвращусь ли?... Прочь, темныя мысли! Скоро я обниму отца и матушку, покажу имъ георгіевскій крестъ... Она меня любитъ!... Сегодня мы гуляли по саду:

— Вы завтра уѣзжаете непременно?—сказала она.

— Да,—грустно отвѣчалъ я.

Мы замолчали и прошли длинную аллею. Потомъ я началъ что-то говорить, самъ не понимая хорошенько, что такое; тогда оно казалось очень умно и складно, а какъ припомню—выходитъ удивительная чепуха; она тоже говорила о постороннихъ вещахъ, но такимъ голосомъ, такой смыслъ выходилъ въ рѣчахъ ея, что я ободрился и подарилъ ей на память вѣточку полыни. Самъ не знаю, какъ я рѣшился на подобную дерзость; отдалъ вѣточку и сейчасъ же готовъ былъ отнять ее, готовъ былъ провалиться сквозь

землю, боялся поднять глаза, чтобъ не увидѣть, какъ моя вѣточка небрежно смятая, съ улыбкою будетъ брошена на землю и съ нею вмѣстѣ мое счастье, покой, будущность. Я слыхалъ, что женщины всегда, улыбаясь, дѣлаютъ подобныя вещи.

Мы вчера читали „Селямъ“, роскошный языкъ цвѣтовъ, и еще Ш. очень смѣялся, что полныи дано значеніе:

Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслию сливаю.

Но полынъ не брошена; къ ней прибавлено два или три мелкіе цвѣточка — и этотъ букетъ былъ цѣлый день приколотъ къ ея груди.

Вечеромъ она подошла къ роскошному кусту цвѣтшихъ камелій, сорвала одинъ цвѣтокъ и робко отдала мнѣ на память. Я пришелъ въ свою комнату, схватилъ „Селямъ“, началъ быстро отыскивать камелію...

Передо мною мелькали: анемонъ, акаціи, барбарисъ, вѣтренница, василекъ, гвоздика и проч. и проч. Вотъ и камелія... тутъ я прижалъ пышный цвѣтокъ къ губамъ своимъ — камелія: я люблю тебя. Я еще разъ прочелъ, не вѣря самъ себѣ... точно напечатано: я люблю тебя! Я пишу, и камелія лежитъ передо мною; ея лепестки, кажется, вытягиваются ко мнѣ, кажется, шевелятся... кажется, шепчуть: „я люблю тебя.“ Люблю! какое гармоническое слово! сколько мягкости и нѣги въ этомъ словѣ! какъ очаровательно должно быть оно въ устахъ ея! Если-бъ мнѣ удалось услышать отъ нея мелодическіе звуки этого слова!...

28 августа.

Сегодня я простился съ роднымъ домикомъ. Отслужили молебень, матушка надѣла мнѣ на шею образъ Спасителя, отецъ благословилъ меня саблею, съ которою онъ во время Екатерины впереди своихъ храбрыхъ гусаръ вѣзъвался въ турецкія колонны и казачествовалъ въ отечественную войну. Я обнялъ отца, матушку, братьевъ, сестеръ,

милаго Ш., поцѣловаль ея ручку, которая, видимо, затрепетала въ моей рукѣ, и поскакаль на тройкѣ. Я скоро догналь казачій отрядъ, выступившій уже въ походъ.

1 сентября.

Третій день мы идемъ, и нашъ походъ очень похожъ на торжественное шествіе: вездѣ народъ встрѣчаетъ насъ съ восторгомъ; ненужно посылать впередъ квартиргеровъ: старшины казачьихъ селъ, куда мы приходимъ на ночлегъ, на-перехватъ приглашаютъ казаковъ на квартиры, кормятъ ихъ, кормятъ лошадей, и ни за чтó не хотятъ брать ни гроша. Это пріятно, но утомительно; такой незаслуженный триумфъ несносенъ: дѣло другое, если-бъ мы возвращались побѣдителями... Когда бы скорѣе попасть въ непріятельскую землю!

2 сентября.

Вѣчно мнѣ ничего на удается! Пришедши въ городъ П***, я уже засталъ приказъ остановиться и дождать дальнѣйшихъ распоряженій.

Очень весело стоять въ дрянномъ городкѣ, гдѣ даже нѣтъ порядочнаго трактира пообѣдать, а какая-то скверная харчевня! Для перваго моего дебюта въ харчевнѣ ничего болѣе не отыскалось, кромѣ жареной курицы и половины поросенка, вѣроятно, завяленныхъ на медленномъ огнѣ въ средніе вѣка за еретичество. Эти кушанья представили въ лицахъ поговорку: „видитъ око, да зубъ нейметъ.“ Спросилъ чаю — мнѣ дали сбитню, и какая-то скверная рыжая борода; называвшая себя хозяиномъ харчевни, смѣеть еще увѣрять, что это чай, и что почти всѣ семинаристы пьютъ его подъ этимъ названіемъ. А тутъ еще нѣтъ квартиры! Это уже не казачье село, а городъ; здѣсь уже никакого толку не добьешься. Едва ночью показали квартиру, и я голодный легъ спать.

10 сентября.

Вотъ уже недѣля, какъ стоимъ въ П***, а о походѣ и слуха нѣтъ. Тамъ люди получаютъ почести, отличія и

славныя раны за отечество, а здѣсь изволь сидѣть да ску-
чать. Городъ осмотрѣлъ въ два часа; раза три ходилъ къ
Дивпру: отъ воды сыро; наступаетъ осень, погода дѣлается
холоднѣе....

Вчера ко мнѣ явился мой хозяинъ, человекъ очень
фантастическій, въ сѣрыхъ брюкахъ и въ синей венгерской
курткѣ; его маленькая головка постепенно суживалась и,
выдвигаясь впередъ, перешла въ большой красный носъ,
отчего мой хозяинъ очень похожъ на птицу, называемую
дубельшнепомъ; онъ улыбался, то-есть, приподнявъ немного
кверху носъ, оскаливъ зубы и, кланяясь, поставилъ на
землю порядочной величины гробъ, который принесъ поды-
мышкою.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Ничего, милостивѣйшій государь.—Я полагаю, вамъ
должно быть скучно, и принесъ вамъ утѣшеніе.

„Хороша утѣха“ подумалъ я и сказалъ:

— Согласенъ, что это утѣшеніе для всякаго христіанина,
но....

— Извините, милостивый государь, и до христіанства у
іудеевъ это было въ большомъ употребленіи, какъ средство,
разгоняющее темныя мысли.

— А иногда, я полагаю, нагоняющее....

— Извините, милостивый государь.

— По-крайней-мѣрѣ я бы просилъ васъ избавить меня
отъ этого страннаго утѣшенія. Смотрѣть на гробъ, хотя
онъ и выкрашенъ, какъ вашъ, для меня не очень пріятно.

— Хе-хе-хе! государь мой любезный! вы не поняли дѣла;
оно сходственно, да совсѣмъ не то; это доброгласныя
гусли.

Тутъ онъ поставилъ свой ящикъ на столъ, поднялъ
крышку, и я засмѣялся своей ошибкѣ; это были точно
гусли; мой хозяинъ попросилъ позволенія сыграть и забав-
лялъ меня цѣлый вечеръ.

4 октября.

Вотъ и мѣсяць, а о походѣ и слуха нѣтъ; война, гово-

рять, утихаетъ. Не-уже-ли придется кончить службу, не выходя изъ П***? Здѣсь умрешь со скуки. Жизни, однообразіе моей, и выдумать невозможно. Рано по-утру выслушаешь донесенія урядника, поѣдешь на конюшню: тамъ лошади ѣдятъ овесъ; монотонный звукъ отъ ихъ челюстей, жующихъ зерна, уже нагоняетъ скуку. Возвратясь домой, пьешь чай, долго пьешь—часа два, чтобъ убить время; потомъ стрѣляешь въ цѣль изъ пистолетовъ, тамъ обѣдаешь; послѣ обѣда или свистишь, или, глядя въ окно, барабанишь по стекламъ пальцами, пока не настанетъ время отправиться на конюшню; на конюшнѣ по-старому слышишь, что „все обстоитъ благополучно,“ и лошади опять ѣдятъ овесъ. Приѣдешь домой, напьешься чаю, поучишь часть-другой собаку носить поноску, и спать пора. Завтра то же, то же и то же!...

Еще, пока было теплѣе, меня веселили какіе-то два ученика въ тиковыхъ халатахъ удивительнымъ дуэтомъ: у меня передъ окномъ растетъ пребольшая шелковица; каждый день, бывало, при солнечномъ закатѣ являются два ученныя существа, одно лѣтъ шестнадцать или семнадцать, а другое лѣтъ двѣнадцать. Старшій ученый усядется, бывало, въ полдерева верхомъ на толстомъ суку и, болтая ногами, звучнымъ баритономъ начинаетъ спрягать латинскій глаголь а то, а меньшей взберется на самый верхъ шелковицы, совершенно укроется въ вѣтвяхъ—только и видишь изъ зелени одну торчащую книжку въ красномъ переплетѣ—и самымъ пронзительнымъ дискантомъ распѣваетъ какое-то греческое склопеніе. Да какъ припуститъ, бывало, вдвоемъ—истинная музыка! Ни одна баба не пройдетъ мимо двора, не остановясь минуты на двѣ, чтобъ послушать иностраннаго пѣнія.

— Съ трудомъ дается наука, милостивѣйшій государь мой! всегда, бывало, скажетъ мой хозяинъ, поглаживая краснѣйшій носъ, когда услышитъ латино-греческій дуэтъ.— Смѣю вамъ доложить, что лучше-бъ согласился пахать землю, нежели пѣть подобнымъ образомъ по деревьямъ.

Теперь я лишился и этого удовольствія; осень оборвала почти всё листья на деревь, вечера стали холодные и пѣвцы сокрылись невѣдомо куда. Хозяинъ и его гусли мнѣ стали противны: всякій день играетъ одно и то же; выпросилъ у меня стакана два пуншу, напьется и начнетъ пѣть такія гадости, что слушать отвратительно...

Уже начались мелкіе осенніе дожди и цѣлый день не выпускаютъ изъ комнаты; въ городѣ нѣтъ ни одной книжной лавки, хоть улицы полны такъ-называемымъ ученымъ народомъ, а винныхъ погребовъ, кажется, около десятка. Я очень жалбю, что не взялъ съ собою изъ дома ни одной книги; приказалъ своему человѣку говорить сказки, да у него какія-то лакейскія сказки—все барыни, да господа, да нѣмцы... Что ты мнѣ не рассказываешь про Бабу-Ягу, про Змѣя Горыныча, про Гаркушу, про Наливайку?.. „Все это, сударь, мужицкія сказки, я такихъ не знаю....“ Что съ нимъ дѣлать? Вотъ полупросвѣщеніе! вретъ нелѣпости на новый ладъ и знать не хочетъ старины! Толковалъ ему, толковалъ—ничего не понимаетъ!

4 декабря.

Наконецъ, я опять дома, въ своей деревнѣ, въ кругу своего семейства! Наши резервы распущены по домамъ. Вотъ и конецъ моей службы! Какая злая насмѣшка судьбы надо мною! Гдѣ мой крестъ? гдѣ моя слава? что я сдѣлалъ полезнаго? Мнѣ совѣстно смотрѣть на людей. Мой походъ похожъ на гору, родившую мышонка; я разыгрывалъ роль синицы, которая собиралась зажечь море. Рыцарская страсть къ приключеніямъ, жажда опасностей и славы—все это дало результатъ: изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ убійственной скуки и горечи разочарованія, одна польза—опытъ.

138... *4 января.*

Часто, улыбаясь, смотрѣлъ я на танцы и мысленно повторялъ извѣстный стихъ:

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Люди, кажется, и порядочные, и говорят довольно умно, и знаютъ приличія—мужчины не стануть ни прыгать по комнатѣ отъ скуки, ни свистѣть за столомъ; дамы ходять тихо, плавно, будто боясь вывихнуть себѣ ногу, все опускають глазки, ни на волосъ изъ устава К у т у китайцевъ о десяти тысячахъ церемоній; заиграла музыка, эти люди стали въ кружокъ—и пошла потѣха! Замахали руками, зашаркали ногами, засуетились, запрыгали. Кто скачетъ прямо, кто бочкомъ, кто толчется на одномъ мѣстѣ; да всѣ такъ храбрятся, точно воробьи надъ просыпанною крупой.

Уморительно-смѣшно! А теперь я самъ танцую съ утра до вечера, съ вечера до утра... Согласенъ, что танцовать, такъ, лишь бы танцовать съ кѣмъ попало, для vis-à-vis; для компаніи, и т. п.—мученіе; танцовать съ дамою, которую не только любить, но даже уважать не можешь—же сточайшая казнь; но танцовать съ нею, кружиться подъ волшебные звуки вальса Штрауса въ какомъ-то обаятельномъ мірѣ фантазіи, забывая и людей, окружающихъ меня, и все, кромѣ ея, держать это чудное созданіе въ объятіяхъ, чувствовать какъ бьется, трепещетъ подъ рукою сердце, за которое радъ бы отдать и мечты прошедшаго и будущности, пить ея дыханіе, слышать легкое прикосновеніе ея кудрей къ лицу вашему, обдающее васъ электрическимъ огнемъ—верхъ блаженства! Выносить всю нѣгу этихъ ощущеній можетъ душа любящая, но передать ихъ—никто!.. Съ недѣлю какъ она пріѣхала со своими родными и гостить у насъ, и я, прежде танцовавшій только для приличія, сдѣлался страстнымъ охотникомъ до танцевъ—все почти танцую съ нею.

Какъ она добра и умна! Матушка моя очень полюбила ее, а она полюбила мою маменьку. Съ дѣтства лишенная отца и матери, она круглая сирота; ей любо отогрѣть душу любовью.

1 мая.

Настала весна. Весело щебечуть въ полѣ жаворонки,

цвѣтуть подснежники, зазеленѣли рощи, зацвѣли сады; соловей прилетѣлъ уже и цѣлыя ночи поетъ свои страстные пѣсни; все живетъ, все радуется, а мнѣ скучно...

Какъ весело встрѣчалъ я весну будучи ребенкомъ! какъ меня радовала первая травка, зазеленѣвшая на пригоркѣ! я съ восторгомъ встрѣчалъ южныхъ гостей—перелетныхъ птицъ. Природа и теперь все та же; отчего же мнѣ грустно? Какое тяжелое чувство тѣснить грудь мою и слезы готовы брызнуть изъ глазъ? Отчего это? Я не бѣденъ, отецъ и мать мои живы и такъ любятъ меня; я люблю ее и любимъ—не верхъ ли это благополучія? Женюсь и стану жить въ тишицѣ и спокойствіи... Нѣтъ, я такъ люблю ее, что не могу теперь жениться... Какое имя я принесу ей? дѣйствительный студентъ!... Это значить унижить ее предъ уѣздною спѣсью, такъ овладѣвшею моими землячками, что нѣкоторые даже подписываются на пріятельскихъ запискахъ: майорша и кавалерша N. N. и проч. въ родѣ этого. Нѣтъ, я долженъ служить, сдѣлаться хоть чѣмъ-нибудь, и тогда... Да и батюшка мнѣ это совѣтуетъ; а я не хочу быть ослушникомъ его воли... Мнѣ необходимо служить; я долженъ употребить на пользу отечества мои познанія.

Въ военную службу я теперь ни за что не пойду война кончилась: что я буду дѣлать? опять закочую изъ села въ село, изъ городка въ городишко; скучать или волочиться за дочками помѣщиковъ, чтобъ отъ-нечего-дѣлать какъ-нибудь убить праздное время? Нѣтъ, я перемѣню саблю на перо, поѣду въ столицу, въ Петербургъ: тамъ широкое поле для умственной дѣятельности, тамъ столько министерствъ, тамъ я съ пользой употреблю мои познанія.

Рѣшено: ѣду въ Петербургъ. Года два, много три—и я надѣюсь отличиться; я постараюсь укоротить, облегчить дѣловые переписки; профессоръ правъ такъ много намъ толковалъ о нихъ; я ночей не стану спать.... Я достигну чего-нибудь и возвращусь домой. Тогда какъ будетъ пріятно съ гордостью подать ей руку и сказать: „все для тебя!...“

Ѣду, Ѣду, въ Петербургъ! тамъ же есть братъ моей матушки, человекъ въ чинахъ, давно уже дѣйствительный статскій совѣтникъ. Батюшка говоритъ, что онъ его когда-то отправилъ на свой счетъ въ Петербургъ.... Ну, да это въ сторону; довольно, что онъ братъ моей безцѣнной матери. Я прѣйду, обниму этого добраго старичка, передамъ вѣсти о матушкѣ, о нашемъ житьѣ, о своихъ надеждахъ: онъ вѣрно не оставитъ меня на первый разъ своимъ совѣтомъ и покровительствомъ.

10 мая.

Несносный Сутяговскій былъ у насъ и мучилъ цѣлый день своими хитрыми и злыми разсказами. Когда смотрю на него, невольно приходятъ на умъ стихи Пушкина:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Намеки его на мою праздную жизнь нестерпимы; я сказалъ ему, что Ѣду въ Петербургъ: ему, кажется, это досадно. Онъ ворчалъ батюшкѣ о высокоуміи молодыхъ людей, о выгодѣ служить сначала въ уѣздномъ казначействѣ и постепенно переходить даже до сената, гдѣ можно, дослужась до секретаря, быть человекомъ — да я и не слушалъ его вздора.

Сегодня прѣзжалъ Ивановъ; онъ разсыпался передо мною въ благодарностяхъ говорилъ, что онъ обязанъ мнѣ жизнью и просилъ моего батюшку дать ему въ залогъ нашу деревню на какія-то соляныя озера, общая за это заплатить за крестьянъ подати. „Мнѣ, говоритъ, многіе съ радостью дадутъ имѣнія для этой операціи; но какъ я обязанъ вашему сыну жизнью, то хочу какъ-нибудь быть вамъ полезнымъ, хоть вашимъ крестьянамъ. Это дѣло моей совѣсти, позвольте облегчить ее; а между тѣмъ и вы дадите мнѣ возможность получить огромные выгоды и составите счастье моихъ дѣтей“. Отецъ мой согласился и даетъ Иванову довѣренность. Сутяговскій очень одобряетъ это и, по своему образу мыслей, сказалъ, что можно бы еще было сорвать съ Иванова тысячу-другую.

30 мая

Вчера я простился съ нею. Это было на степномъ хуторѣ ея дяди, гдѣ все семейство Ш. гостить теперь. Часу въ десятомъ утра она пошла въ степь искать полевой земляники; я пошелъ съ ружьемъ стрѣлять перепелокъ и нашелъ ее около версты отъ хутора.

Утро было чистое, ясное; мы сѣли въ долину; все вокругъ улыбалось; цвѣты весело помахивали головками; душистый чаберъ благоухалъ въ долину. Грустно сидѣли мы; я рассказалъ ей необходимость поѣздки въ Петербургъ. Судорожно обняла меня она, какъ бы боясь выпустить, потомъ, склонясь на грудь мою, тихо заплакала... Я тоже плакалъ... Горьки были для меня эти минуты, тяжело было на душѣ моей, а вокругъ все было свѣтло, весело: птички пѣли, ароматные цвѣты ярко пестрѣли. Мы немного успокоились, поклялись въ вѣчной любви и обмѣнялись кольцами. На небѣ не было ни облачка; но когда она стала надвѣвать мнѣ на руку свое колечко съ незабудкой, вдругъ на лицо ея набѣжала тѣнь—мы разомъ вздрогнули, взглянули вверхъ: надъ нами вился степной коршунъ. Кто бы могъ повѣрить, что такое ничтожное твореніе могло заставить насъ затрепетать отъ неизвѣстнаго страха?...

Нѣсколько минутъ мы сидѣли неподвижно, смотря другъ на друга; я еще разъ обнялъ ее, наконецъ оторвался отъ прощальнаго поцѣлуя и побѣжалъ въ степь; она тихо возвратилась на хуторъ. Къ обѣду мы сошлись оба печальные, а послѣ обѣда я уѣхалъ.

15 іюня.

На-дняхъ я выѣду въ Петербургъ; мнѣ приготовили хорошую дорожную брику на рессорахъ; ѣхать будетъ спокойно; долго ли проскакать полторы тысячи верстъ? Чрезъ недѣлю я увижу нашу приморскую столицу, увижу новый свѣтъ; образованность, науки, художества—все тамъ имѣетъ свою цѣну. Чудный городъ!... что ты готовишь мнѣ?

Почкина станція, 23 іюня.

Давно ли—еще сегодня утромъ я былъ окруженъ миль-

ми моему сердцу—и вотъ я одинъ брошенъ въ свѣтъ; съ каждою минутою удаляюсь отъ знакомыхъ мѣстъ моего счастливаго дѣтства и беззаботной жизни, и приближаюсь Богъ-знаетъ къ чему, къ худому ли, къ доброму ли, во всякомъ случаѣ къ могилѣ. Когда я отправлялся въ походъ на войну, гдѣ готовъ былъ всякую минуту стать лицомъ-къ-лицу смерти, я не грустилъ ни мало, мнѣ были весело; отчего же теперь грущу? Отчего я такъ плакалъ, въ послѣдній разъ обнимая добрыхъ моихъ родителей? отчего мнѣ безпрестанно мерещется этотъ проклятый, зловѣщій коршунъ, съ распушенными крыльями, съ раздвинутыми когтями, висящій надо мною?

Выѣхавъ изъ дома, я все смотрѣлъ назадъ, пока не скрылась изъ виду наша деревня; долго еще была видна вершина пирамидальнаго тополя; подъ нимъ еще вчера мы весело пили чай... вотъ и онъ скрылся изъ виду; я вздохнулъ, прилегъ на подушку и подъ однообразную пѣсню моего ямщика:

Какъ жена била мужа,

Да еще пошла на него жаловаться.

вздремнулъ. Въ минуту я былъ въ какомъ-то безграничномъ храмѣ; тамъ множество народа; вотъ батюшка, матушка, братья и сестры; бѣгу къ нимъ—они отъ меня отодвигаются; далѣе, въ нишѣ, стоитъ она, въ вѣнчалномъ нарядѣ; я къ ней, хватаю ее за руку—она отнимаетъ руку, строго смотритъ на меня... я кличу ее по имени, спрашиваю: узнаешь ли ты меня?—она презрительно улыбается и говоритъ: „я в а с ѣ не знаю.“ Я вздрогнулъ и проснулся... Какой нелѣпый сонъ!...

Вотъ я уже три часа сижу на станціи; долговязый писарь говоритъ: нѣтъ лошадей.“—„Не вѣрьте ему бездѣльнику,“—говоритъ какой-то провзжій, котораго я засталъ здѣсь: „онъ на водку хочетъ. Вотъ я шестой разъ сижу на этой дурацкой станціи и ни разу не выѣхалъ, не давъ четвертака этому пьяницѣ—вотъ онъ чего хочетъ!...“ Пришелъ еврей, содержатель станціи, поднялся крикъ, ссора, споръ—писать невозможно.

7 іюля.

Къ безчисленному множеству миѳовъ, порожденныхъ просвѣщеніемъ, должно также отнести и прославленную быструю русскую почтовую ѳзду. Четырнадцать сутокъ ѳзду день и ночь, и не могу проѳхать полторы тысячи верстъ: то нѣтъ лошадей, то лошади не везуть.... А безпрестанныя непріятности, просьбы ямщиковъ и старость на водку, а рублевья порціи телятины, которыхъ мало десяти человѣку позавтракать—все это нестерпимо.

Здѣсь встрѣтилъ меня человѣкъ въ родѣ откормленаго кабана, въ красной рубахѣ, съ рыжею бородою, съ претолстою шеею, сквозь которую едва пробивается хриплый голосъ: это былъ самъ староста. Онъ посмотрѣлъ на мою подорожную и посовѣтовалъ мнѣ итти въ гостиницу, потому что лошадей нѣтъ. Я отыскалъ смотрителя и подалъ подорожную.

— Надобно спросить у старосты, — сказалъ онъ.

— Я старосту видѣлъ.

— Что же онъ?

— Говорить: нѣтъ лошадей.

— Вотъ видите! Я вамъ говорю: ~~гонъ ужаснѣйшій!~~...

Хоть сами посмотрите въ книгу.... у меня каждая лошадь записана.

— Скоро ли будутъ лошади?

— А Богъ знаетъ. Часовъ черезъ шесть, можетъ, соберемъ, если кто не подоспѣтъ по казенной.

— А если подоспѣтъ, то мнѣ опять придется ждать?

— Дѣлать нечего, у насъ иногда сутокъ по двое сидятъ: подъ столицею разгонъ всегдашній. Бейся, бейся, какъ рыба объ ледъ—бѣдовое дѣло!

— Нѣтъ ли у васъ своихъ лошадей?

— Куда намъ держать! служимъ изъ хлѣба; а если хотите, здѣсь есть вольный извозчикъ, у него лошади знатныя; мигомъ васъ доставитъ въ Питерь.

— Ради Бога, пошлите за нимъ.

Принадлежитъ библиотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продана быть не можетъ.

— Только онъ менѣ сорока рублей не возьметъ за тройку.

— Богъ съ нимъ, лишь бы доставилъ скорѣе.

— Такъ вы пожалуйста деньги, я ему отдамъ.

— Возьмите.

Добрый старичекъ смотритель! Онъ взялъ деньги, открылъ окно и закричалъ! Оумка, живѣе барину тройку! Пожалуйста вашу подорожную.

— Для чего жъ это! вѣдь я поѣду на вольныхъ.

— Конечно; но все, знаете, оно безопаснѣе; вы увѣжаете изъ станціи, надобно беречь себя.

— Развѣ здѣсь шалать?

— Богъ миловалъ; а на всякій случай не мѣшаетъ, знаете ради острастки.

Смотритель, записавъ подорожную, отдалъ мнѣ ее, приговаривая: „Вотъ такъ лучше! Ну, теперь съ Богомъ.“
Добрый человекъ этотъ смотритель!

8 іюля.

Много радости приноситъ намъ фантазія, а еще больше печалей. Какъ сравнишь мечту съ дѣйствительностью—вѣчный проигрышъ на сторонѣ послѣдней, и человекъ—постоянная жертва разочарованія. Я въ Петербургѣ, и недоволенъ имъ! Моя фантазія состроила идеалъ этого города; существенность не подошла къ идеалу, и Петербургъ мнѣ не нравится. Я ожидалъ гораздо лучшаго.... Нештукатуренные дома некрасивой архитектуры, въ родѣ фабрикъ, поразили глаза мои непріятнымъ ощущеніемъ. Даже, мнѣ кажется, мало въ немъ жизни, мало движенія для столицы. Впрочемъ, я не видѣлъ еще главной улицы—Невскаго проспекта. На этой улицѣ живетъ мой дядюшка. Завтра приѣднусь и поѣду къ нему.

9 іюля.

Я пріѣхалъ къ дядюшкѣ въ 10 часовъ утра. „Его превосходительство изволить почевать,“ сквозь зубы проворчалъ мнѣ надутый лакей и захлопнулъ передъ носомъ дверь.

Прихожу въ одиннадцатъ: „чай кушаютъ!“ отвѣчаетъ та же ливрейная кукла.

— Доложи, братецъ, что я племянникъ генерала, прѣхалъ изъгуберніи и привезъ ему отъ родной сестры письма.

Лакей окинулъ меня глазами съ головы до ногъ и, указавъ рукою на дверь, ведущую въ пріемную, сказалъ: „обождите тамъ.“

Цѣлый часъ бродилъ я по комнатѣ, разсматривая эстампы, висѣвшіе на стѣнахъ, и не переставая удивляться, отчего бы дядюшкѣ не пригласить меня выпить съ нимъ чашку чаю. Ударило двѣнадцать; лакей отворилъ дверь въ гостиную и просилъ меня войти.

Дядюшка въ вицъ-мундирѣ, съ звѣздою на груди, сидѣлъ на диванѣ; возлѣ него въ креслѣ почти лежалъ молодой гвардейскій офицеръ, а возлѣ офицера сидѣла дѣвушка блѣдная, худая, перетянутая до-нельзя, очень похожая на стрекозу. При первомъ взглядѣ на дядюшку, меня оставила мысль броситься къ нему на шею. Это былъ чопорный старикъ, одѣтый съ изысканностью, съ бѣлымъ фарфоровымъ лицомъ, безъ жизни, безъ выраженія. Когда я ему отдалъ письма, онъ, не читая ихъ, подалъ мнѣ два холодные, какъ ледъ пальца, и хладнокровно проговорилъ:— очень радъ, садитесь. Вы, вѣроятно, прѣхали на службу?

— Точно такъ.

— Здѣсь чрезвычайно трудно доставать мѣста по статской службѣ.

Тутъ вбѣжалъ въ комнату какой-то чиновникъ и принизко поклонился дядюшкѣ; дядюшка обнялъ его, усадилъ на диванъ и началъ толковать о вчерашнемъ.

Мой дядюшка одушевился, глаза его какъ-то задвигались скорѣе; онъ засыпалъ своего гостя сюркупамы, операми; три левэ, два левэ, четыре левэ—такъ и лились съ языка. Противникъ не плошалъ и быстро отстрѣливался фразами въ родѣ: тузъ, король и дама самъ-пять.

Дѣвушка шепталась съ офицеромъ смѣялась и изрѣдка,

посматривала на меня въ дорнетку. Кажется, мой провинціальнѣй костюмъ очень тѣшилъ ее: такъ, по крайней мѣрѣ, я заключилъ изъ немногихъ словъ, долетѣвшихъ до меня: а офицеръ держалъ оппозицію, увѣряя, что въ Польшѣ, во время похода, онъ видѣлъ много подобныхъ оригиналовъ, что это въ провинціи въ модѣ. Вѣроятно, язычекъ милой дѣвицы уже слишкомъ заѣхалъ далеко: она сдѣлала какое-то замѣчаніе на ухо офицеру и, лукаво кивая головою, громко сказала: *n'est ce pas?* а тотъ прехладнокровно отвѣчалъ: *je crois que non.*

Dites encore, que la neige n'est pas blanche! съ сердцемъ скоро проговорила дѣвушка, сжала отъ злости губки, отворотилась отъ офицера и, презрительно посмотрѣвъ на меня, вышла изъ комнаты.

Офицеръ не тронулся съ мѣста, только зѣвнулъ.

Видя, что мною никто не занимается, я раскланялся. Дядюшка на этотъ разъ не подалъ мнѣ и одного пальца, только сказалъ, слегка кивая головою: „Когда устроитесь, извѣстите меня: мнѣ будетъ пріятно слышать; да кланяйтесь вашимъ родителямъ, если будете писать.“ Въ передней я спросилъ слугу:

— Кто эта дѣвушка и офицеръ?

— Это дѣти его превосходительства.

— А гость во фракъ?

— Сочинитель Единороговъ.

— Что же онъ еочиняетъ?

— Не могу доложить. Кажется, онъ намъ сказывалъ, пишетъ исторію дома его превосходительства. Писать лишь бы охота, а домъ большой, съ флигелями, съ конюшнями....

Грустно я вышелъ на улицу. Мой дядюшка человекъ надутый; его дѣти—жалкія, пустѣйшія созданія! Никогда нога моя не будетъ въ этомъ домѣ. Если-бъ мнѣ пришлось умереть на улицѣ отъ холода, я не укроюсь у него подъ воротами. Гдѣ радушный пріемъ, о которомъ я мечталъ всю дорогу? гдѣ, наконецъ, благодарность? Опять разочарованіе!...

8 августа.

Вотъ уже мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ; всѣ мои занятія—обѣдъ, сонъ и прогулка. Чѣмъ болѣе узнаю я Петербургъ, тѣмъ болѣе ему удивляюсь. Очаровательный городъ!... Острова его—заглядѣнье. Если бы холодная сырость, проникающая васъ по закатѣ солнца, не напоминала вамъ о близкомъ сосѣдствѣ съ Лапландіей, можно бы подумать, что находишься подъ небомъ счастливой Италіи: кругомъ прелестныя рѣчки съ зелеными берегами; въ ихъ чистыя воды глядятся изящно-красивые домики, тѣнистые сады цѣлый міръ цвѣтовъ. Вы идете: пахнулъ вѣтерокъ и обдалъ насъ благоуханіемъ цвѣтущихъ померанцевъ. На чистой площадкѣ сада, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы видите извѣстную статую Меркурія флорентинскаго, онъ вылетаетъ изъ куста прекрасныхъ синихъ колокольчиковъ.

Персть указываетъ на даль, на главѣ развилися крылья,
Дышетъ свободою грудь, съ легкостью дивною онъ,
Въ землю удара крылатой ногой, кидается въ воздухъ....
Мигъ—и умчится....

Боишься отвести глазъ, чтобъ не потерять этотъ мигъ.... Далѣе, въ павильонѣ изъ розъ и акацій, Амуръ обнимаетъ Психею: ихъ позы полны нѣги и сладострастія; съ какой любовью смотритъ Амуръ въ очи Психей, будто читаетъ въ нихъ вѣчную, безпредѣльную повѣсть счастья! Его мраморныя крылья, кажется, трепещутъ отъ восторга, и эта группа облита темнымъ полусвѣтомъ, проходящимъ между зеленыхъ вѣтвей акацій, обвѣяна тонкимъ ароматомъ розъ.... Тамъ ярко жестрѣетъ широкополосная, въ восточномъ вкусѣ, шелковая палатка; шалунъ вѣтерокъ мимолетомъ тронетъ ее—и роскошно заволнуются, перельются въ радужныхъ отливахъ ея фантастическія полы, и засверкаютъ алые шнуры и кисти, перевитыя золотомъ Тише!... вы слышите звуки, будто летящіе къ намъ съ вышины—эта бѣглая проба на арфѣ. аккордъ, другой—и чистый голосъ заплѣлъ въ палаткѣ итальянское болеро; струны арфы то гремятъ, то замираютъ подъ руками, и голосъ пѣвицы,

проходя по всѣмъ измѣненіямъ страсти, дрожить, перерывается, растаиваетъ въ какомъ-то самозабвеніи и сливается съ арфою: голосъ умолкъ, одна только арфа, какъ далекое эхо, въ тихихъ аккордахъ повторяетъ страстную мелодію.... Очаровательно!...

Осенн 1 сентября.

Теперь уже Невскій проспектъ началъ оживать; впрочемъ, посѣщая его въ извѣстные часы нѣсколько дней сряду, я замѣтилъ, что онъ похожъ на огромную гостиную: народу пропасть, а встрѣчаешь все одни и тѣ же лица. Я ни съ кѣмъ не знакомъ въ Петербургѣ, но знаю очень много людей по физиономіи и, кажется, узналъ бы ихъ, если-бъ встрѣтился съ нимъ въ Америкѣ; особливо обратилъ мое вниманіе одинъ почтенный старичокъ: въ четвертомъ часу онъ каждый день идетъ по Невскому, въ коричневомъ длинномъ сюртукѣ и шляпѣ съ широкими полями; лицо у него важное—такъ много на немъ думы; глаза всегда съ размышленіемъ опущены въ землю. Я ежедневно встрѣчаясь съ нимъ, вчера только замѣтилъ, что у него на лѣвомъ глазу бѣльмо. Можетъ-быть, это одинъ изъ свѣтильниковъ науки, какой-нибудь извѣстный въ мірѣ ученый, академикъ. Четверть часа ранѣе встрѣчаются два молодые франта—должно быть, высокіе аристократы; они идутъ вѣчно вмѣстѣ объ руку другъ съ другомъ, вѣчно веселы, громко говорятъ, хохочутъ... что за манеры у нихъ: то искоса мигнуть на встрѣчную субретку, то слегка задѣнуть тросточкою бѣгущую мимо собаку—вредность!... Полчаса спустя, послѣ старичка въ широкой шляпѣ встрѣтишь.... Ну, да Богъ съ ними! и въ недѣлю не опишешь Невскаго. Весело, а все-таки нѣтъ мѣста!

Въ какомъ министерствѣ я не былъ! вездѣ примутъ ласково, и отвѣчаютъ: „къ величайшему сожалѣнію, нѣтъ вакансіи.“ Одинъ добрый секретарь даже сказалъ мнѣ, что такъ уважаетъ мои таланты и такъ полюбилъ меня (поговоря минутъ пять), что готовъ самъ умереть, лишь бы доставить мнѣ ваканцію. Нечего сказать, народъ вѣжливый!...

5 сентября.

Наконецъ я опредѣленъ. Проходя по улицѣ, вымощенной камнемъ, я замѣтилъ надпись: „Департаментъ ***“. Я взялъ свой аттестатъ и явился къ начальнику. Начальникъ, маленькій, толстенькій человекъ, съ круглымъ веселымъ лицомъ и коротко выстриженными волосами, зачесанными кверху, вышелъ въ приемную и, быстро поворачивая въ рукахъ золотую табакерку, спросилъ: „что вамъ угодно?“ Я объявилъ ему о намѣреніи служить подъ его начальствомъ и просилъ о мѣстѣ. Директоръ протянулъ ко мнѣ руку и, какъ бы ожидая, что я подамъ ему письмо, спросилъ:

— Кто вамъ рекомендовалъ нашъ департаментъ?

— Никто.

— И вы ни отъ кого не имѣете письма?

— Ни отъ кого.

— Но вы имѣете руку?

— Даже и двѣ, чтобъ работать все полезное.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, вы имѣете знакомство, связи, родство?

— Никакого.

— Да какъ же это вы такъ?... Кто за васъ поручится?

Извините меня....

— Мое происхожденіе, мое воспитаніе...

— Ха-ха-ха! извините меня, это неслыханное дѣло!

Петръ Ивановичъ! Егоръ, позови Петра Ивановича.

Скоро пришелъ Петръ Ивановичъ, высокій, сухощавый человекъ.

— Послушайте, Петръ Ивановичъ, — говорилъ директоръ: — вотъ молодой человекъ пришелъ безъ рекомендательнаго письма опредѣляться на службу — безъ рекомендательнаго письма! Да это оригинальная штука! Мнѣ бы хотѣлось опредѣлить его; у насъ есть вакансіи?

— Есть одна, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, мрачно посмотрѣвъ на меня: — на первый окладъ.

Прекрасно! напишите, молодой человекъ просьбу, приложите ваши бумаги и отдайте Петру Ивановичу. Удивитель-

ное приключеніе! Я сегодня же расскажу объ этомъ въ англійскомъ клубѣ—похохочетъ князь Фодотъ!...

Черезъ часъ я былъ уже опредѣленъ въ какіе-то чиновники 1-го оклада. Вотъ какъ! разомъ въ 1-й окладъ! Завтра явлюсь на службу!

6 сентября.

Меня упрятали, просто, въ писаря, съ жалованьемъ 420 рублей ассигнаціями въ годъ!...

— Вы учились ариѳметикѣ?—спросилъ меня начальникъ отдѣленія, Петръ Ивановичъ. Я не успѣлъ отвѣтить на этотъ нелѣпый вопросъ, какъ онъ продолжалъ:—такъ возьмите у журналиста Кокоровкина вѣдомость, повѣрьте въ ней итоги и подведите общій итогъ. Кокоровкинъ дослужился до надворнаго совѣтника, славно запечатываетъ и надписываетъ пакеты, а все не знаетъ сложенія: самъ вызвался составить вѣдомость о людяхъ, да и концовъ не сведетъ: все въ итогъ приходится, то половина, то треть человѣка!

Канцелярія засмѣялась, и я пошелъ къ журналисту.

При первомъ взглядѣ на журналиста я замѣтилъ въ немъ разительное сходство съ старичкомъ въ широкой шляпѣ: такой же глазъ съ бѣлымъ, та же важная физиономія. только вмѣсто коричневаго сюртука журналистъ былъ въ виць-мундирѣ. Я взялъ вѣдомость, посмотрѣлъ на итогъ и чуть не захохоталъ во все горло: въ итогъ было написано 5643 $\frac{3}{4}$ человѣка; послѣ $\frac{3}{4}$ были зачеркнуты карандашемъ и сверху приписано $\frac{5}{8}$.

— Вѣдомость, должно быть, трудная?—спросилъ я у журналиста.

— Попробуйте, такъ узнаете.

— Отчего же у васъ тутъ вышло $\frac{3}{4}$ человѣка?

— Нѣтъ, должно быть, $\frac{5}{8}$.

— А пять восьмыхъ отчего?

— Отчего? чортъ его знаетъ отчего! такъ выходитъ. Попробуйте, такъ перестанете смѣяться. Тутъ такое, я вамъ

скажу: и мертвыя души, и несовершеннолѣтнія... такая пунтаница, самъ чортъ ногу сломить.

— А у него непрочныя ноги?

— Попробуйте-ка попробуйте, перестанете смѣяться.

Еще я замѣтилъ здѣсь двухъ молодыхъ писцовъ—презнакомыя лица, какъ-будто я гдѣ то ихъ видѣлъ, или они снились мнѣ: въ старыхъ сюртучкахъ, обшитыхъ галунами; сидятъ они за особымъ столомъ и Петръ Ивановичъ въ продолженіе всего присутствія ворчалъ на нихъ, выговаривалъ, что они русской грамотѣ не знаютъ и не хотятъ слушать, только озорничаютъ, и грозился оставить ихъ въ департаментѣ безъ сапоговъ. „Я, говоритъ, дескать, вспомню старыя времена, когда я служилъ въ вашемъ чинѣ.“

Въ три часа директоръ уѣхалъ. Петръ Ивановичъ ушелъ въ слѣдъ за нимъ, и въ департаментѣ поднялась кутерьма: всѣ прятали бумаги; первые выскочили въ переднюю два писца, мадъли короткіе сюртучки, взяли тросточки и помчались по Невскому; теперь только я ихъ узналъ совершенно—моихъ невскихъ аристократовъ. Немного погодя, вышелъ журналистъ, натянулъ сверхъ виць-мундира коричневый сюртукъ, покрылъ мудрую голову шляпою съ широкими полями и важно двинулся по Невскому. „Такъ вотъ мой академикъ, механикъ, астровомъ!“ подумалъ я и, увлеченный общимъ потокомъ, пошелъ тоже по Невскому—домой.

1 декабря.

Третій мѣсяцъ служу я и все переписываю бумаги скучныя, безжизненныя! Стоило для этого ѣхать въ Петербургъ! Я могу, при счастіи, лѣтъ чрезъ пять поступить на жалованье 750 рублей и все-таки буду переписывать; а я еще при вступленіи нажилъ себѣ непріятеля въ лицѣ Петра Ивановича; онъ приберегалъ мѣсто, которое я занялъ, своему крестнику, и вдругъ я какъ съ облаковъ свалился.

Петръ Ивановичъ называетъ меня вольнодумцемъ оттого, что я, переписывая его бумаги, исправляю букву ѣ, которую онъ ставитъ какъ попало; онъ напишетъ веденіе, а

я поправлю въ дѣвнiе; споримъ часъ, и кончится тѣмъ, что онъ разскажетъ сказку, какъ яйца курицу учили, и тому подобныя любезности, и согласится принять одно ъ и пишетъ въ дѣненіе.

Ванька несетъ съ почты письмо. Въ сторону журналъ! Что то новаго мнѣ пишутъ изъ дома?

„Милостивый государь,

„Яковъ Петровичъ!

„Будучи въ сосѣдствѣ и находясь въ пріязни съ домоюъ вашимъ, я всегда питалъ къ вамъ чувства моего почтенія, иначе выразиться, чувственную привязанность, не находивъ въ васъ трагическаго духа. Съ особеннымъ неудовольствіемъ спѣшу извѣстить васъ о паденіи вашего черкеса: онъ палъ, иначе выразиться, издохъ отъ сильнаго перегона, будучи посланъ за докторомъ по причинѣ удара, приключившагося вашему батюшкѣ, отъ коего онъ и померъ; ваша матушка осталась теперь во вдовствующемъ положеніи, но что же дѣлать! Не печальтесь, ибо мы всѣ ходимъ подъ Богомъ и кончаемся за грѣхи Адама. Въ васъ на похоронахъ было много почету и нашъ предводитель генералъ Н. Н., который, можно выразиться, и генералъ и человекъ генеральный, и Сутяговскій очень оскорблялся и плакалъ, и прочіе, всѣ извѣстные, были въ сильномъ расположеніи и въ слезахъ, а послѣ обѣда развѣхались. За симъ съ чувствомъ глубочайшаго высокопочетанія и совершенной преданности имѣю честь пребыть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою—

Иванъ Шука-Окуневскій.

183 . . . года, ноября 15 дня.

Село Скоробрехи.

„Прилагаю при семъ рецептъ, доставленный для васъ вашимъ аптекаремъ для самопалительныхъ сѣрныхъ спичекъ.

Возьми: Phosphor. gr. x. т.-е. фосфору 10 грановъ,

Flor. Sulph. — j — сѣрныхъ цвѣт. 1 гравъ,

Kalioxiimurialici 3j — солянокислаго поташа 1 драхму,

разотри въ тридцати гранахъ слизи аравійской камеди и обмакивай спички, а послѣ суши въ сухомъ воздухѣ.“

29 декабря.

И еще мѣсяцъ; я все переписываю бумаги; въ положенные часы прихожу, и выхожу въ положенный часъ; я сдѣлался сущимъ автоматомъ!... Впрочемъ, со смерти моего добраго отца, я хожу какъ въ туманѣ, неспособенъ понять ни одной живой мысли, и для меня занятіе переписчика очень по-рукъ; даже я не могъ ничего написать въ своей памятной книжкѣ: онъ умеръ—и больше ничего! Я даже смѣялся, читая безтолковое письмо съ сѣрными спичками, а на грудь будто легъ тяжелый камень, голова трещала отъ жара, а руки стали холодны какъ ледь.

Сегодня немного мнѣ легче; слезы брызнули изъ глазъ и мнѣ такъ стало жалко добраго моего старика! Я вспомнилъ, какъ онъ прощался со мною и плакалъ, обнимая меня, какъ долго смотрѣлъ вслѣдъ за уѣзжавшимъ моимъ экипажемъ; какъ его сѣдая голова медленно кланялась мнѣ изъ окна.... И зналъ ли я тогда, что прощаюсь съ нимъ навѣки.... что я схороню его.... что мои поцѣлуи были надгробное лобзаніе сходящему въ могилу? Блаженъ человекъ, что не вѣдаетъ будущаго!...

183. ... 1 января.

Сегодня новый годъ. Коллежскій ассессоръ Алеутниковъ, служащій въ одномъ со мною отдѣленіи, затащилъ меня поздравить съ праздникомъ Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ одѣвался, однако принялъ насъ очень ласково и, разговаривая о погодѣ, началъ повязывать передъ зеркаломъ галстукъ. Петръ Ивановичъ не любитъ бантовъ и всегда завязываетъ галстукъ на затылкѣ; теперь, какъ-нарочно, концы платка не сходились, руки двигались врозь, и Петръ Ивановичъ начиналъ морщиться отъ досады. Въ два прыжка низенькій Алеутниковъ очутился сзади своего патрона, вытянувшись на цыпочкахъ овладѣлъ галстукомъ и повязалъ его. Я невольно улыбнулся.

— Чувствительно обязанъ!— сказалъ Петръ Ивановичъ, быстро оборотясь къ Алеутникову, и даже взялъ его за руку, а на меня бросилъ самый мрачный взоръ.

2 января.

Косо посмотрѣлъ на меня въ департаментъ Петръ Ивановичъ и почти бросилъ передо мною бумагу, исписанную ужаснѣйшими крючками и хвостами, сказавъ сердито: „переписать скорѣе, да не ошибиться. Эти ученые много о себѣ думаютъ, а мало дѣлаютъ.“

Началъ я разбирать кудрявое письмо моего благодѣтеля, по слову, по два переводить на бумагу и къ концу присутствія явилось очень чистенькое отношеніе отъ лица нашего директора къ одному важному духовному лицу. Петръ Ивановичъ долго разсматривалъ мою копію, сличалъ ее съ оригиналомъ, придирался къ запятымъ, и вдругъ поблѣднѣлъ отъ ужаса и, гордо поднявъ голову, грозно посмотрѣлъ на меня.

— Какъ вы смѣете дѣлать подобныя дерзости, невѣжественности? Вотъ что значитъ принимать на службу неизвѣстныя лица!

— Какія дерзости?

— Еще и какія! Какъ вы могли смѣть исказать смыслъ бумаги, данной вамъ начальникомъ?

— Гдѣ же, позвольте узнать?

— Гдѣ же! гдѣ же! вы хотите подъ судъ меня упрятать? еще гдѣ же?... Этакое фанфаронство, съ позволенія сказать, вольнодумство, сущее безбожіе! неуваженіе властей....

— Я васъ не понимаю.

— Не хотите понимать, лучше скажите.... Да, возьмите, читайте, что тутъ написано: съ совершеннымъ и прочая.... читайте!

Съ совершеннымъ высокопочтеніемъ честь имѣю....

— Довольно, довольно! какъ вы сказали, съ совершеннымъ?...

—Высокопочтеніемъ.

— Да, высокопочтеніемъ, еще и смотрѣть такую невинностью! развѣ можно писать такъ неуважительно?

— У васъ такъ написано.

— Неправда, подайте сюда! видите: — выс. Поч. и только—это значить, что я далъ вамъ только намекъ, надѣясь на ваше образованіе, а вы и этого не знали, или не хотѣли знать, я полагаю.

— Чтò же здѣсь написать надобно?

— Съ совершеннымъ высокопочтаніемъ — понимаете? не почтеніемъ, а почитаніемъ; это означаетъ степень великаго уваженія. Хорошо бы я былъ, если-бъ подалъ къ подписанію его превосходительству эту бумагу, и вдругъ бы мнѣ наклеили носъ, вотъ какой—при этомъ словѣ Петръ Ивановичъ приставилъ къ своему носу указательный палецъ и сдѣлался очень смѣшонъ.

Петръ Ивановичъ еще пѣтушился, еще ворачлъ, но я уже не слышалъ его замѣчаній: сторожъ принесъ мнѣ письмо; я вышелъ въ приемную, чтобъ прочитать.... нѣтъ, прописать.... или да, точно, прочитать и прочиталъ, перечиталъ, нѣтъ, зачиталъ.... голова кружится—жарко—не могу писать.... лягу прочитать.

„Дорогой товарищъ мой!

„Давно мы съ тобою не видались. Какъ вышли изъ лица, подали на прощаньи другъ другу руки и разошлись по разнымъ дорогамъ: ты зажилъ въ деревнѣ, а я отправился къ своему дядѣ, командовавшемумъ уланскимъ полкомъ, получилъ *virtuti militari*, чинъ поручика, и теперь стою съ полкомъ въ уѣздѣ. Славный уѣздъ! помѣщиковъ пропасть, ребята все веселье, хорошенки ихъ бездна—извини за армейскій слогъ: гдѣ намъ угоняться за вами, столичными! У насъ, вмѣсто зеркала блистаетъ свѣтлой сабли полоса, и диваны замѣняетъ куль овса, какъ тамъ поется въ этой гусарской пѣснѣ—ты знаешь; я не мастеръ былъ и въ классѣ заучивать стихи; грѣшенъ только въ четырехъ строкахъ, которыя профес-

*и все студентъ, между темъ
м. Берлин, что, еще основанъ*

соръ приводилъ въ примѣръ слога, не помню какого роста, чуть ли не высокаго, и за которые я сидѣлъ три дня въ карцерѣ; врѣзались въ память проклятыя! вотъ они, возьми ихъ себѣ на здоровье:

Хоть съ вами-бъ Россы къ намъ достигли
Поящи западъ быстрины,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзы ваши всѣ страны....

А дальше, хоть убей, не знаю. Желалъ бы и этихъ не помнить, да запали въ голову какъ смертный грѣхъ. А за стихи ты, по старой дружбѣ, сослужи службу: вышли по первой почтѣ двѣ пары эпозетъ, одну форменную, а другую бальную, побольше, потолще, поблестящее, со всевозможными блѣстками. Что будетъ стоять, деньги я вышлю. А прогос! Я забылъ было! Въ здѣшнемъ уѣздѣ живетъ нашъ товарищъ Ш.; растолстѣлъ, братецъ; все спитъ послѣ обѣда, а у него сестрица—объяденъе, такая сантиментальная! Я къ нимъ очень часто ѣзжалъ прежде съ корнетомъ фонъ-Шпекъ. Лихой малый, говоритъ по-нѣмецки, и по-русски объясняется порядочно: можно понять; играетъ шибко—вотъ бѣда! Такой бѣшенный нѣмецъ: все ставить на карту, пока есть что на немъ; радъ бы и душу загнуть на уголь, да на что кому она? никто и въ грошъ не приметъ! прошли времена Громобоевъ....

Съ нимъ было уморительное приключеніе: сестрица Ш. начала на него заглядываться; онъ былъ дорогой гость въ домѣ. Однажды Шпекъ проигрался въ пухъ и цѣлую недѣлю питался картофелемъ и солью; я, вѣдучи къ Ш., взялъ Шпека съ собою. Дорогою Шпекъ мнѣ разсказалъ о своемъ картофельномъ постѣ. Пріѣжаемъ — намъ очень рады. Приходитъ пора обѣдать. Шпекъ съ удовольствіемъ посматриваетъ въ столовую. Съли за столъ: первое кушанье—картофельный супъ; я посмотрѣлъ на Шпека и не могъ не улыбнуться; подають соусъ картофельный, другой тоже изъ картофеля, жареный картофель и пирожное изъ картофельной муки. Шпекъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; онъ принялъ

это въ насмѣшку, тѣмъ болѣе, что при всякой перемѣнѣ черныя глазки m-lle Ш. быстро посматривали на Шпека. Я человѣкъ неслишкомъ тонкій, а каюсь, подумаль, что эта насмѣшка на нѣмецкую натуру моего товарища. Послѣ обѣда Шпекъ закапризился ѣхать домой; я боялся, чтобъ онъ не соорилъ какой сцены, и мы уѣхали.

Дорогою Шпекъ разразился въ проклятіяхъ. „Дьяволъ бы побралъ всѣхъ этихъ быстроглазыхъ!“ кричалъ онъ: „сама дала мнѣ поводъ волочиться за собою, а теперь издѣвается. Да что она мнѣ? Если-бъ не ея имѣніе я и не смотрѣлъ бы на нее. Я знаю себѣ цѣну; въ сюртукѣ еще ничего, а надѣну уланскій мундиръ—всѣ дамы засмотрятся на меня; выбирай люблю! Рѣшительно голодень; въ желудкѣ пусто какъ въ карманѣ! А вы, чай, и хлѣба не видали, Ѳедотовъ?“

Ѳедотовъ, денщикъ Шпека, сидѣвшій на козлахъ вмѣстѣ съ моимъ кучеромъ, сдѣлавъ полъ-оборота направо и, приподнявъ фуражку, отвѣчалъ: „Никакъ нѣтъ-съ ваше благородіе, до отвалу накормили; едва могу сидѣть на козлахъ, да и ко мнѣ прибѣгала только-что мы пріѣхали, горничная барыни, да все спрашиваетъ: „да скажи, Ѳедотычъ, что твой баринъ больше всего любитъ?“—Наше дѣло служивое, ваше благородіе; я и говорю: „вотъ такихъ чернявочекъ.“ Она хватъ меня по рукѣ, да и говоритъ: „не о томъ спрашиваютъ; что твой баринъ любитъ кушать?“

— Все, что люди ѣдятъ.

— Да что больше всего ѣсть?

— Коли голодень, что подашь первое, то и ѣсть больше всего.

— Да что чаще всего ему готовятъ?

— Вотъ съ недѣлю, молъ, все ѣсть картофель.

— Такъ бы и давно!—и побѣжала отъ меня словно уго-рѣлая.

Шпекъ, слушая разсказъ денщика, былъ въ восторгѣ. Теперь объяснилась причина картофельнаго обѣда: ему хотѣли угодить. Я поздравлялъ Шпека съ завоеваніемъ, взялъ съ него честное слово послѣ вѣнца купить мнѣ одному бу-

тылку шампанскаго, а я обязался при немъ и при женѣ его выпить. Вчера бутылка выпита, свадьба была нешумная — только свои. Шпекъ едва утерпѣлъ, чтобъ въ день свадьбы не съѣсть играть отъ радости. Его молодая супруга была въ восхищеніи; ея черныя глазки такъ и сыпали искры.... Чрезъ мѣсяцъ назначенъ огромный балъ у молодыхъ, а тамъ и пойдутъ танцы — то у того, то у другого изъ родственниковъ. Очень радъ, что узналъ твой адресъ; поспѣвши выслать эпюлеты къ этому времени; авось и мы выкинемъ такую штуку.... Прощай, mon ange, какъ пишутъ молоденькія пансіонерки. Не забудь твоего друга.

А. Завитаевъ.

25 января.

Третій день, какъ я началъ прохаживаться по комнатѣ; силы мои быстро возстановляются. Сегодня я уже могу писать и докончить описаніе ужаснаго дня.... Два раза перечиталъ письмо Завитаева и началъ читать уже въ третій разъ, какъ понялъ страшную истину и судорожно измялъ его въ рукѣ. Мысль, что Завитаевъ ничуть невиноватъ быстро мелькнула въ умѣ моемъ; я молча спряталъ письмо въ карманъ въ это время кольцо съ незабудкою блеснуло мнѣ въ глаза, я сорвалъ его съ пальца и хотѣлъ выбросить въ окошко.

- Погодите, ваше благородіе, — сказалъ сторожъ Егоръ.
- А что?
- Вы хотите выбросить на улицу колечко.
- Тебѣ какое дѣло?
- Такъ, вѣдь оно, кажись, золотое?
- Ну, да.
- Пожалуйте лучше мнѣ его.
- А тебѣ на что?
- У меня, сударь, есть дочка, дѣвчонка лѣтъ пятнадцати, да какая охотница до перстеньковъ.
- Нѣтъ, если-бъ ты хотѣлъ его пропить въ кабакъ, я,

можетъ быть, отдалъ бы тебѣ его, а дочери твоей не отдамъ. Не хочу я, чтобъ въ добрыхъ рукахъ было это кольцо.

— На улицѣ могутъ поднять его и добрые люди.

— Это правда; спасибо за совѣтъ.

Я спряталъ предательское кольцо въ карманъ; но оно не давало мнѣ покоя, шевелилось, жгло меня. Пойду къ Невѣ, думалъ я, и брошу въ Неву гадкій перстень; но Нева такъ хороша, всегда такъ величественно, благородно несетъ свои синія, прозрачныя волны: не хочу осквернить ее моимъ кольцомъ. Въ этихъ мысляхъ шелъ я по Невскому и уже былъ на Полицейскомъ мосту. Была оттепель; у ногъ моихъ, какъ змѣя, вилась грязная Мойка; ея густыя, зловонныя струи лѣниво переливались въ широкой проруби... „Вотъ достойное мѣсто для ея подарка,“ подумалъ я, досталъ кольцо, положилъ его на руку, по старой привычкѣ поцѣловалъ его, и щелчкомъ сбиль въ Мойку. Долетая до воды, оно еще разъ сверкнуло, повертилось ко мнѣ голубымъ цвѣточкомъ—и ушло на дно.

Въ эту минуту что-то будто порвалось въ груди моей, и я почувствовалъ необыкновенно пріятную теплоту; я кашлянулъ—кровь хлынула изъ горла. Пришедъ на квартиру, я съѣлъ пару апельсиновъ, выпилъ стакана два со льдомъ воды и волненіе крови унялось. Я сталъ, повидимому, спокойнѣе, даже съѣлъ писать свои записки, но не могъ кончить.... Иванька говоритъ, что онъ нашелъ меня въ креслѣ въ обморокѣ, уложилъ въ постель, и я на третій день едва очнулся отъ сильнаго бреда. Доктора взяли меня въ руки, поохотились порядкомъ надо мною, и травили цѣлыми стаями злыхъ пиявокъ, и чего не дѣлали они, а спасибо—помогли.

1 февраля.

Я хочу не думать о ней, я презираю ее; а несносное воображеніе безпрестанно мнѣ ее представляетъ; она не стѣбитъ того, чтобъ я о ней думалъ: она хоть и хорошенькій бюстикъ, но безъ души; ея глаза хоть и глядятъ такъ уповательно, но въ нихъ свѣтится огонь сладострастія—и больше ничего; ея

улыбка хоть и очаровательна, но полна лжи.... такъ вовсе я не хочу думать о ней, хочу заставить себя забыть ее, и между тѣмъ все больше думаю.... Странное созданіе человѣкъ!

3 февраля.

Сегодня я проснулся; мой Иванька стоитъ у постели моей и плачетъ.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ я его.

— Ничего,—отвѣчалъ онъ, смѣшавшись:— такъ.

— Быть не можетъ; развѣ ты боишься сказать мнѣ?

— Вотъ видите что. Вы спали, а я смотрѣлъ на васъ, да мнѣ даже страшно стало: лежите вы блѣдные, ни кровинки въ лицѣ, словно мертвый; щеки запали, на рукахъ хоть кости считай!... Такой ли вы были дома, какъ пріѣхали изъ лица, подумалъ я, кровь съ молокомъ!... Бывало, смѣтесъ, такъ въ пятой горницѣ слышно, а какъ сядите на коня, на черкеса, да какъ пуститесь по степи, ястреба васъ, бывало, не обгонять!... А теперь что?... Ни живой, ни мертвый, голосу не отведете. И зачѣмъ мы пріѣхали въ этотъ Петербургъ? что тутъ хорошаго? Я съ перваго дня покачалъ головою, какъ нарядили васъ въ узкія нѣмецкія брюки. Сейчасъ увидѣлъ, что тутъ толку мало.... Сколько вотъ служите, а и эполетовъ не даютъ вамъ. А знаете что?

— А что, Иванька?

— Поѣдемъ домой, поѣдемъ въ наши степи. Тамъ у насъ весело, тамъ широко, привольно, много полей, много всякаго хлѣба, много плодовъ—всего довольно. Чего намъ искать здѣсь? Что мы потеряли? Выздоровливайте, да поѣдемъ скорѣе!... Станете гулять по степи, стрѣлять дичь, опять станете веселы.... Дастъ Богъ женитесь, а тутъ ей Богу, вы умрете.

И добрый Иванька плакалъ и цѣловалъ мои руки....

— Полно, Иванька, перестань, я и самъ думаю ѣхать.

— И слава Богу! Заживемъ опять дома, уѣдемъ отсюда! Что это за городъ! безъ гроша воды не дадутъ напиться, а войдешь въ лавочку, тотчасъ бороды на смѣхъ подымуть! и „хохолъ голоухій“, и то и другое.... Богъ съ ними!

6 февраля.

Я изъ департамента получилъ записку, въ которой экзекуторъ, по приказаніи начальства, приглашаетъ меня сегодня же явиться на службу, а въ случаѣ невозможности — прислать просьбу объ увольненіи. Далѣе говорится, что я только занимаю мѣсто, безпрестанно боленъ, отчего останавливается теченіе дѣлъ: другой, дескать, былъ бы полезнѣе на моемъ мѣстѣ. Я съ радостью написалъ просьбу и отправилъ.

7 февраля.

Мой Иванька разсуждалъ благоразумно. Чтò я тутъ буду дѣлать? Поѣду въ деревню. Матушка одна: ей надобно пособить въ управленіи имѣніемъ, пристроить братьевъ и сестеръ. Рѣшено: завтра же пишу къ матушкѣ, чтобъ выслала денегъ на прогоны, да и расплатиться здѣсь: я въ болѣзнь задолжалъ таки порядочно — и прощай Петербургъ, въ тебѣ очень холодно.

Иванька съ утра поетъ въ полголоса свои родныя пѣсни и собирается въ дорогу; ему кажется, будто мы завтра должны выѣхать; я и самъ цѣлый день мечталъ о тихой деревенской жизни.... Иногда мнѣ приходило на мысль: не будетъ ли воспоминанія о ней тревожить меня въ мѣстахъ, бывшихъ свидѣтелями первой любви нашей? Нѣтъ я уже простилъ ее!

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:

Люби одно, не измѣнись!...

Утѣшься, другъ! — она дитя.

Твое уныніе безразсудно:

Ты любишь горестно и трудно

А сердце женское — шутя....

Эти стихи великаго сердцевѣдца нашего, Пушкина, примирили меня съ нею, обвѣяли тишиною тревожную мою душу. Мнѣ жаль даже кольца: зачѣмъ я его бросилъ, да еще въ такую скверную тину! оно бы мнѣ напоминало лучшія минуты въ жизни, которыя даровала мнѣ судьба; не всегда же быть человѣку вѣчно счастливому:

Порою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будеть вновь.

Нѣтъ, я былъ злымъ человѣкомъ въ минуту, когда бросилъ перстень въ Мойку.... Спасибо Пушкину, онъ успокоилъ меня. Какой-то, чуть-ли не греческій, балагуръ сказалъ, что поэта должно увѣнчать и выпроводить изъ города. Желалъ бы я посмотрѣть въ лицо этому мудрецу; оно должно быть нелѣпѣе сузальской картинки.

8 февраля.

Сегодня я только что сталъ писать домой о своей отставкѣ и о высылкѣ мнѣ денегъ на прогоны, какъ Иванька подалъ мнѣ письмо съ почты. Со смерти отца я не получалъ ни одного пріятнаго письма, и какъ прежде, бывало бьется сердце отъ радости, какъ увидишь киверь почтальона, такъ теперь трепещетъ оно отъ какого-то темнаго предчувствія. Я взялъ письмо и даже боялся его распечатать; почеркъ Суляговскаго—странное дѣло! „Теперь уже я не поѣду,“ сказалъ я Иванькѣ, пробѣжавъ письмо: „а ты одинъ будешь дома....“ Онъ робко посмотрѣлъ на меня, какъ бы стараясь прочесть что-нибудь въ глазахъ моихъ, и когда я прочелъ ему письмо Суляговскаго, громко закричалъ: „Этому не бывать! я уйду съ первой станці!“

„Милостивый государь,

„Яковъ Петровичъ!

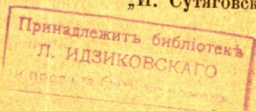
„Любя васъ и уважая память покойнаго родителя вашего, я спѣшу извѣстить васъ о непріятномъ положеніи дѣлъ вашихъ: г. Ивановъ оказался несостоятельнымъ по причинѣ различныхъ неудачъ въ соляной операціи, и ваше имѣніе, бывшее по сему случаю въ залогъ, продано съ публичнаго торга. Я, какъ ближайшій сосѣдь, не хотя пустить его въ незнакомыя руки, купилъ оное и законнымъ образомъ введенъ во владѣніе; но, разсматривая ревизскія сказки, я не отыскалъ въ наличности одного человѣка,

Ивана Добряка; а какъ по справкамъ оказалось, что оный мой крестьянинъ, Иванъ Добрякъ, находится у васъ въ услуженіи, то я и отнесся въ санктпетербургскую полицію о высылкѣ означеннаго Ивана на мой счетъ по этапу, и не желая огорчить васъ нечаянностью, рѣшился писать къ вамъ объ этомъ. Впрочемъ, уважая память покойнаго вашего батюшки, я ничего не стану требовать съ васъ за услуги означеннаго моего крестьянина, до отправленія его изъ Петербурга, надѣясь, что вы, съ вашей стороны, не оставите за сіе снабдить его на дорогу приличнымъ платьемъ. Я полагаю, что вы, какъ человѣкъ ученый всякимъ наукамъ, не станете скорбѣть о потерѣ пустого имѣнія. Блага земныя непрочны, и въ свѣтъ все такъ дѣлается, какъ сказано въ новѣйшихъ російскихъ прописяхъ: „Всякій въ свою очередь является на сцену и сходитъ съ нея.“ Я учился по этой прописи и теперь мой сыночекъ Павлуша ее пишетъ. За симъ, при желаніи вамъ всѣхъ благъ, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.

„И. Сутяговскій.“

183... года. января 24.

С. Грабуново.

9 февраля.

Сегодня получилъ письмо отъ матушки. Она пишетъ, что когда Ивановъ объявилъ себя банкротомъ, Сутяговскій пріѣхалъ къ ней, уговорилъ ее не писать объ этомъ ничего мнѣ, чтобъ не потревожить меня—какое человѣколюбіе!—а самъ Сутяговскій плакалъ передъ нею, говоря, что и онъ немного виноватъ въ этомъ, совѣтовавъ покойнику дать залогъ Иванову и, сознавая свою ошибку, самъ поѣхалъ хлопотать объ этомъ въ губернскій городъ, откуда возвратился уже владѣтелемъ нашей деревни. Сама же матушка съ дѣтьми, не желая пользоваться ничьимъ сни-

схожденіемъ, наняла въ городѣ у одного мѣщанина небольшо-
шой домикъ и живетъ кое-какъ. Нашъ домъ занялъ какой-
то шляхтичъ, управитель Сутяговскаго.

16 февраля.

Иванька отправился по этапу. Тяжело было мнѣ разстаться
съ нимъ: онъ у меня былъ одно существо, съ которымъ я
могъ дѣлать радость и горе; онъ понималъ меня, сочувство-
валъ мнѣ, когда я говорилъ о родинѣ.... Теперь я одинъ,
сирота въ шумномъ городѣ!... Прощаясь, я уговорилъ Ивань-
ку не бѣгать ни съ первой, ни съ какой станціи, совѣто-
валъ честно служить новому господину, и мы разстались....
Черезъ четверть часа опять входитъ Иванька въ комнату.

— Что тебѣ надобно?

— А вотъ, баринъ, я нечаянно унесъ вашъ ножикъ:
онъ былъ у меня въ карманѣ, да я такъ и ушелъ; вспо-
мнилъ дорогою, да такъ стало совѣстно, что подумаете,
можетъ быть, будто я нарочно взялъ его. Едва уговорилъ
солдата воротиться къ вамъ на минуту.

Онъ подалъ мнѣ ножикъ; руки бѣднаго Иваньки дрожали,
крупныя слезы падали на землю.

Еще разъ обнялъ я моего добраго слугу, и болѣе уже
не видалъ его.

Теперь я долженъ остаться въ Петербургѣ, долженъ
работать, жить скромно, долженъ сколько-нибудь помогать
моему бѣдному семейству: я не допущу, чтобъ матушка,
добрая матушка, которая такъ любитъ меня, дожила до
необходимости питаться трудами рукъ своихъ. Я не на-
прасно учился; здѣсь много пансіоновъ, отыщу себѣ гдѣ
нибудь мѣсто—надѣюсь, что мой аттестатъ будетъ ува-
женъ учеными людьми—и стану передавать свои знанія
молодымъ людямъ. Мнѣ кажется, нѣтъ святѣ этой обязан-
ности.... Я понимаю науку не какъ сухое собраніе правилъ,
которыя долженъ задолбить себѣ въ голову бѣдный

17 февраля. 1872

ученикъ—нѣтъ, наука, по-моему, есть извѣстная форма, посредствомъ которой мы передаемъ молодымъ умамъ живую идею, обогащая умъ знаніемъ и вмѣстѣ согрѣвая душу любовью къ прекрасному, высокому.... А прежде всего мнѣ нужно расплатиться съ долгами.

20 февраля.

Мебель, часы и всѣ лишнія вещи проданы; денегъ было довольно, а какъ расплатился съ долгами, и въ аптеку, и за квартиру, и за то, и за другое—осталась въ карманѣ двадцати-пяти-рублевая ассигнація и гривенникъ; на эти деньги не раскутишься, а пока мѣста нѣтъ.... Сегодня же поищу квартиру и завтра переѣду на нее. Говорятъ, должно искать дешевую квартиру на Петербургской сторонѣ.

24 февраля.

Едва отыскалъ квартиру по своимъ деньгамъ—все дороги. Теперь моя резиденція въ Теряевой улицѣ на Петербургской сторонѣ. Кто бывалъ на Петербургской сторонѣ, на Большомъ проспектѣ, или около кадетскихъ корпусовъ, тотъ не имѣетъ никакого понятія о характерѣ Теряевой улицы: тамъ аристократія Петербургской стороны, здѣсь чистый плебсъ; тамъ домики довольно опрятные, выкрашенные,—здѣсь мрачнаго, желѣзнаго цвѣта; тамъ вы иногда увидите и солиднаго чиновника, ѣдущаго на своей лошаdkѣ, и атласный салонъ, иногда услышите звуки фортепьяно, если погода позволяетъ открыть окошко; иногда на улицѣ наступите ногою на сотерновую пробку или на листокъ газеты,—здѣсь подобныя вещи баснословіе! Тишина изумительная; въ шесть часовъ на улицѣ нѣтъ живой души; съ вечера упадетъ снѣжокъ, а утромъ вы увидите подъ вашими окнами свѣжіе слѣды волка!... Можетъ быть лѣтомъ будетъ веселѣе.

Я занимаю маленькую комнату отъ жилицы, за 15 рублей ассигнаціями, со столомъ, на условіи, учить грамотъ ея семилѣтняго сына Васюку. Хозяйку мою зовутъ Анисья

Карповна, а домъ принадлежитъ какому-то отставному арапу. Впрочемъ, онъ человекъ бѣлый: я его разъ видѣлъ.

2 марта.

Цѣлую недѣлю ходилъ по пансіонамъ—и вездѣ отказъ. Всѣ спрашиваютъ: кто рекомендовалъ васъ? Былъ и у м-га Куку, и у м-га Коко, и у м-ме Шнейбахъ, и у м-ме Гольцкопфъ, и у пана Ютржицкаго, и у десятаго, и у двадцатаго—не беретъ!... Одинъ посылаетъ къ другому, другой—къ третьему.... Еще попытаюсь; говорятъ, гдѣ-то за Черною рѣчкою есть, на болотѣ, пансіонъ отставнаго капитана Лисицына, и у него всегда найдешь вакансію, лишь-бы подешевле.

„Уживетесь ли вы съ нимъ долго—за это не отвѣчаемъ: у него никто больше мѣсяца не выживетъ, а принять-то, онъ приметъ“—такъ говорили люди о Лисицынѣ. Люди не всегда правду говорятъ, и иногда охотнѣе скажутъ дурное, нежели хорошее, я думаю; притомъ же не умирать мнѣ съ голоду; пойду въ пансіонъ на болотѣ.

4 марта.

Договоръ съ Лисицынымъ сдѣланъ. Я вотъ уже недѣлю учу его школу читать, писать и ариметикъ за 50 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Я долженъ быть въ пансіонѣ каждый день съ семи часовъ утра до двѣнадцати, и съ двухъ часовъ до семи вечера; а опоздаешь минуты двѣ-три—все Лисицынъ записываетъ и, при окончаніи мѣсяца, слагаетъ минуты въ часы и, по расчѣту вычитаетъ изъ жалованья.

Незавидна моя участь: съ утра до ночи толковать безмозглымъ шалунамъ одно и то же, толковать имъ изъ послѣднихъ силъ, что дважды-два—четыре и замѣчать, что слушатели въ это время или спятъ, или рисуютъ съ меня каррикуры, между тѣмъ, каждый день выносить невыносимо-холодный и презрительный взглядъ сѣдого капитана Лисицына, регулярно каждый день слышать одну и ту же фразу: „У васъ мало старанія! Получая деньги, надобно заниматься дѣломъ!...“ Надменный человекъ! будто я не понимаю своихъ

обязанностей.... Видно, онъ провель свой вѣкъ, обучая рекрутъ!... О, деньги, деньги! сидите вы у меня на сердцѣ.

Говорять, бѣдность не порокъ. Безсовѣстная ложь: порокъ бѣдность, ужасный порокъ, отлучающій человѣка отъ общества, кладущій печать отверженія на лицо человѣка, убивающій душу и тѣло!... Одна религія спасаетъ меня.... Благословляю минуту, въ которую она озарила меня истиннымъ свѣтомъ Евангелія.... Придешь домой съ душою истерзанною, съ тѣломъ истомленнымъ, станешь на колѣни предъ образомъ Спасителя, простишь обиды гордому человѣку—не вѣдаетъ бо что творитъ—и слезы и молитвы текутъ изъ успокоеннаго сердца, и всѣ печали отлетятъ отъ тебя, и станетъ свѣтло и легко на душѣ, и духъ и тѣло укрѣпятся на завтра, на новую битву съ жизнью, на новыя страданія....

5 апрѣля.

Мѣсяць прошелъ. Я получилъ жалованье. Съ меня вычли рубль пять копеекъ—отняли сухарь у нищаго!... Изъ этихъ денегъ пошлю красную ассигнацію матушкѣ....

27 мая.

Настала весна и мученія мои умножились: на дачи наѣхало пропасть празднаго народа и, гуляя отъ нечего дѣлать, всякая сволочь заходитъ въ пансіонъ. Лисицынъ сейчасъ начинаетъ экзаменовать воспитанниковъ, для поддержанія славы заведенія. Приходящіе отъ скуки даютъ Лисицыну разные совѣты, а онъ сейчасъ же приводитъ ихъ въ исполненіе....

Бѣда учить русскому языку! Каждый лавочникъ, умѣя записать расходъ и приходъ, воображаетъ, что онъ знаетъ русскій языкъ! и каждый лавочникъ—смѣю васъ увѣрить—дастъ какойнибудь безтолковый совѣтъ касательно русскаго языка, только попросите его. Начнешь опровергать какуюнибудь нелѣпость. Лисицынъ сдвинетъ съдыя брови и скажетъ такую любезность, что всѣ внутренности перевернутся; а молчишь.... О бѣдность!

16 іюля.

Лѣто не веселитъ меня, даже ни разу я не былъ на островахъ.... Богъ съ ними! Тамъ все такія веселыя лица.... Погода непостоянная: то жаръ нестерпимый, то холодъ съ дождями. Придешь изъ пансіона, поучишь Ваську, помолитесь—и спать пора.... Моя хозяйка очень добрая баба; ей лѣтъ за пятьдесятъ, была замужемъ за солдатомъ, три года какъ овдовѣла и живетъ одна съ сыномъ, занимаюсь мытьемъ бѣлья.

2 сентября.

Приходитъ осень; падаютъ листья, вечера дѣлаются длиннѣе, по утрамъ морозъ бѣлѣетъ по заборамъ. Моя грудь начинаетъ опять болѣть; я два дня не былъ въ пансіонѣ—не могъ дойти туда: въ ногахъ тяжело и во всемъ тѣлѣ какая-то слабость, все спать хочется. На третій день Лисицынъ прислалъ мнѣ отказъ, извѣщая, что онъ не намѣренъ содержать богадѣльню, что больной человекъ, не принося пользы, наноситъ уже вредъ. При концѣ онъ прибавилъ, что отказывается мнѣ не изъ каприза, но по долгу, и весьма обо мнѣ сожалѣетъ.

Я замѣтилъ, что Лисицынъ не такъ золъ отъ природы, какъ выказывается въ своихъ поступкахъ. Онъ прочелъ „Исторію Наполеона“, замѣтилъ, что тотъ часто, для пользы государственной, ставилъ въ ничто и жизнь и счастье одного человека, и сталъ примѣнять это къ своему пансіону.... Слабость человѣческая; онъ даже и руки складываетъ à la Napoleon. Богъ ему судья!

Анисья общала мнѣ отыскать работу: переписывать что нибудь; она моетъ бѣлье на какого-то сочинителя. Спасибо, хоть та польза отъ моей службы въ департаментъ, что выучился четко писать. Работать нужно. Последнія деньги я отправилъ къ матушкѣ, въ надеждѣ на жалованье изъ пансіона. Чѣмъ стану жить, чѣмъ заплачу за квартиру? а обременять собою добрую старушку-хозяйку я не намѣренъ.

4 сентября.

Былъ сочинитель, это—Единороговъ, котораго я видѣлъ у дядюшки. Онъ не узналъ меня—и къ лучшему! Онъ мнѣ привезъ свое сочиненіе

— Будетъ ли имѣть эта книга успѣхъ? — спросилъ я.

— Невѣроятный; я ее посвящаю одному важному лицу— и я въ барышахъ. Для этого вотъ вамъ четыре печатныя книги; вы выпишите только изъ нихъ въ одну общую тетрадь все, что отмѣчено карандашомъ—и книга составится.

— А эта тетрадь? — спросилъ я.

— Здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ заглавія; вы въ эту тетрадь и выписывайте. Надѣюсь, что мы останемся довольны другъ другомъ. Современемъ я похлопочу о васъ; графъ Б., графиня С., баронъ П. и всѣ за васъ постараются— это все мои друзья; а между прочимъ, позвольте спросить, что вы берете съ листа?

Этотъ вопросъ сбилъ меня съ толку; я побраснѣлъ и едва могъ сказать:

— Я не знаю; что вы другимъ платите?

— Я моему писарю плачу сорокъ копеекъ мѣдью съ листа.

— И я на это согласенъ.

— Но, позвольте, любезнѣйшій, тотъ пишетъ съ писанаго—это труднѣе, а вы будете писать съ печатнаго: здѣсь нѣтъ никакой трудности—читай себѣ и пиши! Поэтому, я надѣюсь, вы возьмете по 35-ти копеекъ съ листа?

— Пожалуй.

— Еще одно условіе: чтобъ завтра къ вечеру все было готово; я долженъ поднести мою книгу его превосходительству въ день его рожденія. Прощайте, тороплюсь на завтракъ къ князю Прохору Иванычу.

Единороговъ уѣхалъ на прекрасной парѣ собственныхъ лошадей.

5 сентября.

Сегодня къ вечеру я окончилъ работу, но уже не могъ самъ

отнести ее: моя грудь разболѣлась—и не удивительно: я написалъ въ сутки около тридцати листовъ. Кровь сильно показала-
лась изъ горла. Холодно, а голова горитъ. Лягу въ постель.

6 сентября.

Я слегъ. Анисья принесла мнѣ отъ Единорогова деньги, безъ гривенника: „тѣ, сказалъ, послѣ отдамъ: мелочи нѣтъ. На долго ли станетъ этихъ денегъ? а мое здоровье все хуже и хуже. Анисья—добрая баба, а никакъ не соглашается топить у меня въ комнатѣ. „Богъ съ тобою“ говоритъ: „теперь еще начинаются утренники, а тебѣ, кормилецъ, топи печку! Что же зимой дѣлать?“ Хорошо ей ходить съ утра до вечера въ своей голубой шубѣ.“ ей тепло.

8 сентября. Утро.

Вѣрно я крѣпко боленъ: Анисья безъ моей просьбы истопила печку и пошла за докторомъ, какъ говорилъ Васька.

Вечеръ.

Къ вечеру пришла Анисья, ругая наповалъ всѣхъ докторовъ: „Экіе они какіе!“ ворчала старуха: „которому ни расскажу о тебѣ, всѣ говорятъ: „некогда бабушка.“ Въ-силу отыскала одного и оставила адресъ.“

Часа черезъ два пріѣхалъ докторъ—мальчикъ лѣтъ восемнадцати; онъ очень важно вошелъ, поговорилъ со мною издалека, безпрестанно нюхая какія-то капли, будто я лежалъ въ чумѣ, сказалъ словъ пять по-латинѣ и увѣрялъ, что это латинщина моя болѣзнь; потомъ прописалъ рецептъ на полулистѣ, приказалъ принимать микстуру (которая должна родиться изъ его рецепта) чрезъ часъ по ложкѣ, и уѣхалъ, объявивъ Анисьѣ, что въ другой разъ онъ ни за что въ свѣтѣ не пріѣдетъ въ такую чертовскую даль.

4 октября.

Вотъ уже мѣсяць я лежу въ постели, и все въ одинаковомъ положеніи: ни лучше, ни хуже. Не будь я слабъ, я

былъ бы совсѣмъ совершенно здоровъ. На дворѣ октябрь; грязно, сыро; у меня надъ постелью появилась течь; въ комнатѣ тяжело пахнетъ глиною. Вчера продалъ послѣднюю книгу „Сочиненій Пушкина,“ подаренную мнѣ въ лицѣ за успѣхи въ наукахъ.

7 октября.

Сегодня отдалъ старый серебряный рубль Петра Великаго, именинный подарокъ моей матушки, когда я еще былъ ребенкомъ. Двадцать лѣтъ я носилъ его съ собою; онъ былъ мнѣ вдвойнѣ дорогъ — какъ память матушки и память о великомъ государѣ. Впрочемъ, я его отправилъ въ лавочку, съ уговоромъ выкупить современемъ. Немного оправлюсь, и хоть стану дрова рубить, а достану денегъ на выкупъ.

8 октября.

Какой-то поэтъ сказалъ, что юноша вступаетъ въ свѣтъ въ вѣнкѣ изъ предестныхъ цвѣтовъ. Человѣкъ живеть — и опытъ неумолимою рукою обрываетъ на вѣнкѣ, одинъ за другимъ, всѣ цвѣты; остаются подъ конецъ только засохшіе стебельки, которые, какъ терны, мучатъ человѣка. Въ этомъ вѣнкѣ онъ сходитъ въ могилу.... Давно ли я смотрѣлъ на жизнь какъ на веселый праздникъ! Всѣ люди были мнѣ пріятелями, всѣ дѣвушки казались чистыми, непорочными Сильфидами. Я былъ окруженъ родными: отецъ, матушка, братья любили меня.... она — горькое воспоминаніе! — такъ жарко клялась въ безпредѣльной любви, въ вѣрности до гроба.... мнѣ совѣстно за нее! И все исчезло, прошло какъ сонъ, какъ разлетается отъ вѣтра позолоченная гора облаковъ.... Я имѣлъ достатокъ и могъ помогать ближнему, а теперь моя матушка въ бѣдности, и я не могу помочь ей! Самъ лежу безъ куска хлѣба, одолженъ существованіемъ милостынѣ отъ бѣдной солдатской вдовы!...

Часто смотрю по цѣлымъ часамъ въ окно; у самого окна стоитъ береза; на черныхъ безлистныхъ вѣтвяхъ ея трепещетъ запоздалый, блѣдный листочекъ.... Гдѣ его то-

варищи, съ которыми онъ такъ сладко шептался въ знойные часы лѣта? ихъ давно умчалъ холодный вѣтеръ; онъ одинъ остался сироткою, и тихо лепечеть между вѣтвями свои жалобы, пока порывъ бури не умчитъ его туда,

Куда и листъ лавровый мчится
И легкій розовый листокъ!...

Мнѣ жалко бѣднаго листочка: его моетъ осенній дождь и нѣтъ товарища прикрыть его.... защитить его. Его судьба похожа на мою. Я люблю его: онъ мнѣ родной.... А далѣе, тамъ, за березою, несутся по небу сѣрыя тучи, одна другой темнѣе, мрачнѣе, тяжелѣе!... И день и ночь грустно тянутся онѣ, какъ погребальное шествіе за гробомъ прекраснаго лѣта. Куда летятъ онѣ, гонимыя буйнымъ вѣтромъ? и зачѣмъ летятъ онѣ?... Въ этомъ туманномъ небѣ, обремененномъ тяжелыми тучами, въ этомъ тоскливомъ воѣ вѣтра, какъ въ зеркалѣ, отражается душа моя. Мнѣ люблю слушать и созерцать грустную природу.... Современемъ вѣтеръ перенесетъ облака, опять засвѣтитъ солнце — и міръ оживетъ снова; а я?... Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ придется сказать съ Жильберомъ:

Je meurs, et sur la tombe ou lentement j'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.
Salut, champs que j'aimais, et vous, douce verbure,
Et vous riant exil de bois!
Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature,
Salut pour la dernière fois...

Во всякомъ случаѣ будущее отраднѣе—если не здѣсь, то тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, тамъ отдохну отъ страданій....

16 октября.

Какъ благодѣтельна природа! При однообразномъ моемъ положеніи, при нестерпимой скукѣ, которая ѣсть меня, какъ ржа желѣзо, она мнѣ даровала какую-то способность дремать; стоитъ только закрыть глаза—сейчасъ передо мною чудесныя картины: горы, лѣса, рѣки; все живетъ, движется,

говоригъ, поеть.... невыразимо пріятно! А между тѣмъ я слышу шаги Анисьи, или частый стукъ дождя по оконнымъ стекламъ.

Болѣе всего мнѣ представляются картины моего дѣтства. Кажется, утро. Солнце только что поднялось надъ землею; вездѣ блеститъ роса; мы съ сестрою выбѣжали въ садъ и ѣдимъ клубнику. Ягоды такія крупныя, сочныя.... „Стыдно, дѣти, ѣсть безъ спросу ягоды!“ говоритъ маменька, отворяя окошко. — Мы такъ и сгорѣли отъ стыда!... Бѣжимъ въ комнаты, а навстрѣчу намъ папенька: „Куда, дѣти, ко мнѣ; на шею!“ И мы бросились цѣловать его.... Вотъ мы всѣ ѣдемъ по степи въ линейкѣ, а вокругъ столько цвѣт-ковъ, да такіе душистые.... Мы дѣти, побѣжали срывать цвѣты—такъ весело! на цвѣтахъ садятся и ползають хо-рошенькіе жучки—и золотые, и серебряные, и красные.... Я подбѣгаю къ кусту ракиты.... порхъ изъ куста птица и полетѣла, свистя крыльями. „Какая это птица, папенька?“ — „Стрепетъ“. — „Ухъ, какое страшное названіе! слава Богу, она далеко улетѣла.“ — „Ты трусь!“ говоритъ па-пенька. „Нѣтъ, я не трусь, посмотрите“—и я иду къ ра-китѣ, толкаю кустъ ногою, а сердце такъ и бьется, такъ и кажется, еще вылетитъ другой стрепетъ. Иногда въ нѣ-сколько минутъ вырастаешь и вотъ я казачій офицеръ, стою у окопка и слушаю дуэтъ школьниковъ на шелковицѣ, а между тѣмъ думаю: „любить ли она меня?“ Является она, полна невинности, очаровательно хороша, улыбается мнѣ и даетъ цвѣтокъ камелии; я хочу обнять ее.... скрипнула дверь, я открылъ глаза—все улетѣло: и цвѣты, и сады, и чистое небо, и зелень лѣсовъ, и милыя лица....

Опять дышешь гнилымъ воздухомъ, видишь сырыя, гряз-ныя стѣны. За окнами шумитъ дождикъ, и одинокій жел-тый листочекъ дрожить и трепещетъ отъ вѣтра на обна-женной вѣткѣ. Закроешь глаза—и снова являются знако-мые образы, и снова душа полна блаженства. Такъ про-ходятъ мои дни и ночи.

20 октября.

Поутру я смотрѣлъ въ окно и не видѣлъ уже желтаго листочка: онъ улетѣлъ куда-то темною ночью, и уже не кланяется мнѣ такъ привѣтно.... еще я осиротѣлъ болѣе. Писемъ изъ дома нѣтъ; хоть бы еще разъ увидѣть руку матушки, поцѣловать ея строки! А тучи идутъ по небу мрачнѣе вчерашняго....

21 октября.

Сегодня я всю ночь бесѣдовалъ съ батюшкою.

— Скажите, пожалуйста,—говорилъ я ему:—вы живы и здоровы и даже попрежнему веселы, а мнѣ писалъ Щука-Окуневскій, что будто вы умерли.

— Нѣтъ, мой другъ, это неправда,—отвѣчалъ батюшка.

— Я такъ и думалъ. Старый сплетникъ Окуневскій вѣчно лжетъ.

— Не брани человѣка; можетъ быть, такъ надобно было.

Я началъ думать и убѣдился, что Окуневскій правъ, что иначе сдѣлать было нельзя, какъ написать ко мнѣ такое письмо. Послѣ долго мы говорили со старикомъ. Вошла Анисья—и видѣніе исчезло; но я ясно слышалъ слова „до свиданія!“ и за Анисьею въ темномъ углу что-то кивнуло мнѣ головой.

— Кто здѣсь былъ?—спросилъ я у Анисьи.

— Никого, батюшка; ты бредишь!

Я не хотѣлъ спорить съ доброю женщиной, а попросилъ придвинуть ко мнѣ столикъ и подать мою памятную книжку.

— Куда тебѣ писать!—сказала она, покачивая головою:—чай пера въ рукахъ не удержишь. Однако подала, и я пишу-пишу, а писать не хочется—такъ очаровательны видѣнія! такъ и хочется закрыть глаза.... Допишу послѣ.... чудесныя видѣнія.... вотъ батюшка.... вотъ еще кто-то.

.

Недавно я былъ въ Большомъ театрѣ. Давали „Озеро Волшебницъ.“ Театръ былъ полонъ. Волшебница Тальони, обвивъ рукою рѣзвую Шлефохтъ, неслась по сценѣ въ живомъ галопадѣ. Вотъ онѣ летятъ къ зрителямъ: минута— и удаляются въ глубину сцены, подѣ прихотливые звуки оркестра, восхитительно улыбаясь, сладострастно маня руками какого то счастливца. Восторгу не было границъ, театръ дрожалъ отъ б р а в о....

— Какъ вамъ правится нашъ театръ?—спросилъ одинъ мой знакомый у толстаго челоуѣка съ огромными усами, сидѣвшаго рядомъ со мною въ креслахъ.

— Изрядно!—отвѣчалъ толстякъ.

— Кто этотъ жирный чудакъ?—въ свою очередь спросилъ я, въ антрактѣ, знакомаго:—этотъ толстякъ, съ которымъ говорилъ ты?

— Извѣстный челоуѣкъ, даетъ чудесные обѣды! Откупщикъ Ивановъ.

— Онъ не здѣшній, какъ видно?

— Да, онъ недавно прѣхалъ изъ....

— Миѣ кажется, онъ былъ банкротомъ?

— Богъ его знаетъ! впрочемъ, онъ выдалъ свою дочь замужъ за какого-то секретаря и обдѣлываетъ всѣ дѣла подѣ его именемъ. Да миѣ что за дѣло. Онъ славный малый; простоватъ немного, немного матеріаленъ, а обѣды даетъ поэтическіе. Хочешь, я тебя завтра представлю къ нему прямо въ столовую? По рукамъ, что ли?

— Ни за что въ свѣтъ!

1840 г.
Малко, это въ театри какъ въ театри, толи
въ театри обидно или въ театри, а
иногда это театри: съ театри, театри,
себя театри, съ театри (съ театри театри театри)
театри съ театри театри театри, театри театри театри
какъ театри театри театри театри театри театри театри
театри театри театри театри театри театри театри театри
театри театри театри театри театри театри театри театри
театри театри театри театри театри театри театри театри

Принадлежитъ библиотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продана быть не можетъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА.

— Очень любопытно имѣть дойную корову и получать отъ нея молоко.

— Да-съ, всѣ животныя очень любопытны.

А. КОКАМБО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основьяненко сказалъ великую истину, что все на свѣтѣ измѣняется: теперь уже и политика не та, и архитектура не та, и обычаи, и настойки—все измѣнилось! Съ этимъ легко всѣ согласятся; но вы не повѣрите, какъ измѣнилось просвѣщеніе: мы сдѣлались энциклопедистами, судимъ, рядимъ обо всемъ поверхностно, торопимся жить, спѣшимъ освободиться изъ рукъ доброй, заботливой няни, чтобъ поскорѣ надѣть университетскій мундиръ; не успѣемъ порядочно прослушать двухъ лекцій профессора—уже его осуждаемъ, уже онъ намъ наскучилъ, насъ тяготятъ наши познанія, и мы мѣняемъ шпагу студента на мечъ воина или на покойное мѣсто въ департаментъ.... И вотъ является въ свѣтъ новый гражданинъ, новый членъ общества; ему только 17 лѣтъ, но у него высшіе взгляды, у него запасъ свѣтскихъ идей, куча свѣдній!... Привѣтствую васъ, новый членъ общества, желаю вамъ всякаго благополучія и—отхожу отъ васъ подале. Мы люди простые: наше дѣло сторона!..

Не такъ учились встарину; я еще помню многихъ стари-

ковъ изъ сосѣдей моего отца, которые были люди небогатые, а окончили курсъ въ разныхъ иностранныхъ университетахъ. Бывало, если родители замѣтятъ въ сынѣ склонность къ наукѣ, то отдають его въ кievскую академію учиться; учится долго птенецъ, лѣтъ пять брѣветъ бороду, а все учится, и, наконецъ, получивъ аттестатъ, является въ домъ отца.

— А зачѣмъ ты пришелъ?— спрашиваетъ отецъ.

— Окончилъ всѣ науки.

— Такъ ты уже все знаешь?

— Все, чему учили.

— Врешь, ты ничего не знаешь, ты дуракъ. Отдохни съ недѣлю, да ступай во Львовъ поучиться, я тебѣ дамъ для этого два червонца.

Долго ли идетъ недѣля, особливо въ домѣ родителей? Вотъ ея какъ не бывало, и молодой студентъ вышелъ изъ родного села, напутствуемый благословеніемъ отца и матери; въ его ушахъ отдаются послѣднія слова: „будь добръ и честенъ.“ На черномъ казакинѣ студента еще блеститъ прощальная слеза матери; у него въ карманѣ звенятъ два червонца; во рту дымится походная трубка; сердце полно грусти, голова—чудныхъ замысловъ.... На крыльцѣ стоитъ старушка-мать, и дрожащею рукою креститъ ему дорогу; за темномъ кустомъ бузины мелькаетъ красная лента и сверкають въ слезахъ черные глаза молодой казачки; ей совѣстно показать передъ людьми любовь свою.

А студентъ все идетъ.... И вотъ уже его невидно.... Долго еще въ убогомъ сельскомъ храмѣ предъ иконою скорбящей Богоматери ставила свѣчи старуха-мать и жарко молилась и клала земныя поклоны; долго молодая казачка цѣлыя ночи плакала, ходя по зеленому саду.... А студентъ во Львовѣ учится, учится, кончаетъ курсъ, и уже безъ помощи узнаетъ, что онъ—почти ничего не знаетъ; посѣщаетъ Кенигсбергъ, Лейпцигъ, вездѣ получаетъ ученые дипломы и возвращается на родину образованный и въ школѣ науки и въ школѣ горькихъ опытовъ. Не въ обиду будь нами сказано, эти старики куда больше насъ знали! Мы, если

знаемъ два-три иностранные языка, хоть бы и плохо понимали свой, русскій, сейчасъ кричимъ: и Шекспиръ не то, и Байронъ не такъ, и Гете не годится, и того передѣлаемъ, и это поправимъ; это по-китайски не такъ, сїе по-санскритски невозможно! Намъ ли, дескать, не знать? мы все знаемъ, насъ всѣ знаютъ!... Поневоля вспомнишь золотой стихъ:

А онь дивить
Свой только муравейникъ!...

Нѣтъ, господа! вотъ я вамъ расскажу про моего двоюроднаго дѣдушку: онъ, можно сказать, былъ представителемъ ученыхъ блаженнаго стараго времени—разумѣется, по моему крайнему разумѣнію; онъ всегда говорилъ: „я ничего не знаю, а въ этомъ-то и вся мудрость!“ Чего онъ не зналъ, Боже мой!...

Не стану говорить здѣсь о его глубокихъ познаніяхъ во всѣхъ наукахъ; умолчу о способности рѣшать ариѳметическія задачи римскими и арабскими цифрами; но не могу вспомнить его даръ говорить на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Да, милостивые государи! дѣдушка былъ, кажется такъ-себѣ человѣчекъ, штучка небольшая: ходитъ лѣтомъ по саду въ бѣломъ холстинномъ сюртукѣ и соломенной шляпѣ; изъ-подъ которой какъ хвостикъ, торчитъ сѣдая коса: ходитъ и поетъ подъ-носъ:

Весна весела, цвѣты приносить,
Пастушокъ пастушку во лузи просить,
Пастушка столь рада
Овечки погнала
Въ тѣн луга, въ тѣн луга!...

Со стороны подумаешь: дьячокъ какой-нибудь, а это самъ дѣдушка. Попробуй пріѣхать жидь, съ нимъ дѣдушка ни слова по-человѣчески, все по-жидовски, заговорить, закашляеть, захлопаетъ ртомъ—настоящій арендаторъ Ицка, если вы его изволите знать—даже подергиваетъ плечомъ по-жидовски!... Осенью привезутъ татары продавать виноградъ—уже дѣдушка съ татарами пріятель, сидитъ съ ними подъ арбою, вѣтъ виноградъ и говоритъ по-татарски лучше

нежели сами татары; у татаръ все-таки разберешь какое-нибудь слово: Иванъ или что нибудь подобное, а у дѣдушки ровно ничего не поймешь: какъ заговорить, языкъ словно колотушка болтаетъ во рту, такъ и стучить, будто деревянная пробка въ пустомъ боченкѣ.... бойкость необыкновенная.... Однажды онъ схватился на рѣчахъ съ плѣннымъ французомъ.... вѣроятно, болѣе я не услышу и не увижу подобнаго разговора, ярые иностранные звуки быстро летѣли изъ устъ дѣдушки, глаза хлопали, брови ежились, уши шевелились, ноги топали, а руки вольно махали во все стороны, какъ крылья у вѣтренной мельницы. Французъ сначала было огрызался, пожималъ плечами, а послѣ спасовалъ и молча отошелъ къ окошку.... тяжелъ французскій разговоръ! поговоря такъ полчаса, устанешь какъ отъ доброй старинной мазурки. „Ну, что, спросили все гости у дѣдушки, — что говорить французъ“ — „Развѣ вы не слышали?“ отвѣчалъ дѣдушка: „о, онъ просто дуракъ! сказалъ, что здоровъ слава Богу, да и молчить....“ Мало этого! не только все людскіе языки, но и все животныя зналъ дѣдушка. Бывало сидитъ у окошка и не смотритъ на дворъ; вдругъ запищать воробьи — „коршунъ летитъ“ скажетъ дѣдушка, и точно: выбѣжишь на дворъ, смотришь — коршунъ вѣется гдѣ-нибудь надъ кустомъ сирени, машетъ широкими крыльями, а въ кустѣ штукъ десять воробьевъ не знаютъ куда дѣваться отъ страха, прыгаютъ съ вѣточки на вѣточку, суетятся и кричатъ какъ бабы на рынкѣ. Иногда, бывало, дѣтомъ погода такая прекрасная; солнце свѣтло и ярко зайдетъ за гору, вечеръ теплый; рой ночныхъ бабочекъ носится надъ цвѣтникомъ, такимъ упоительнымъ запахомъ вѣетъ отъ цвѣтущей каприфоли, такъ на душѣ весело.... „Дѣдушка, дѣдушка!“ закричишь, бывало: „завтра поѣдемъ въ степь, наберемъ полевой клубники.“

— Нѣтъ — отвѣчаетъ дѣдушка: — завтра будетъ дождь.

— Отчего же? Вы шутите, только меня пугаете. На небѣ ни облачка, откуда взяться дождю?

— Развѣ ты не слышишь?

— Ничего, дѣдушка.

— А что говорятъ на рѣкѣ лягушки? Прислушайся.

И точно, вдали, на рѣкѣ, беспрестанно повторялись однообразные звуки: кумъ, кумъ, кумъ!

— Пустое, дѣдушка. Это лягушка зоветъ своего кума въ гости.

— Это лягушка говоритъ: будетъ дождь.

— Да вы отчего знаете?

— Поживите съ мое, побывайте въ иностранныхъ земляхъ, и вы узнаете.

Шутить дѣдушка, подумаешь, и ляжешь спать, мечтая о завтрашнемъ днѣ, о веселой прогулкѣ, о вкусной клубникѣ, которая такъ пріятна со сливками.

На-завтра проснешься, скорѣе къ окну—такъ и руки опустятся: откуда набрались сѣрыя тучи и заволокли чистое небо; густой дождикъ, какъ сквозь сито, съется на землю, скрывая подъ сѣдымъ туманомъ всѣ окрестности; деревья опустили листочки, цвѣты—головки, съ нихъ льется вода; на дворѣ лужи.... скучно станеть, готовъ заплакать; ляжешь опять въ постель и заснешь, думая: какой умный дѣдушка!

Какъ жаль, что онъ умеръ, когда я еще былъ ребенкомъ, и только передъ смертью успѣлъ выучить меня писать арабскія цифры; всѣ знанія погибли съ нимъ!...

Осенью мы съ дѣдушкой гуляли въ полѣ. День былъ прекрасный; на скопленномъ лугу пестрѣли, какъ звѣздочки, на короткихъ стебелькахъ, розовые гвоздички: на сжатой нивѣ гуляла стая голубей; по дорогѣ перепархивали золотогрудые подорожники. А какъ хороша была роща, къ которой мы подходили! грушевыя деревья будто окутались въ красныя мантии; жимолость покрываеъ темно-синимъ цвѣтомъ; кудрявые липы красовались въ желто-золотыхъ листочкахъ, и между ними свѣтло-зелеными конусами высились тополи и выбѣгали серебряные стволы березокъ, перевитые темно-зелеными прядями вѣтвей. Надъ рощею вилась запоздалая пара орлицъ; въ рощѣ цвѣли голубыми букетами осенніе колокольчики.

— Какъ хорошо здѣсь, дѣдушка!—сказалъ я, бросаюсь, самъ не зная для чего, на шею доброму старику.

— Да, прекрасное и умираетъ прекрасно!

— Что, что такое дѣдушка?

— Ничего, другъ мой—. И дѣдушка отеръ платкомъ покрасившіе глаза.

— Смотрите, смотрите: вотъ къ намъ орелъ летить!

— Это не орелъ, а кажется Петръ Ивановичъ.

— Развѣ Петръ Ивановичъ умѣетъ летать?

— Онъ скачетъ къ намъ верхомъ на лошади.

Точно, это скакалъ Петръ Ивановичъ; а отчего онъ мнѣ показался летящимъ орломъ—вотъ причина: Петръ Ивановичъ, нашъ сосѣдъ, былъ очень великъ ростомъ и худъ, не то, чтобъ онъ былъ худой, т. е. не хорошій человекъ—нѣтъ, насъ Богъ избавилъ отъ такихъ сосѣдей, а Петръ Ивановичъ былъ худъ, сухощавъ, т. е. сухопаръ, иначе выразиться—тонокъ. У Петра Ивановича была верховая лошадь маленькая, очень маленькая; у странствующаго нѣмца-комедіанта она бы съ пользою носила поноску, какъ лягавая собака. У Петра Ивановича, кромѣ лошади, была борзая собака Великанъ, ростомъ немного меньше лошади. Петръ Ивановичъ очень любилъ въ праздное время—а оно всегда у него было праздное—ѣздить на охоту по полямъ верхомъ на своей лошади и травить Великаномъ зайцевъ. Для этого онъ обыкновенно надѣвалъ длинную бекешу бураго сукна, доходившую до самыхъ пятъ, садился верхомъ на лошадику, бралъ въ руки арапникъ, въ карманъ бутылочку пѣнника, привязывалъ къ поясу турецкій кинжалъ и выѣзжалъ въ поле. Пока Петръ Ивановичъ ѣхалъ спокойно, шагомъ, то еще ничего, ноги на два вершка не досягали до земли, и полы бекешы, какъ длинная мантія, скрывали отъ глазъ половину лошади; но когда бывало, Великанъ подыметъ зайца, Петръ Ивановичъ вскрикнетъ дикимъ голосомъ, распустилъ арапникъ, опишетъ имъ надъ головой какой-то фантастическій знакъ—въ родѣ вензеля покойнаго турецкаго султана—и, опустивъ поводъ лошади, понесется влѣдъ за убѣгающимъ звѣркомъ. Тутъ картина совершенно измѣняется: Петръ Ивановичъ пригнетъ

къ лукъ сѣдла, ноги прикорчить къ лошадиному крестцу, и доселѣ спокойная бекеша, развѣваемая противнымъ вѣтромъ, подымаетъ свои полы, какъ птица крылья, выше головы Петра Ивановича. Если вы такъ счастливы, что онъ скачетъ къ вамъ, то увидите совершенное подобіе баснословнаго грифа, летающаго надъ землею во всемъ блескѣ красоты и величія. Изумленіе окуетъ ваши чувства. А если вы отъ природы робкаго характера то, пожалуй, и струсите. Въ профиль онъ былъ похожъ на бабочку, увеличенную въ миллионъ разъ; но это до насъ не касается.... Не успѣлъ я хорошенько рассмотреть Петра Ивановича, скакавшаго прямо на насъ по дорогѣ, какъ онъ былъ ужъ очень не далеко; передъ нимъ скакали еще два существа — заяцъ и Великанъ. Бѣдный заяцъ бросился намъ подъ ноги, испугался, оторопѣлъ, свернулъ въ сторону, а тутъ Великанъ хватъ его за шею и понесъ на воздухъ. Какъ ребенокъ закричалъ несчастный звѣрекъ, но скоро затихъ подъ кинжаломъ Петра Ивановича.

— Ахъ, дѣдушка, какой злой Петръ Иванычъ! къ чему онъ зарѣзалъ бѣднаго зайца?

— Нѣтъ, ты ошибаешься: Петръ Иванычъ добрыйшій человекъ, а зайца онъ зарѣзалъ — такъ, для удовольствія, отъ нечего-дѣлать.

— Бѣдняжка, какъ онъ закричалъ жалко! Я никогда не забуду его стона: совершенно дитя въ колыбели!... Что онъ кричалъ дѣдушка? вѣдь вы знаете?

— Жаловался на судьбу.

Въ это время Петръ Ивановичъ увязалъ свою добычу въ торока, сѣлъ на лошадку и сказалъ дѣдушкѣ:

— Мое почтеніе. Вы гуляете?

— Гуляемъ.

— А что, какова погода?

— Прекрасная.

— А каковъ заяцъ?

— Отличный!

— А каковъ мой Великанъ?

— Удивительный!

— Именно удивительный! прекуръзная собака! Ахъ, ты мой Великанушка, ты мое золото!—Прощайте.

— Прощайте!

И Петръ Ивановичъ уѣхалъ, разговаривая съ собакою.

— Несчастливая судьба этого зайца!—сказалъ дѣдушка, помолчавъ немного.

— А вы его знали?

— Нѣтъ; но я знаю исторію его жизни.

— Онъ вамъ рассказывалъ?

— Я читалъ.

— Гдѣ же вы читали? развѣ зайцы пишутъ?

— Пишутъ; теперь всѣ животныя грамотны, и лѣсныя, и полевыя, и водяныя: всѣ пишутъ; даже насѣкомыя имѣютъ свою грамоту и своихъ писателей!

— Ахъ, какъ это весело!...

— Не очень, другъ мой!...

Дѣдушка наклонился, сорвалъ листокъ лошадинаго щавеля и, показавъ мнѣ на красныя точки и черточки, изнещрявшія весь широкій темно-зеленый листокъ, сказалъ:

— Вотъ одинъ листъ изъ рукописи этого зайца.

— Переведите мнѣ это на языкъ человѣческій.

— Пожалуй, нарви ихъ побольше.

Мы съ дѣдушкой возвратились домой, неся большую связку листьевъ щавеля, которые, мы думаемъ, расписываетъ такими красивыми письменами рука осени, между тѣмъ, какъ это литература зайцевъ.

На-завтра мнѣ дѣдушка сдѣлалъ переводъ, который и предлагаю въ подлинникъ. Если не понравится, ругайте покойнаго дѣдушку: онъ уже умеръ, отбраниваться не станетъ. Это же и въ духъ времени!

ЗАПИСКИ ЗАЙЦА.

Будь зайце умь и умь и писай.
А раз въ дураки пошмаров
и ты и бы и шельтарну выжи?

Заяц оставляет свою родину.

— Идутъ, идутъ, оставь меня, бѣги, мой другъ!

— Прощай, моя радость!...

Онъ торопливо поцѣловалъ ее и выбѣжалъ въ садъ, забывъ даже притворить дверь. Изъ сосѣдней комнаты вошелъ, съ арапникомъ въ рукахъ, въ длинной бекешѣ, Петръ Ивановичъ.

— Здорово, жена! а я вотъ это съ охоты, хотѣлъ-было заночевать на хуторѣ, да блохи кусаются.

— Какъ я рада! Миѣ что-то нездоровится, другъ мой.

— Да, ты вся горишь!

Петръ Ивановичъ началъ цѣловать свою жену, а я пробрался въ полуотворенную дверь, прыгнулъ съ крыльца въ кусты и, скорѣе нежели кошка можетъ съѣсть порядочную крысу, былъ въ своей родимой рошѣ.

Вся польза двадцатидневнаго пребыванія моего въ домѣ людей была та, что я выучился понимать ихъ рѣчи и дружилъ съ прелестною Сиволапушкой, любимой кошечкой жены Петра Ивановича.

Какая милашка Сиволапушка! Она такая же сѣренькая, какъ и мы, зайцы, только на шейкѣ бѣленькое пятнышко, за то глазки—прелесть! Я готовъ трои сутки не кушать молодого гороха, чтобъ у моей будущей жены были такіе глазки: зеленые-презеленые, какъ листочки свѣжей травки послѣ теплаго весенняго дождика. Шерсть на ней мягкая, пушистая; походка скромная, движенія тихія, плавныя — вѣжливость необыкновенная! Поутру, бывало, только что я начну ѣсть молоко, поставленное для меня подъ столомъ въ чистенькой тарелочкѣ, тотчасъ явится Сиволапушка, станетъ противъ меня, изогнувъ дугою спину, надуеъ усики и скажетъ на общемъ звѣриномъ языкѣ (разумѣется, кошачьимъ выговоромъ):

— Какъ прекрасно въ тихое утро освѣжать свою натуру благовоннымъ молокомъ.

Я не люблю говорить кушая, и потому въ отвѣтъ очень благосклонно махну правымъ ухомъ.

Я полагаю, извѣстно всѣмъ звѣрямъ, что у насъ, у зайцевъ, махнуть правымъ ухомъ значитъ изъяснить радость, согласіе, удовольствіе и прочее—словомъ, этимъ движеніемъ выражается все пріятное. Махнуть лѣвымъ ухомъ—значитъ показать неудовольствіе, даже презрѣніе; обѣими ушами мы, зайцы, машемъ только въ случаѣ изумленія.

— Смѣю ли просить иностраннаго гостя о милости участвовать въ его пріятномъ занятіи?...

Я махну два раза правымъ ухомъ—и Сиволапушка начнетъ кушать со мною молоко изъ одной тарелки, нѣжно, ловко, снисходительно.... и послѣ завтрака такъ благоприлично утретъ пушистою лапкою свою розовую мордочку, такъ лестно начнетъ благодарить, что мое правое ухо разъ пятнадцать махнетъ ей передъ самымъ носомъ. Будь у Сиволапушки подлиннѣе уши да покороче хвостъ, она была бы красивѣе всѣхъ зайчихъ на бѣломъ свѣтѣ.

Сиволапушка очень великодушна. У Петра Ивановича висѣлъ на окошкѣ въ проволочной клѣткѣ снѣгирь. Чуть забрежжеться день, уже снѣгирь просыпается, клонетъ зернышко другое коноплянаго сѣмени, сѣлъ на жердочку, надуетъ свою красную грудь и свиститъ потихоньку, цѣлый день свиститъ, пока станетъ темно, придетъ пора спать.

— Отчего это у васъ такъ свиститъ снѣгирь?—спрашиваютъ, бывало, Петра Ивановича сосѣди.

— Отчего же ему не свистеть?—отвѣчаетъ Петръ Ивановичъ: —корма достаточно, вода свѣжая, воздухъ чистый, живи себѣ припѣваючи!

А у меня душа разрывалась, слушая пѣсню снѣгири: съ утра до ночи онъ жаловался на судьбу свою, воспоминалъ родной лѣсокъ и чащу терновника, гдѣ у него было гнѣздо, была подруга, были дѣти; онъ пѣлъ и просилъ у неба смерти; онъ пѣлъ, что „Петръ Ивановичъ хуже совы.

которая ночью нападаетъ на беззащитныхъ птичекъ, потому что сова поймаетъ птицу да и съѣстъ, а Петръ Ивановичъ мучить ее для своего удовольствія; ему любо, дескать, какъ я плачу.⁴ Хорошо, что Петръ Ивановичъ не понималъ снѣгиря.

Вотъ чтò случилось въ одинъ ясный, солнечный день:

Въ комнатѣ никого не было, кромѣ меня и Сиволапушки. Съ восхода солнца тихо жаловался снѣгирь на свою судьбу и ругалъ Петра Ивановича; моя участь очень походила на участь снѣгиря; я задумался.

— О чемъ вы мечтаете?—спросила Сиволапушка, нѣжно трогая меня лапкою.

— Ни о чемъ, сударыня, такъ.

— Быть не можетъ! въ вашихъ глазахъ отражалось такъ много чувства....

— Это правда; меня разжалобилъ снѣгирь.

— Ахъ! и меня тоже!

— Ему, бѣдняжкѣ, жизнь въ тягость.

— Я сама такъ думаю, и давно хочу помочь ему.

— Помогите, ради прекрасной погоды и свѣтлаго солнышка:

Съ истиннымъ самоотверженіемъ начала взбираться чувствительная кошечка вверхъ по окошку, хватаясь безпрестанно за шнурокъ, которымъ была привязана стора; бѣдная Сиволапушка то висѣла вытянувшись всѣмъ тѣломъ, то сжавшись въ мячикъ, словно нашъ лѣсной колдунъ-ѣжъ, качалась на шнурочкѣ, какъ яблоко на тонкой вѣточкѣ. Нѣтъ, за два кочна самой свѣжей капусты я бы не продѣлалъ подобной штуки!.. Смотрю—уже Сиволапушка на клѣткѣ, обхватила ее всѣми четырьмя лапами и кротко, любовно глядитъ на снѣгиря, а онъ, дуракъ, будто угорѣлый мечется по клѣткѣ. Немного погодя, моя кошечка просунула въ клѣтку правую лапу и тихо начала водить ею надъ птичкою; снѣгирь припалъ на дно клѣтки; лапа быстро опустилась надъ нимъ, подняла его на воздухъ. Откуда явилась быстрота и сила у Сиволапушки! Снѣгирь пищалъ: „помогите, помогите!“

— Я помогаю тебѣ, ворчала кошечка, и проворно тянула снѣгирия изъ клѣтки между прутьевъ.... Клѣтка кружилась, плясала, кормъ сыпался изъ клѣтки, вода плескалась, пухъ и перья носились въ воздухѣ.... Наконецъ Сиволапушка прыгнула на полъ, держа въ лапѣ снѣгирия.

— Освобожденъ!—закричалъ я и подбѣжалъ къ снѣгирию, но, увы, онъ былъ безъ дыханія!—Сиволапушка положила его у ногъ своихъ; слезы горести катились изъ глазъ ея на трупъ бѣдной птички.

— Что вы надѣлали?—спросилъ я.

— Хотѣла облегчить участь несчастнаго и нечаянно умертвила его. Ахъ!....

— Бѣдняжка!

— Впрочемъ, благодарю судьбу: я хоть что-нибудь для него сдѣлала: онъ жаловался на жизнь, она была ему въ тягость, и я сняла съ него эту тягость. Уже отъ этого сердце мое бьется радостнѣе.

— Въ самомъ дѣлѣ!... Миѣ и въ голову не пришло это сначала! Какъ вы добры Сиволапушка!

— Я родилась съ наклонностями ко всему доброму и прекрасному. Разумѣется, маменька примѣрнымъ воспитаніемъ развила и укрѣпила ихъ.... шептала кошечка сквозь слезы, разсматривая снѣгирия.

— Оставьте его! это зрѣлище слишкомъ жестоко для вашего чувствительнаго сердца.

— Нѣтъ, любезный иностранецъ, я не оставляю его: я не хочу, чтобъ люди нечистыми руками трогали эту красивую птицу.

— Какая чувствительность!.. Такъ возьмите ее и спрячьте въ саду въ густую траву, или заройте въ песокъ.

— А насѣкомыя!... фи!... не могу, не могу.

— Что же вы съ нимъ сдѣлаете?...

— Я думаю.... я съѣмъ его.

— Скушаете?... птичку? да это, я полагаю, невкусно!..

— Что-жъ дѣлать? лучше перенесу маленькое неудовольствіе, нежели.... И Сиволапушка начала, вздыхая, кушать снѣгирия.

„Господи!“ подумалъ я: „до чего доводитъ иногда нашего брата, звѣря, излишняя доброта!... Положимъ, кошка употребляетъ мышей, какъ враговъ своихъ, да и мыши все-таки звѣри, имѣютъ шерсть,—это какъ то аккуратнѣе; а то рѣшиться скушать птицу, единственно для того, чтобъ избавить ее неприятности попасть въ чьи-либо руки, птицу въ перьяхъ!... Я взялъ одно перышко, чтобъ узнать какой въ ней вкусъ.... грызъ, грызъ, да и выплюнулъ: рѣшительно никакого вкуса; сухо, жестко, хуже гречневой соломы!...

Вотъ какъ великодушна, добра и чувствительна была Сиволапушка! вотъ какого друга приобрѣлъ я, живя двадцать дней съ людьми!...

Можетъ быть, кому нибудь изъ почтенныхъ дикихъ звѣрей покажется страннымъ, что я, будучи природнымъ кореннымъ зайцемъ, настоящимъ дикимъ звѣремъ, сдружился съ кошкою; можетъ-быть, мнѣ скажутъ, что выбирать друга должно по-шерсти, т. е. одного рода. Въ такомъ случаѣ я попрошу господина звѣря позить недѣлку въ домъ Петра Ивановича—и онъ перемѣнитъ свои мысли.

Повѣрите ли, мои дичайшіе, я тамъ видѣлъ поросенка—очень порядочнаго юношу, съ обширнымъ умомъ и прекраснымъ аппетитомъ, который былъ друженъ со столбикомъ—да, со столбикомъ! Чтò бы, кажется, такое могло быть въ столбикѣ? а поросенокъ не отходилъ отъ него; отлучится на малое время, для какихъ нибудь необходимыхъ занятій: покушать свеклы, или что-нибудь подобное, и бѣжитъ скорѣе къ столбику и ласкается къ нему, и чешетъ объ него свою спину, и называетъ его всякими пріятными именами, да и заснетъ тутъ, прислонясь къ нему... Этому я самъ былъ свидѣтель! Почему же мнѣ не быть дружнымъ съ кошечкою? Да, коли на правду пошло, такъ и шерсть-то у насъ одинаковая: оба сѣренькіе!...

Но пора къ дѣлу. Я заговорился о Сиволапушкѣ. Чтò дѣлать? любовь и дружба любятъ болтать.

Первый предметъ, который попался на мои глаза въ родной роцѣ, была матушка. Горесть очень измѣнила черты

ея лица; она сидѣла подѣ кустомъ малины, сложа лапки, опустивъ голову; ея уши развѣсилились въ разныя стороны, какъ листья на увядшемъ кустѣ лилій; она держала въ зубахъ вѣточку дикой мяты, вѣроятно, хотѣла скушать это лакомое растеніе, но, отъ горести, задумалась и забыла. Легкимъ, ровнымъ, самымъ приличнымъ скокомъ приближался я къ матушкѣ и, соблюдая всю дикую вѣжливость, при каждомъ прыжкѣ ловко наклонялъ на бокъ голову, при чемъ мое правое ухо почти касалось земли. Чего же болѣе? иной отъ этихъ знаковъ уваженія получилъ бы позывъ на пищу, а матушка даже не замѣтила моего приближенія — такъ меланхолія овладѣла ею!...

Шага за три я остановился и началъ лапками разгребать землю; шорохъ отъ этой вѣжливости вывелъ матушку изъ задумчивости; она вздрогнула, быстро поднялась на переднія лапки, выронила изо рта вѣточку мяты и проворно замахала обѣими ушами....

— Матушка! развѣ вы не узнаете вашего сына, пойманнаго, назадъ двадцать дней, какимъ-то человѣкомъ, и проданнаго Петру Ивановичу за рюмку водки?... Это я! я! я!.. 1).

— Сынъ мой, какъ ты выросъ! какъ перемѣнился! двадцать дней — шутка ли!...

Тутъ матушка замолчала; я тоже. Въ сильныхъ ощущеніяхъ слова какъ-то не вяжутся, путаются; гораздо выгоднѣе молчать. Мы сѣли другъ противъ друга, смотрѣли другъ на друга, лизали мордочки и кивали правыми ушами; такъ застала насъ ночь. Тихо, спокойно заснулъ я въ родимой норкѣ, на сухихъ кленовыхъ листьяхъ, поужинавъ двумя листочками заячьей капусты.

Петръ Ивановичъ кормилъ меня молокомъ и цвѣтною капустою; я спалъ у него на мягкой подушкѣ, нарочно для меня приготовленной; но никогда у него я не былъ такъ сытъ, такъ спокоенъ!...

1) Животныя вообще очень любятъ мѣстоимѣніе я.

Настоящій футуристъ

Жизнь моя опять пошла попрежнему: рано утромъ до восхода солнца, мы съ матушкою выбѣгаемъ на опушку лѣса, вездѣ еще тихо, тихо.... въ воздухѣ свѣжо, такъ и хочется прыгать; всѣ травы покрыты крупными каплями росы; тронешь нечаянно какой-нибудь кустикъ—въ мигъ обдасть тебя частый дождикъ; встрепенешься—онъ скатился на землю, а ты опять сухъ, опять прыгаешь высоко, широко, привольно!... Взойдетъ солнышко—еще станетъ веселѣе; все пробудится; птички, оставя гнѣзда, начнутъ пѣть.... чего не услышишь въ это время! Жаворонокъ, подвѣсившись высоко надъ землею, рассказываетъ всему свѣту, что ему видно: какія рѣчки, поля, лѣса, озера, сады, города—все рассказываетъ. Малиновка сто разъ повторяетъ, какой она видѣла сонъ; чирикъ кричитъ на всю рощу, что онъ выпилъ три капли самой чистой росы и готовъ драться хоть съ ястребомъ; соловей очень откровенно болтаетъ о своихъ ночныхъ похожденияхъ; ястреба подъ облаками перекликаются куда имъ лѣтъ на охоту; далеко въ деревнѣ собаки начинаютъ ругать весь свѣтъ и самихъ себя; но вотъ и люди пошли на работу; мы съ матушкой прячемся въ молодой, колосистый овесъ; люди близехонько идутъ мимо насъ и не видятъ, а мы только слышимъ, какъ они съ первымъ кускомъ хлѣба, которымъ завтракаютъ на дорогѣ, осуждаютъ своихъ ближнихъ и начальниковъ, поносятъ своихъ братьевъ, идущихъ сзади, а идущіе сзади, въ свою очередь, взводятъ небывлицы на переднихъ, и такъ далѣе.... Я до тѣхъ поръ перевозжу матушкѣ людскія рѣчи, пока она махнетъ лѣвымъ ухомъ и поскачетъ въ глубь овсяной нивы; я послѣдую за нею.

Настанетъ полдень—и мы роскошно отдыхаемъ въ овсѣ; частые, колосистые стебли заткутъ надъ нами сѣтку, пропускающую солнечныхъ лучей; вѣтерокъ, гуляя по нивѣ, скользитъ отъ верхушекъ до корней растений и освѣжаетъ насъ; захотѣлъ ѣсть—стоитъ только поднять мордочку—и кисть полнозѣсныхъ, молодыхъ, сочныхъ зернышекъ овса прямо падаетъ къ тебѣ въ ротъ; покушалъ и дремлешь. При-

детъ вечеръ—опять въ рошу скачешь, прыгаешь, рѣзвишь-ся; на ночь въ норку, на кленовыя листья.... Чудная жизнь!...

Въ одинъ день мы съ матушкой лежимъ въ овсѣ, и слышимъ, кто-то идетъ къ намъ, шумя и ломая овсяные стебли; шелестъ все ближе и ближе. Мы, притая уши, ползкомъ выбрались на опушку нивы, смотримъ: на другомъ концѣ стоитъ Петръ Ивановичъ верхомъ на своей лошади, а по нивѣ прыгаетъ Великанъ: то подыметъ на заднія лапы, сверкая во всѣ стороны жадными глазами, то опять нырнетъ въ зеленый овесъ. Я взглянулъ на матушку: она махнула лѣвымъ ухомъ, и мы съ-разу быстро понеслись по небольшой полянѣ въ свою рошу.

Ого-го! у-лю-лю! а-ту! а-ту!—закричалъ Петръ Ивановичъ; за нами раздался топотъ лошади, шелестъ прыжковъ Великана; мы слышали его радостные взвизги, но спасеніе недалеко: вотъ знакомый кустарникъ, вотъ знакомыя деревья, вотъ наша норка! Я первый юркнулъ въ нее; матушка за мною. Отлегло отъ сердца!... Я, какъ былъ мо-ложе и вдвое меньше матушки, то и забился въ боковую норку, а матушка осталась въ главной тутъ же, возлѣ меня, такъ что мнѣ было ее видно! Не успѣли мы спокойно вздохнуть, какъ надъ нашими головами послышался топотъ лошади; онъ умолкъ, и вдругъ, я слышу, посыпалась въ норку земля, и что-то, сопя, лѣзетъ къ намъ; сопъ все болѣе и болѣе приближался; душно стало мнѣ; и вотъ мимо меня сверкнули глаза и просунулась острая воору-женная страшными зубами морда Великана, схватила мою матушку и повлекла изъ норки...

Бѣдная матушка! какъ жалко застонала она въ зубахъ этой собаки! „Сынъ мой“ прошептала она задыхавшимся голосомъ: „бойся собакъ и людей!...“ только я и слышалъ! Бѣдная матушка! много дней прошло съ тѣхъ поръ, но и теперь, вспоминая послѣднія слова твои, я плачу какъ ребенокъ.

Ко мнѣ въ норку долетали предсмертные вздохи матушки; но они скоро затихли; опять послышался страшный сопъ Великана, опять показалась его морда и остановилась про-

тивъ меня; глазъ сердитой собаки горѣлъ какъ раскаленный уголь, и казалось, готовъ быть сжечь меня; отъ страха я прижался еще плотнѣе къ стѣнкѣ своей норки, вросъ въ землю. Великану, чтобъ взять меня, нужно было повернуть голову въ сторону, но голова его была очень велика, а норка узка; злобно запищалъ онъ, искрививъ, сколько могъ, свою морду на бокъ въ мою норку и защелкалъ зубами; судорожно разводилъ онъ и сжималъ челюсти, оскаливъ на меня свои кривые зубы—все напрасно: зубы задѣвали только верхушки моей шерсти; вытянувъ свей длинный, сухой языкъ, онъ дотрогивался имъ до меня, отдавалъ меня жаркимъ дыханьемъ.... Это были страшныя минуты въ моей жизни!... Еще немного—я бы умеръ отъ ужаса.

„Назадъ, назадъ! Великанъ назадъ! полно вратъ!“ закричалъ наверху Петръ Ивановичъ. Великанъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе, щелкнулъ зубами почти у самой моей кожи и попятился изъ норки.... Вскорѣ хлопнулъ арапникъ, затоптала лошадка и опять все утихло.

Только ночью я рѣшился выползть изъ норки. Все было тихо; мѣсяцъ высоко плылъ по небу; широкіе дубы, какъ темныя горы, рисовались на темно-голубомъ небѣ; роща дремала; между травюю блестѣли свѣтляки, въ орѣшникѣ, какъ и прежде, спала сорока; далеко въ болотѣ за рощею лягушки, какъ и всегда, хоромъ спорили о какомъ-то новомъ танцѣ; ничто не измѣнилось, кромѣ моего положенія: я остался сиротой на бѣломъ свѣтѣ! не съ кѣмъ мнѣ сказать слова, не съ кѣмъ раздѣлить ни печали, ни радости! Матушка, добрая матушка! я тебя не увижу болѣе! Гдѣ ты, моя родная? что съ тобой? О, Петръ Ивановичъ! о Великанъ!... Я горько заплакалъ.

— О чемъ ты плачешь, дитя мое?—спросилъ меня знакомый голосъ; смотрю—передо мною стоитъ нашъ дѣдушка-колдунъ ёжъ, покашливаетъ и жуеть какой-то коршокъ.

— О чемъ я плачу? Ахъ, если-бъ вы знали дѣдушка-колдунъ, я лишился матери! И, рыдая, я рассказалъ ему свою несчастную исторію.

— Подливное—несчастіе, сказалъ ежъ, глотая остатки корешка. — Жаль, жаль, очень жаль твоей матушки! я ее зналъ еще въ дѣвицахъ; она была очень дикая особа.... И тебя-то жаль, мой другъ, рано остался безъ опоры.

— Правда ваша, дѣдушка-колдунъ!

— Я никогда не лгу, мой другъ,—это мое правило. Что же, у тебя норка теперь пуста?

— Да, много ли для меня нужно мѣста?

— Ну, такъ и быть, я тебѣ окажу услугу: это въ моемъ характерѣ; остаюсь у тебя жить, тебѣ будетъ веселѣе, а я старъ-звѣрь, беспокоить тебя не стану; захочешь слушать—скажу сказочку, а нѣтъ—и замолчу.

— Вы благодѣтель мой! сколько дикости въ этомъ поступкѣ!... Пойдемте, расположитесь въ норкѣ на сухихъ листьяхъ, гдѣ почивала моя матушка; будьте какъ у себя.

Ежъ вошелъ въ мою норку, проворчалъ себѣ подъ носъ какія-то волшебныя слова, перекрутился раза четыре на одномъ мѣстѣ и, свернувшись въ комокъ, уснулъ. Я сдѣлалъ тоже въ боковой норкѣ.

На-завтра, возвратясь съ прогулки, я не узналъ своего лица: вся боковая норка была завалена лягушками, ящерицами, змѣями и другими гадами. Ежъ очень хладнокровно и съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ небольшого ужа.

— Фи! дѣдушка-колдунъ! что это? къ чему вамъ эта мерзость?

— Необходимо, другъ мой, для моихъ практическихъ занятій, для опытовъ.

— Для какихъ опытовъ.

— Видишь, узнаю, что вкуснѣе.

— Это нестерпимо, дѣдушка-колдунъ! Гдѣ же я буду спать:

— Гдѣ угодно.

— Вытаскайте изъ моей норки этихъ уродовъ.

— Этого не будетъ, другъ мой; спи возлѣ меня, здѣсь.

— Но ваши иглы колются; около васъ близко быть страшно.

— Молодь, другъ мой, поживи съ мое и у тебя вырастутъ такія иглы.... А боишься меня—можешь провести ночь на вольномъ воздухѣ.

— Да въ васъ нѣтъ никакой дикости! это самый образованный поступокъ: въ чужомъ домѣ распорядиться какъ въ собственномъ и почти выгонять хозяина.

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а есть. Прощайте!—И я выскочилъ изъ норки, съ намѣреніемъ провести ночь гдѣ-нибудь вблизи; но пахнулъ вѣтерокъ, нагналъ тучи и пошелъ частый дождикъ. Дѣлать нечего: я опять въ норку. Что жъ бы вы думали? не успѣлъ сдѣлать двухъ шаговъ, лѣзетъ мнѣ навстрѣчу ёжъ, устава противъ меня свои иглы; я назадъ;— онъ остановится; я въ норку—онъ опять противъ меня.

— Что это значить, дѣдушка-колдунъ?

— Ничего, другъ мой. Во мнѣ нѣтъ дикости; я самый образованный звѣрь!

— Вы хотите выгнать меня изъ моей родной норки, лишить меня наслѣдія родителей?

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а есть.... Вы неблагодарны! Какъ можно въ дождикъ выгонять на дворъ хозяина.

— Это тебѣ урокъ, молодой звѣрь, чтобъ ты умѣлъ уважать старшихъ себя....

Дѣлать нечего! я махнулъ лѣвымъ ухомъ и оставилъ родное жилище. Дождь лилъ рѣкою; я измокъ и, согнувшись подъ кустомъ, едва имѣлъ силы дожидаться утра, пока взошло солнышко и осушило меня сиротку, лишеннаго даже родного пріюта.

Грустно провелъ я весь день, и къ вечеру брелъ по рощѣ безъ цѣли, безъ намѣренія, не зная, гдѣ преклоню свою голову; смотрю—идетъ Сиволапушка.

— Здравствуйте, Сиволапушка!—закричалъ я, прыгая ей навстрѣчу.

— А! мое почтеніе!—отвѣчала она, очень граціозно шевеля пушистымъ хвостомъ.

— Какъ вы попали въ нашу рощу?

— Единственно чрезъ свое добродушіе: Петръ Иванычъ,

вмѣсто снѣгира, котораго я освободила, посадилъ въ клѣтку чижика: я и этого избавила отъ неволи....

— И также мертваго?

— Нѣтъ, этотъ по выходѣ изъ клѣтки, у меня въ лапахъ еще вздохнулъ раза два.

— Ага... это хорошо. Чтѣ же далѣе?

— Мѣсто чижика занялъ скворецъ такой печальный!...

Два дня смотрѣла я на него, и наконецъ на третій рѣшилась, во что бы ни стало, освободить; все шло какъ нельзя лучше, но этотъ дуракъ поднялъ такой крикъ, что прибѣжалъ Петръ Ивановичъ и....

— Чтѣ же такое?

— И.... надѣлалъ мнѣ много неприятностей, такъ что я рѣшилась тогда же оставить домъ этого грубіана, и только по ночамъ посѣщаю иногда кухню и комнаты, чтобъ покушать чего-нибудь да послушать какихъ нибудь исторій.

— Я понимаю; это очень пріятно.

— Даже и полезно. Сегодня, напримѣръ, я слышала вѣсточку, которая, можетъ-быть, спасетъ васъ отъ смерти.

— Какъ?

— Съ нѣкоторыхъ поръ, именно съ того времени, какъ привезли молодого студента учить сына Петра Ивановича, бѣдная наша барыня все хвораетъ, и все посылаетъ своего мужа доставать дичи, такъ что онъ часто по цѣлой недѣли пропадаетъ; то заохаетъ жена: „убей мнѣ цаплю съ бѣлымъ хохломъ: кажется, какъ посмотрю на нее, станетъ легче.“ Привезетъ Петръ Ивановичъ цаплю—опять стоны „если-бъ была съ чернымъ хохломъ.“ Вотъ такъ все и капризничаетъ.

— Да, это и при мнѣ бывало, и учителя-то я знаю: онъ меня нехотя выпустилъ на свободу.

— И прекрасно! Слушайте-жъ: вотъ вчера сижу я подъ кроватью и слышу: „Накорми меня, Петръ Ивановичъ, зайцемъ, да тѣмъ самымъ, чтѣ у насъ жилъ.“ Петръ Ивановичъ отвѣчаетъ, что онъ затравитъ цѣлую сотню, хотя теперь порядочные люди и не ловятъ зайцевъ, а ждутъ осени; „я, дескать, и третьяго дня затравилъ для тебя, да ты и не

ѣла.“— „Потому что тотъ былъ старикъ, — „отвѣчала жена, „а я хочу молоденькаго, вотъ того, что у насъ росъ, да ты выпустилъ.“ — „А узнаешь ты его?“ — спросилъ Петръ Ивановичъ. — „Узнаю.“ — „Ну, ладно, завтра же обшарю всѣ кустики во всемъ околоткѣ.“ — „Эге! подумала я: надобно извѣстить объ этомъ моего пріятеля“ — и побѣжала въ рощу, а вы, какъ нарочно, идете навстрѣчу.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Сидите цѣлый день въ норкѣ. Ночью покушайте да и поять въ норку: дня въ три буря пройдетъ.

— Да у меня проклятый колдунъ отнялъ норку.

— Въ такомъ случаѣ путешествуйте. Люди всегда путешествуютъ, когда хотятъ чего-нибудь избавиться.

— Куда же? Не оставьте меня вашимъ совѣтомъ.

— Я думаю, какъ вы звѣрь молодой и ловкій, вамъ не бесполезно было бы побывать въ Муромскихъ лѣсахъ: тамъ-то, говорятъ, настоящее звѣрство, неподдѣльная дичь. Тамъ, говорятъ, наше невѣжество — сущее образование; тамъ-то можно перенять превосходныя дикія манеры, темныя мысли, неистовые чувства.... Ахъ, путешествуйте, туда, туда!...

— Рѣшено: путешествую! — сказалъ я, протягивая лапу Сиволапушкѣ.

— Будьте счастливы, — прошептала мнѣ очаровательница, и исчезла, какъ видѣніе.

Не успѣло еще разсвѣсть порядочно, какъ я уже былъ въ дорогѣ; съ сосѣдняго пригорка взглянулъ еще разъ на рощу и поскакалъ далѣе и далѣе, все на восходъ солнца: тамъ, говорятъ, Муромскіе лѣса!...

II.

Заяцъ знакомится съ нѣкимъ насекомымъ.

Вотъ скачу-себѣ все далѣе и далѣе, скокъ да скокъ, впередъ да впередъ.... Далекю осталась за мною родимая роща; давно ужъ ея не видно. Прощай, моя зеленая! Кажется о

чемъ бы мнѣ грустить? матери у меня не осталось, моймъ жилищемъ завладѣлъ старый колдунъ съ колючками—скверный ёжъ; меня тамъ ждетъ неминуемая смерть, коли не отъ Петра Иваныча, такъ отъ собаки Великана. Гадкая роша! пропадай она совсѣмъ отъ верхушки до корня! А все-таки ее жаль, самъ не знаю отъ чего. Я плакалъ бы, если-бъ путешествіе не было такъ приятно.— Ахъ, звѣри, звѣри! и малые и большіе, и сѣрые и пестрые, путешествуйте, путешествуйте! Я теперь только понимаю высокое наслажденіе, мыши-пеструшки ¹⁾, которая, оставляя свою родину, часто отправляется путешествовать безъ цѣли, безъ намѣренія, такъ, лишь бы путешествовать.

Что шагъ впередъ, то открываются передо мною новые виды: незнакомыя роши, темныя лѣса, широкіе луга... подъ небесами плаваютъ орлы, въ болотѣ пресмыкаются разнообразныя гады навстрѣчу летятъ стаи скворцовъ, ползутъ насѣкомыя, сороки сплетничаютъ, воробьи врутъ чепуху—скачешь и упиваешься блаженствомъ: вездѣ такая прекрасная дичь!... ни слова, ни звука образованнаго, ни лица, ни голоса человѣческаго; все мы, звѣри, и прочія животныя. Что же ожидаетъ меня въ Муромскихъ лѣсахъ?

Проскакавъ одну порядочную рошу, я выбѣжалъ на чистое, обширное поле; по полю шла дорога; по обѣимъ сторонамъ ея кое-гдѣ росли кусты ракиты. День былъ жаркій, полуденное солнце не грѣло, а просто жгло безъ милосердія. Кто меня гонить? подумалъ я и, сворота съ дороги, улегся спокойно въ тѣни ракитоваго куста. Легкая дремота начала овладѣвать мною; вдругъ почти у самого моего уха раздался какой-то пронзительный, пискливый голосъ; прислушиваюсь: кто-то поетъ пѣню:

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! какъ ты прекрасно, солнце свѣтишь!
Повѣрь мнѣ, солнце, я одинъ лишь правду говорю;
Всмотрись, о царь свѣтилъ! и ты съ высоты тотчасъ примѣтишь,

¹⁾ Mus lemmus. Linn.

Что дремлет птица, звѣрь, и гадъ, и цвѣтъ, и злакъ, а я одинъ пою!
Возможно ли сравнить съ тобою блѣдную луну и звѣзды?
Всѣ знаютъ здѣсь меня; я знаю всѣхъ и потому
Прилично воспѣвать тебя всегда мнѣ одному,
Когда пернатые пѣвцы убрались въ гнѣзды!...

— Перестань, сосѣдъ, пищать!—сказалъ пѣвцу какой-то голосъ.

— Не перестану, почтеннѣйшій! не могу. Посмотри, какъ прекрасно оно, это благодѣтельное свѣтило—не могу: я весь проникнутъ признательностью; моя пѣсня—чистое изліяніе души.

— Не дальше, какъ прошлую ночь, ты мнѣ не далъ спать, напѣвая такую же пѣсню лунѣ.

— Тогда шла луна по небу, а теперь идетъ солнце; ночью и луна хороша, а днемъ она дрянъ—это мое убѣжденіе, почтеннѣйшій. До свиданія, сосѣдъ. Не хотите послушать?

Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! какъ ты прекрасно, солнце, свѣтишь!

Я поднялъ голову и увидѣлъ недалеко отъ себя поющее насѣкомое: оно было худощаво, желтоватаго цвѣта, съ зеленоватыми глазами и длинными тоненькими, сухими ножками; скорчившись, оно сидѣло подъ листкомъ чертополоха и, надрываясь, кричало нелѣпую пѣсню солищу. Вотъ что значитъ путешествовать, подумалъ я, у насъ въ рошѣ нѣтъ такихъ насѣкомыхъ; само маленькое, невзрачное, поджарое, а кричитъ какъ добрый поросенокъ, да какую великолѣпную дичь!... Насѣкомое, замѣтивъ, что я смотрю на него, сдѣлало ловкій прыжокъ и, очутивъ возлѣ самого моего носа, начало присѣдать и шаркать самымъ вѣжливымъ образомъ, безпрестанно повторяя: „какъ я радъ, что имѣю удовольствіе видѣть на нашемъ полѣ иностраннаго звѣря — сына роши и лѣсныхъ предѣловъ.“

— Какъ это дико!—отвѣчалъ я.

— Помилуйте-съ, на этомъ только и живемъ, это уже наше дѣло; все окрестное поле меня знаетъ; спросите у всякаго, вотъ недалеко муравейникъ—хотите справиться?

— Покорно васъ благодарю! Но позвольте васъ спросить: какъ вы узнали, что я иностранецъ?

— Вы вовсе не похожи на нашихъ полевыхъ животныхъ.

— А вы постоянный здѣшній житель?

— Да-съ. Впрочемъ, насъ живетъ искони на этомъ полѣ множество и для различія ихъ именуютъ разнo: здѣсь живетъ полевая мышь ¹⁾, полевой жаворонокъ ²⁾, полевой жукъ ³⁾, полевой скакунъ ⁴⁾, и проч., всѣхъ не перечесть и до вечера.

— А вы?...

— Я полевой сверчокъ,—къ вашимъ услугамъ ⁵⁾.

— Очень пріятно!

— А! вы, вѣрно, обо мнѣ слышали много кое чего? Это правда, меня всѣ знаютъ, да и я таки понялъ эти окрестности. Положа лапку на сердце, осмѣлюсь вамъ доложить, мой добрый путешественникъ, что въ томъ, что я вамъ буду говорить, есть много занимательнаго и поучительнаго.

— Рассказывайте.

— Наше поле обширно; много животныхъ населяютъ его, но въ особенности я счастливъ моими родственниками: нѣкоторыми изъ нашей породы, извѣстные подъ названіемъ саранчи ⁶⁾, опустошаютъ поле челoвѣка и, подивитесь! что то, что посѣяно съ трудомъ и стараніемъ, поѣдаетъ саранча въ одно мгновеніе, и что въ то же время мы, что на-

¹⁾ *Mus arvalis* (Linn.), le carmagnot, ou petit rat des champs. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, эти животныя до того размножаются, что дѣлаются настоящимъ бичомъ, казнью неба. Если полѣвки заведутся въ какихъ-нибудь мѣстахъ, то бываютъ причины голода. (Зоол. Эдварса, ч. II. стр. 293.).

²⁾ *Alauda arvensis*. Linn.

³⁾ *Scarabeus agricola*. Linn.

⁴⁾ *Cicindela campestris*. Linn.

⁵⁾ *Grillus campestris* (Linn.). Le Grillon des champs. Il se creuse sur les dords des chemins, dans les terrains secs et exposés au soleil des trous assez profonds, où il se tient à l'affût des insectes, dont il fait sa proie... Le mâle produit un bruit aigu et désagréable (Cuvier).

⁶⁾ *Grillus migratorius*. Linn.

Примѣчанія дьдушки.

зывается, благодѣтельствуемъ гордому человѣку, потому-что другую нашу породу люди ѣдятъ вмѣсто хлѣба ¹⁾. Мы казнимъ, но мы же и милуемъ человѣка; мало этого, что сказалъ я, мы, чтобъ что-нибудь сдѣлать ему пріятное, за грабежи нашихъ родственниковъ отрядили искони одну отрасль нашего рода жить къ нему въ домъ и увеселять его прекрасными пѣснями. Этотъ пѣвецъ извѣстенъ подъ именемъ запечнаго сверчка ²⁾.

— Знаю, знаю сверчка: когда я проживалъ въ домѣ Петра Иваныча, то часто слушалъ его пѣсни.

— Ну, вотъ видите, я вамъ говорилъ, что то, что ³⁾ я вамъ скажу, будетъ очень для васъ поучительно. И я готовъ перекричать всѣхъ насѣкомыхъ, что Петръ Иванычъ великій человѣкъ.

— Ваша правда, очень великій: будетъ съ поверстный столбъ, который стоитъ при началѣ этой дороги, если знаете.

— Я все знаю! Но позвольте вамъ доложить, что одинъ изъ сверчковъ, именно братъ дѣдушки моего пріятеля, жилъ во время оно въ домѣ пастуха Демида—а вамъ небезызвѣстно, то, что пастуха уважаютъ и слушаются всѣ, даже быки и кони!—жилъ, былъ уважаемъ и пѣлъ такъ громко, что заглушалъ синичку, летавшую всю зиму по избѣ, съ которою онъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, потому-что боялся, чтобы она его не съѣла. Обиталище его было подъ печкой, въ глубокой уединенной трещинѣ, откуда онъ только выходилъ ночью и, покровительствуемый глубокимъ мракомъ, воспѣвалъ отъ полноты души восторженныя пѣсни!... Мало этого, родъ человѣческій уже давно оцѣнилъ заслуги нашего рода и даже сочинилъ въ похвалу намъ ка-

¹⁾ *Aceridum*. Сію саранчу въ Аравіи и другихъ восточныхъ странахъ различно приготавливаютъ и употребляютъ въ пищу, и также дѣлаютъ изъ нея муку для печенія хлѣбовъ. (Ест. Ист. Ловецкаго).

²⁾ *Grillus domesticus*. Linn.

³⁾ *Что*—безпрестанно встрѣчается въ рѣчахъ полевого сверчка, а потому я рѣшился оставлять эту частицу, какъ она была въ оригиналѣ, для сохраненія самостоятельности слога.

Примѣчанія дѣдушки.

кое-то прекрасное изреченіе ¹⁾. Я пытался перевести его на наше нарѣчіе, потому-что знаю языкъ человѣческій....

— Вотъ видите! это величайшая рѣдкость! Гдѣ же вы учились языку человѣческому?

— Почти нигдѣ. Я разъ какъ-то подслушалъ, какъ пробѣжавшій мимо извозчикъ бранилъ лошадей; эту фразу я взялъ за основаніе, составилъ себѣ систему, а остальное дополнило воображеніе.... и вышло очень хорошо —спросите у всѣхъ. Пойдемте въ муравейникъ.

— Увольте меня, ради знойнаго дня.

— Какъ вамъ угодно. Теперь я расскажу вамъ о себѣ. Я.... ахъ! извините.... мнѣ должно пѣть, видите, взлетѣла на горизонтъ птица, да какъ высоко летитъ.... Пою, пою....

И полевой сверчокъ затянулъ пѣсню:

Привѣтствую тебя, прекраснѣйшая птица:

Какая прелесть, красота, пернатая, въ тебѣ видна!

О! недоступная для нашихъ глазъ ты быть должна,

Всѣмъ соколамъ, чижамамъ, скворцамъ и воробьямъ сестрица.

Лети себѣ, крылами воздухъ разсѣкая.

Счастливыя я и на землѣ, тебя лишь воспеваю!... ²⁾.

Окончивъ пѣсню, полевой сверчокъ высунулъ головку изъ-подъ листка и, увидя, что птица уже пролетѣла, немного успокоился.

— Ваша пѣсня довольно дика,—замѣтилъ я изъ вѣжливости.

— Помилуйте-съ! скажу вамъ откровенно, что въ томъ, что поется на бѣломъ свѣтѣ, никто не знаетъ болѣе толку, чѣмъ я. Я самъ пою безпрестанно; ничто не уйдетъ отъ моей пѣсни; я перепую всѣхъ животныхъ. Да, если по правдѣ сказать, то кто теперь поетъ? жаворонки, зяблики, скворцы, соловьи и прочіе.... Сами посудите, что это за

¹⁾ Я полагаю: *знай сверчокъ свой шестокъ*.

²⁾ Всей красоты подлинника невозможно передать языкомъ человѣческимъ; однако и прозу и стихи полевого сверчка я старался переводить какъ можно ближе, сохраняя въ послѣднихъ даже размѣръ подлинника.

народъ! ни одного насѣкомаго! всѣ—птицы. Птицы! Эка невидаль какая!... Рады, что живутъ въ гнѣздахъ повыше нашего брата! А самъ ихъ соловей учился у меня. Вы слышали соловья?

— Какъ же! прекрасно поетъ.

— Да порядочно; но главная красота его пѣнія заключается въ звукахъ: чикъ, чикъ, чикъ, чикъ! и это онъ у меня перенялъ.

— У васъ?

— Да-съ. Прежде соловей пѣлъ какъ-то странно: пикъ, пикъ.... Но я первый рѣшилъ запѣть чикъ, чикъ—и соловей нѣсколько разъ прилеталъ къ муравейнику, у котораго я пѣлъ, и сиживалъ долго, изучая мои пѣніе. Послѣ слышу: онъ поетъ чикъ, чикъ!... Да-съ! перенялъ; а злоба и зависть даже и на это не соглашаются! Вообразите: мои недоброжелатели распустили слухъ по всему полю, что соловей прилеталъ къ муравейнику, гдѣ я пѣлъ, не за тѣмъ, чтобъ учиться пѣть, но чтобъ, покушать муравьиныхъ яичекъ!

— Это ужасно!

— Именно ужасно! Поютъ какія-нибудь верхолетки, которыя порхаютъ по верхушкамъ деревь, а нашему брату, изучающему природу въ ея основаніи, при корнѣ, не даютъ хода! То ли было въ старинныя времена! Здѣсь пѣлъ пѣтухъ, потерянный на нашемъ полѣ хмельной бабой, да самъ пѣтухъ, котораго даже люди разводять въ домахъ своихъ ради пѣнія; мало этого, здѣсь свистѣлъ свои пѣсни сурокъ, изучавшій природу, какъ и мы, въ уединеніи, въ нѣдрахъ темной норки. И теперь не могу вспомнить равнодушно о томъ, какъ свистѣлъ онъ: его рѣзкій свистъ рѣшительно заглушалъ все и даже самого пѣтуха. Да, было времечко! Охъ, старина, старина!...

— Вы полагаете встарину было лучше?

— Несравненно! Тогда даже одинъ соловей пѣлъ пѣсни кузнечнику, одному изъ моихъ знаменитыхъ родственниковъ.

— Вашему родственнику?

— Да-съ, родственнику: онъ былъ двоюродный дядя брата, сожительницы моего прадеда, умерщвленнаго сѣропѣгою жабою исполинскаго роста, въ достопримѣчательную эпоху, извѣстную въ исторіи подъ именемъ войны мышей съ лягушками.

— Развѣ онъ былъ мышь?

— Нѣтъ; онъ былъ тоже полевое насѣкомое, а попалъ въ войну единственно по добротѣ сердца и врожденной храбрости: не могъ терпѣть трусовъ. Мыши поколотятъ лягушекъ—онъ тотчасъ къ мышамъ и поетъ имъ похвалу. Лягушки ли одержать верхъ—онъ въ станѣ лягушекъ и танцуетъ съ ними галопадъ, и превозноситъ ихъ удалство, и поетъ имъ пѣсню. Сколько разъ говорили ему родственники! „Эй, кузнечикъ, не юли! не ярись!“ и слушать не хотѣлъ, пока, пойманный въ непріятельскомъ лагерѣ, не былъ предательски умерщвленъ огромною сѣропѣгою жабой!... Не правда ли, что тó, чтó я вамъ говорю, послужить вамъ источникомъ къ размышленіямъ?

— Согласенъ. Но скажите, ради вашего прекраснаго голоса, какой это птицѣ вы пѣли похвалу?

— Удовлетворить, вполнѣ васъ я не могу, потому-что самъ хорошенько не знаю ея породы, но полагаю, что она птица сильная, отъ того, что летитъ высоко; слабая птица такъ не подыметься: побойтся; сверхъ-того, она полетѣла по направленію къ Муромскимъ лѣсамъ, а тамъ, вы знаете, что все отъявленная дичь, такъ пусть и о насъ тамъ слово скажетъ, что, дескать, и въ полѣ не безъ дичи-съ.

— А! такъ я ее еще увижу?

— Извините-съ, повѣрьте, что я все знаю; вы ее не увидите, потому-что она полетѣла въ Муромскіе лѣса.

— Да и я, вѣдь, скачу туда же.

— Какъ, и вы въ Муромскіе лѣса? и вы туда же путешествуете?

— Чтó тутъ удивительнаго?

— Разумѣется, ничего, мой благородный гость. Я вос-

кликаю отъ радости, что, наконецъ, познакомился съ животнымъ, которое такъ необразованно.... такъ....

— Перестаньте лстить!

— Я не лщущу; кладу лапку на сердце и увѣряю васъ, что не лщущу. Ахъ! если-бъ вы знали, что и я давно уже собираюсь путешествовать. Если-бъ вы знали, что я терплю на полѣ за свое добродушіе и правдолюбіе! Вотъ, напримеръ, мой сосѣдъ, полевой скакунъ—мой злѣйшій врагъ! онъ готовъ сдѣлать мнѣ всевозможныя непріятности.... даже вотъ недавно, передъ началомъ нашего пріятнѣйшаго знакомства, не захотѣлъ слушать моей пѣсни солнцу.

— А я думалъ, что онъ вашъ пріятель. Вы, кажется, его называли почтеннѣйшимъ сосѣдомъ!...

— Изъ одной только политики. Дай мнѣ побольше силы— онъ бы заплясалъ по моей дудкѣ. Но я, слабое, тощее, обиженное природой насѣкомое, что могу я сдѣлать? Только терпѣть или удалиться. Рѣшаюсь на послѣднее: путешествую! Скачемъ вмѣстѣ, мой добрый гость?

— Вотъ моя лапа.

— Полевой сверчокъ съ чувствомъ схватилъ мою лапу своими двумя лапками и, присѣдая на одномъ мѣстѣ, пожалъ ее. Черезъ нѣсколько времени я скакалъ уже далѣе и полевой сверчокъ, взмогаясь мнѣ на спину, кричалъ всѣмъ встрѣчнымъ животнымъ: „не нужно ли вамъ чего въ Муромскихъ лѣсахъ? мы, вотъ, туда путешествуемъ.“

III.

Полевой сверчокъ лстить журавлямъ.

Скачу да скачу я, все далѣе и далѣе; кругомъ меня исчезаетъ всякая образованность и возникаетъ дичь. Ахъ, какъ весело!... уже рѣдко встрѣчаются обработанныя поля и нивы, лѣса становятся чаще, пустыри огромнѣе, кустарники и дикіи верескъ почти непроходимы. Я скачу, у меня на шеѣ сидитъ мой товарищъ, полевой сверчокъ, и поетъ

пѣсни—очень весело! Послала же мнѣ судьба такого прекраснаго товарища! Меня удивляетъ непонятная способность полевого сверчка пѣть обо всемъ; въѣдемъ въ лѣсъ—онъ поетъ:

О лѣсъ, о лѣсъ, о лѣсъ, великій лѣсъ,
Пою тебя, кладу на сердце руку
И говорю: о лѣсъ! всегда ты здѣсь:
Не перенести съ тобою мнѣ разлуку!...

Прискакали въ рошу—уже онъ пищитъ другую пѣсню:

О, роша! я тебя люблю, какъ человѣки квасъ и кашу;
И лѣсъ противъ тебя—естественный дуракъ.
Собой ты прославляешь, роша, землю нашу....
Я говорю, пою—такъ это вѣрно такъ....

Выскачу я изъ роши на степь, полевой сверчокъ покрѣпче ухватится мнѣ за шею задними лапками, переднія подыметъ кверху и дико запищитъ:

О степь! о трогательный видъ!
И лѣсъ и роша—дрянь передъ тобою!
Кто, глядя на тебя, спокойствіе хранить,
Или о рошахъ смѣетъ говорить,
Тотъ низокъ, тотъ не дикъ душою!...
Я знаю толкъ во всемъ—повѣрь мнѣ, не шути!
Что, глядя на тебя, я плачу какъ дитя....

И много, много подобной дичи напѣвалъ мнѣ надъ самымъ ухомъ мой товарищъ; иногда дичь доходила до такой нелѣпости, что выразить ее нѣтъ никакихъ словъ на языкъ звѣриномъ, даже, сколько я понимаю, и на языкъ человѣческомъ. Часто я, слушая пѣсни полевого сверчка, останавливался на всемъ бѣгу и, пораженный, уничтоженный высочайшею ихъ необразованностью и звѣрствомъ, стоялъ благоговѣйно, какъ пень, какъ мерзлая лягушка! Нѣтъ, кто что ни говори, а по-моему полевой сверчокъ—умнѣйшее насѣкомое: чего онъ не знаетъ, чего онъ не въдаетъ! Запечнаго сверчка я не уважаю; но полевой—дичайшій звѣрь!...

Разъ, подъ вечеръ, мы встрѣтились съ дикимъ кроликомъ; разговорились о томъ, о другомъ, вышло, что онъ мнѣ съ родни. Славный малый, почти безъ образованія; далеко выше стоитъ тѣхъ, которыхъ я видывалъ на дворѣ Петра Ивановича: тѣ, живя съ людьми, почти потеряли свою дикость, изнѣжились, ослабѣли, бредятъ какимъ-то комфортомъ (должно быть, слово рыбаго языка, котораго я не знаю), стали очень доврчивы и отъ того часто, не думано, не гадаю, попадаютъ въ супъ, а супъ такая гадость, которую, я полагаю, ни одинъ хоть немного дикій звѣрь не можетъ попробовать, не потерявъ на цѣлыя сутки аппетита.

Мы съ родичемъ съѣли листка по четыре хорошей заячьей капусты. Полевой сверчокъ не отказался раздѣлить нашу трапезу. Между разговорами, кроликъ сказалъ мнѣ: „и такъ вы, любезнѣйшій родственникъ, скоро достигнете цѣли вашего путешествія, проскакавъ денекъ-другой, будете въ Муромскомъ лѣсу—славное мѣсто заросли необыкновенныя, собаки не бѣгають, люди тоже—преlestь!...

— Ахъ, какъ я радъ!—сказалъ я.

— Только,—продолжалъ кроликъ:—если вы любите овесъ, то совѣтую вамъ покушать его сегодня вдоволь.

— А развѣ въ Муромскихъ лѣсахъ нѣтъ овса?

— Нельзя сказать, чтобы не было—чего тамъ нѣтъ! но, видите, его очень мало и вообще онъ поѣдается звѣрями сильными, большими: лошадьми, оленями, зубрами; даже простой быкъ не рѣшается кушать овса, боясь неприятностей, потому что тамъ овесъ звѣриный, а не сѣянный людьми. Но сегодня вы еще можете воспользоваться. Недалеко отсюда какой-то человекъ вздумалъ засѣять ниву овса, и мы, звѣри, считая это нарушеніемъ своихъ правъ, опустошаемъ его частенько. Мое почтеніе любезнѣйшій родственникъ. Кланяйтесь отъ меня тушканчикамъ ¹⁾; познакомьтесь съ ними: ребята теплые, отличные прыгуны, они же намъ съ родни приходятся.

1) *Mus jacalus* (Pall.)

— Прощайте! А овесъ я гдѣ найду?

— Тутъ, недалеко, вамъ по дорогѣ будетъ нива.

— Прощайте, почтеннѣйшій—запищалъ полевой сверчокъ.

— Минуты вашего драгоценнаго знакомства никогда не изглядятся изъ моего сердца.

— Прощайте, доброе насѣкомое.

Кроликъ ускскалъ, и я отправился своей дорогой.

— Вашъ родственникъ, не чета вамъ,—сказалъ полевой сверчокъ, когда кроликъ скрылся изъ виду.

— Какъ такъ?

— Да такъ; я повседневно, можно сказать ежечасно, удивляюсь вашему уму, а онъ....

— А онъ?

— Дуракъ, чистый дуракъ, образованный, съ позволенія вашего....

— Не слишкомъ ли это? вы ошибаетесь.

— Повѣрьте, то, что я говорю, всегда правда; это я знаю, и всѣ знаютъ, я говорю по убѣжденію.

— По какому?

— Развѣ вы не замѣтили, что когда вы сказали слово комфортъ, какъ онъ глупо махнулъ лѣвымъ ухомъ; онъ рѣшительно не понимаетъ этого слова, хотя то, что вы замѣтили, что это слово изъ рыбаго языка — чрезвычайно справедливо.

— Вы полагаете?

— Помилуйте-съ, совершенно увѣренъ, на этомъ живемъ-съ! Комфортъ значитъ камышинка; и если, положимъ, говорятъ; улитка влѣзла въ комфортъ, это значитъ улитка спряталась въ камышинку. Ужъ я знаю рыбагій языкъ, между нами сказать: скверный язычишка; кажется и смысла нѣтъ, по нашему очень образованно, а по ихъ это хорошо, дико.

Убивая время подобными разговорами, мы, наконецъ, присскакали къ желанной нивѣ съ овсомъ и услышали очень дикую музыку. На нивѣ было гостей множество—цѣлое стадо журавлей. Пять или шесть особъ изъ этого стада стояли въ концѣ нивы, каждый поджавъ подъ себя одну ногу,

и во все горло кричали на голосъ стариннаго экоссеса известную журавлиную пѣсню:

Прилетѣли на овесъ
И покушали овесъ.
Ай люли, ай люли! (bis).
Хоть не любимъ мы овса,
Но отвѣдали овса.
Ай люли, ай люли! (bis).
Мы бродили по овсу,
Честь мы сдѣлали овсу.
Ай люли, ай люли! (bis).
Мы плѣнились овсомъ,
Подкрѣпилися овсомъ.
Ай люли, ай люли! (bis).

Музыканты играли не утомимо, а прочіе журавли танцовали препріятный танецъ: то собирались въ кружокъ, подымая вверхъ крылья. то, разсыпаясь, прыгали по нивѣ и каждый въ одиночку неподражаемо плуталъ длинными ногами и выдѣлывалъ самыя дикія па.

Я хотѣлъ было, вздохнувъ проскакать мимо овсяной нивы, но мой товарищъ закричалъ мнѣ: „не дѣлайте этого, вѣдь вамъ журавли хоть и небольшіе пріятели, но и не враги; насъ, другое дѣло, эти невѣжи часто очень образованно хватаютъ своими длинными носами; полевой сверчокъ самое несчастное животное!... А вы можете воспользоваться пищей, да не забудьте унести и для меня во рту одинъ колосокъ.

— А вы куда?—спросилъ я.

— Э, почтеннѣйшій! журавли враги мнѣ, я спрячусь; ужъ позвольте мнѣ влѣзть въ ваше ухо: я помѣщусь въ немъ очень спокойно, оно такое большое; признательно сказать у васъ уши, какъ добраго дикаго осла—удивительныя уши, чуть ли не больше ослиныхъ; я даже гдѣ-то читалъ объ этомъ, кажется, въ диссертациі о превратности счастья, сочиненіе сѣраго попугая Попки, или синей мясной мухи не могу сказать утвердительно, а помню даже форматъ этой лапописи: на зеленомъ лапушномъ листѣ въ полскачка длиною.

Говоря такимъ образомъ, полевой сверчокъ залѣзъ мнѣ

въ ухо и шепнулъ, чтобъ я бѣжалъ смѣло къ нивѣ. Ему хорошо было давать совѣты спрятавшись, а меня немного взяло раздумье: „что если одинъ изъ этихъ болвановъ, для потѣхи, такъ разыгравшись, мимоходомъ задѣнетъ меня носомъ: шутки плохи: можно лишиться глаза,“ и я робко подскочилъ къ музыкантамъ и остановился въ недоумѣннн. Музыканты разомъ повернули ко мнѣ свои шеи и, увидѣвъ, что я не изъ числа враговъ, занялись своимъ дѣломъ. Вдругъ мое ухо запѣло—да, полевой сверчокъ началъ изъ моего уха подпѣвать журавлямъ! Чуть музыканты окончатъ:

Ай люли, ай люли,

а полевой сверчокъ и подпоетъ:

Патріоты журавли!

танцоры скоро замѣтили эту прибавку въ стихахъ экоссеа и шумной толпой подбѣжали къ музыкантамъ, крича: „браво! браво! молодцы!“

— Кто это изъ васъ такъ хорошо подхваливаетъ?—спросилъ самый большой журавль, вѣрно начальникъ.

— Не можемъ знать, —отвѣчали въ одинъ голосъ музыканты.

— Быть не можетъ, я самъ слышалъ.

— И мы, и мы,—закричало все стадо.

— Не бойтесь ничего, это дѣло хорошее, сказалъ старый журавль:—не къ чему запираться.

— Право-слово, не можемъ знать. Развѣ вотъ они.

Говоря это, музыканты показали на меня. Стадо стояло въ недоумѣннн; старый журавль призадумался съ минуту и сказалъ музыкантамъ: „а нутка еще!“ Музыканты вытянули шеи и начали отхватывать прежнюю пѣсенку; но чуть они кончили:

Ай люли, ай люли,

полевой сверчокъ подпѣлъ изъ моего уха громче прежняго:

Патріоты журавли!

Прелестъ наши журавли!

— Стой!—закричалъ старый журавль:—теперь понимаю.

Музыканты остановились, а онъ подошелъ ко мнѣ, шаркался самымъ вѣжливымъ образомъ, произнесъ рѣчь, въ которой изъявилъ свое удивленіе, встрѣтивъ между четвероногими такого пріятнаго пѣвца, наговорилъ мнѣ кучу любезностей и пригласилъ раздѣлить съ его стадомъ человѣческой овесъ. Я покушалъ препорядочно и еще унесъ съ собой нѣсколько самыхъ сочныхъ вѣточекъ. Удивительно смѣтливое и находчивое насѣкомое — полевой сверчокъ!

IV.

Заяцъ прискакалъ благополучно.

Наконецъ мы прискакали въ Муромскій лѣсъ. Чудное мѣсто! Глубочайшая дичь! Кругомъ чертополохъ, репейникъ, терновникъ, шиповникъ и всякія добрыя растенія, далѣе — дубы, сосны, ели, березы... трава невылазная... Мой товарищъ, сидя у меня на шеѣ, еще издали началъ громко хвалить Муромскій лѣсъ, сравнивалъ его съ другими и ругалъ, насмѣхался надъ другими лѣсами, называя ихъ лѣсишками — даже наскучилъ мнѣ. Узенькой тропинкой я выскочилъ на небольшую чистенькую площадку, тетеревиный точекъ, какъ я узналъ послѣ; на площадкѣ гордо ходилъ пѣтухъ, подлѣ площадки, въ болотномъ камышѣ, сидѣлъ селезень и лежала большая свинья. Я хотѣлъ-было проскочить мимо, какъ пѣтухъ загородилъ мнѣ крыломъ дорогу, гордо отставилъ одну ногу впередъ и крикнулъ на извѣстный напѣвъ кукареку: „кто такіе?“

— Путешественникъ, — отвѣчалъ я, низко кланяясь.

— Кто такіе? — повторилъ пѣтухъ, громче прежняго.

— Я заяцъ сѣрый, сѣрый заяцъ, русакъ, что называется, а это мой искренній другъ, полевой сверчокъ, невообразимо-дикій пѣвецъ.

— Такъ, такъ, дѣти, такъ! — заговорилъ хриплымъ голосомъ селезень, выбираясь изъ камыша.

Пѣтухъ свысока, надмѣнно смотрѣлъ на насъ; селезень

тоже подошелъ, переваливаясь съ боку на бокъ, любопытно, оглядѣлъ насъ кругомъ и сказалъ:

— Такъ, такъ!

— Полно кричать! спать не даютъ проклятые,—проворчала свинья, приподнявъ немного изъ болота свою жирную голову, и опять улеглась.

Селезень тоже убрался въ камышъ, повторяя:

— Такъ, такъ, такъ!...

— Убирайтесь! — прокричалъ пѣтухъ прежнимъ напѣвомъ и пошелъ ровнымъ шагомъ по площадкѣ, а мы поскакали въ самую чащу лѣса.

V.

Заяцъ немного разсуждаетъ.

Хороши Муромскіе лѣса, а правду сказать въ нихъ часто придется нашему брату, маленькому звѣрю, умирать съ голода. Я началъ-было ѣсть траву подлѣ терновника; откуда не возьмись коза, привѣтливо раскланялась и говорить:

— Позвольте узнать, что вы намѣрены дѣлать?

— Хочу немного перекусить,—отвѣчалъ я.

— Мнѣ очень жаль,—сказала она,—что я должна вамъ отказать въ этомъ удовольствіи: я персона бѣдная, только и имѣю, что это мѣсто для корма; и если буду позволять всякому пользоваться, то, посудите сами—вы умный человѣкъ—могу остаться безъ пищи, и, говоря это, она довольно-непріятно направила на меня пару своихъ острыхъ роговъ.

— Извините,—пробормоталъ я и поскакалъ далѣе.

Въ другомъ мѣстѣ баранъ очень вѣжливо говорилъ мнѣ, что считаетъ за честь со мной познакомиться, что очень много хорошаго слышалъ обо мнѣ; но, при всемъ желаніи мнѣ добра, никакъ не можетъ позволить пасться около себя. Тамъ оселъ просто говорилъ: „убирайся, братецъ, къ чорту! самому травы мало;“ здѣсь лошадь, не говоря ни слова, такъ значительно подымала свою ногу, вооруженную

широкимъ, твердымъ копытомъ, что я, сколько силъ, улепетывалъ подальше; но болѣе всѣхъ меня удивила лисица, и эта не позволила щипать травы: „Я, говоритъ, здѣсь живу близко.“

— Помилуйте, сударыня, — сказалъ я, — всѣмъ извѣстно, что вы не употребляете постнаго: ни травы, ни листьевъ, на что же вамъ они? Позвольте попользоваться бѣдному звѣрю.

— По вашему выговору, и еще болѣе по образу мыслей, замѣчаю, что вы иностранецъ, — отвѣчала лисица: — и потому позвольте вамъ дать совѣтъ прыгать подальше отъ моего жилища: вы звѣрь очень дикій и безъ всякаго образованія, но слабый; знаете, у насъ, какъ и вездѣ, плотоядные звѣри любятъ иногда, для потѣхи, придушить вашего брата. Согласитесь, какъ мнѣ будетъ неприятно, когда волкъ, или кто другой, гоняясь за вами, ворвется въ мое гнѣздо: я должна буду защищать свое семейство, и, ни за что ни про что, входить въ драку и ссориться съ сильными звѣрями.

— Однако... — началъ было я, но лисица зѣвнула передъ самымъ моимъ носомъ и такъ страшно оскалила свои собачьи зубы, что я вспомнилъ Великана и опрометью бросился далѣе. Въ силу къ вечеру набрелъ на семейство тушканчиковъ, передалъ имъ поклонъ отъ кролика, посчитался съ ними родствомъ и перекусилъ не очень вкуснаго моху; они и сами, бѣдные, кое-какъ имъ перебиваются, а живутъ весело, скачутъ, прыгаютъ — славный народъ!

— Кто васъ заставляетъ жить въ этомъ лѣсу, — спросилъ я своихъ родичей: — если здѣсь пища такъ трудна?

— Да мы лучше станемъ поститься трои сутки, нежели бросимъ Муромскій лѣсъ, — завопили они хоромъ. — Помилуйте, гдѣ вы найдете такую дикость, такое тонкое невѣжество, такое отсутствіе всего, что носить хоть тѣнь образованія?

— Правда, правда. Однако, у меня въ родимой роцѣ столько заячьей капусты, столько...

— Зачѣмъ же вы пришли сюда? жили бы тамъ у себя, ждали бы каждый часъ, что васъ затравитъ человекъ или придушитъ собака!... Тутъ воля, свобода, звѣрство.

Родственники говорили правду, но я не привыкъ питать-

ся мохомъ: я избалованъ съ дѣтства, и рѣшился подражать сильнымъ звѣрямъ. Я замѣтилъ, что медвѣди и волки всегда жирнѣе нашего брата, всегда у нихъ бока полны и шерсть лоснится. Вотъ я и пошелъ къ одному извѣстному волку проситься въ науку. Голодъ не свой братъ.

VI.

Заяцъ беретъ уроки.

Волкъ я засталъ грызущимъ косточку.

— Позвольте потревожить ваше занятіе, сказалъ я самымъ благоприличнымъ голосомъ, наклоняя правое ухо до земли.

— Что-съ?—спросилъ волкъ, не выпуская изо рта косточки.

— Позвольте бѣдному травоядному, грызуну, отнять у васъ нѣсколько минутъ драгоценнаго времени, посвящаемаго вами такимъ полезнымъ занятіямъ!

— Говори, братецъ, яснѣе: ничего не понимаю.

— Будьте отцомъ и благодѣтелемъ,—сказалъ я, падая на колѣни:— научите меня охотиться по-вашему. Я бѣдный звѣрь, трава мнѣ прискучила, плохо жить нашему брату; хочу ѣсть мясо, хочу сдѣлаться волкомъ....

— Благодарю судьбу, что я сытъ, а то примѣрно наказалъ бы тебя за твою дерзость. Какъ ты смѣлъ, скверный мальчишка, подумать о чести сдѣлаться волкомъ? Посмотри на себя въ лужу: похожъ ли ты съ виду на нашъ великолѣпный родъ? гдѣ у тебя нашъ увѣсистый хвостъ, этотъ чувствومترъ, какъ назвала его одна лягавая собака? гдѣ у тебя сильныя, крѣпкія лапы? гдѣ широкая пасть и многоуважаемые волчьи зубы? Ты съ ума сошелъ, или гдѣ-то у людей образовался, молодой звѣришка—правда?

Точно, вы изволите говорить правду, мой кровожаднѣйшій! Я имѣлъ несчастіе прожить двадцать дней въ человѣческомъ домѣ и, смѣю васъ увѣрить, кромѣ языка, ничего по-человѣчески не понимаю. Но вы не поняли меня; я очень далекъ отъ чести сдѣлаться волкомъ; мнѣ бы хотѣ-

лось только перенять ваши приемы, ваши средства, вашу ловкость при нападении на зверей....

— Смѣшно мнѣ твое желаніе; впрочемъ, поучись, пожалуй; а если ты понимаешь человѣческія рѣчи, то можешь немного быть мнѣ полезнымъ, но не сегодня; сегодня я съ пріятелемъ хорошо позавтракалъ и хочу отдохнуть.

— Могу ли выразить мою величайшую....

— Безъ благодарности; эта штука ни грѣтъ, ни кормить.

О волкъ, о зверь, о кровожадность!

Тебя хочу я пѣть и голосъ мой теряетъ всю пріятность.

О диво....

запѣлъ-было полевой сверчокъ.

— Это что за дрянъ пищитъ?—спросилъ волкъ.

— Мой пріятель, полевой сверчокъ....

— Слишкомъ, братецъ, много чести, что я и тебя принялъ подъ свое покровительство, а ты еще привелъ сюда гадкое насѣкомое. Вонъ его!

Я сказалъ нѣсколько словъ въ защиту полевого сверчка, но волкъ разсердился и хотѣлъ придушить его лапой. Сверчокъ въ два прыжка очутился на деревѣ, разругалъ волка и меня, сказалъ, что я неблагодарнѣйшее животное, что я дѣйствую очень образованно и, положа лапу на сердце, поклялся мстить мнѣ до конца дней. Такъ мы разстались съ дорожнымъ товарищемъ. Не знаю, за что полевой сверчокъ разозлился на меня; я, кажется, и привезъ его въ Муромскіе лѣса на спинѣ своей, и всегда дѣлилъ съ нимъ послѣдній листочекъ зелени, и пряталъ его отъ непріятелей въ свое ухо. Не умереть же мнѣ съ голоду ради пріятеля, ради поющаго насѣкомаго, когда мой благодѣтель, будущій мой наставникъ и покровитель не взлюбилъ его.

Волкъ уснулъ, приказавъ оберегать его во время сна отъ всякаго шума, особливо не допускать на его персону падающихъ листочковъ. Я присѣлъ на заднія лапки, поворачивалъ безпрестанно голову во всѣ стороны и, схватывая на-лету падавшія съ дерева листья, съѣдалъ ихъ. Подобное занятіе немного безпокойно, но полезно.

Поутру волкъ послалъ меня провѣдать, нѣтъ ли гдѣ на опушкѣ лѣса домашнихъ животныхъ, и если есть то нѣтъ ли близко людей.

Я скоро возвратился.

— Ну что?—спросилъ волкъ.

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Что такое?

— Здоровая возовая лошадь.

— А люди?

— Людей нѣтъ, ушли версты за полторы въ кабакъ, а лошадь пустили подалеже въ лѣсъ, чтобъ напаслась.

— Нѣтъ ли засады?

— Нѣтъ. Я слышалъ людскія рѣчи: молодой, говорилъ: „Заѣдемъ, дядюшка, въ кабакъ, тамъ лошади и овса купимъ и сами перекусимъ.“— „Вишь какой бойкой“, говорилъ старикъ, „много у тебя денегъ на овесъ?“— „Баринъ, кажись, вамъ пожаловалъ?“— „Мало чего нѣтъ! станешь овесъ покупать, такъ не на что будетъ и выпить. Молодая у тебя голова, глупа!... Мы вотъ тутъ пустимъ гнѣдка напасть въ волю, пускай идетъ подалеже отъ дороги въ лѣсъ, а сами сбѣгаемъ въ кабакъ, недалеко елка видна; повозка тутъ постоитъ, благо пустая.“— „А кабы что не случилось?“ началъ-было молодой, да старикъ перебилъ его: „молодь, братъ, впервые ѣдешь по барскому дѣлу, вотъ такъ бы и дрожалъ по немъ! Слушай меня, старика, я человекъ бывалый.“— Вотъ и пошли они въ кабакъ, а я со всѣхъ ногъ сюда.

— Мегсі!—сказалъ волкъ, и мы отправились въ походъ.

Когда мы прискакали на мѣсто, людей еще не было; большой, жирный, гнѣдой конь стоялъ у куста орѣшника и въ полголоса высчитывалъ тяжесть покупокъ, которыя долженъ будетъ везти обратно изъ города, а между-тѣмъ, вытянувъ кверху шею, щипалъ съ куста молодые побѣги.

— Теперь приготовимся,—сказалъ волкъ отвѣда меня въ сторону.—Первое правило для уничтоженія большихъ животныхъ—большой вѣсъ. Чѣмъ болѣе въ насъ вѣсу, тѣмъ

быстрѣе и легче мы душимъ сильныхъ животныхъ. Я сегодня очень легкокъ!— и съ этимъ словомъ онъ началъ ѣсть землю.

— Чтó у меня глаза красны?—сказалъ волкъ, покушавъ немного земли.

— Немного.

Волкъ опять принялся за землю.

— А теперь?

— Красны, очень красны.

— Шерсть оцетинилась?

— Нѣтъ.

Волкъ опять покушалъ земли.

— Теперь оцетинилась?

— Оцетинилась.

— Бока потолстѣли?

— Потолстѣли.

— Хвостъ приподнялся?

— Виситъ, какъ палка.

— Плохо! И волкъ началъ есть землю во весь ротъ.

— Не подымается?

— Приподымается.

— Ну, хорошо, теперь видишь, я сердитъ и тяжелъ, брошусь на лошадь, она меня не потащитъ.

И съ этимъ словомъ, въ два прыжка онъ повисъ на шеѣ бѣднаго гнѣдка; гнѣдко съ перерезаннымъ горломъ упалъ на траву.

У! какъ сталъ страшенъ волкъ въ это время! Онъ жадно, торопливо раздиралъ трепетавшую лошадь, пилъ ея кровь, оскаливалъ красные зубы; глаза его сверкали, въ горлѣ слышался удушливый хрипъ. Я бросился изо всѣхъ ногъ, радуясь, что знаю секретъ волчьяго промысла.

— Хорошо! сказалъ кто-то у меня надъ самымъ ухомъ, когда я отскакалъ съ версту отъ волка.

— Это вы, полевой сверчокъ?—спросилъ я, узнавъ пріятеля по голосу.

— Я, почтеннѣйшій. Извините, я опять сижу на вашей шеѣ; знаете, у меня къ вамъ влеченье родъ недуга....

— Вы, мнѣ кажется, разсердились на меня?

— Помилуйте! можно ли на васъ разсердиться? вы просто, дичайшій изъ зайцевъ! Я все слѣдилъ за вами, съ вѣточки на вѣточку, съ листочка на листочекъ, боялся спустить васъ съ глазъ, и очень радъ, что вы знаете средство сражаться съ лошадьми.

— А вы слышали? видѣли?

— Какъ же! Удивительный способъ! Положа лапу на сердце, увѣряю васъ, что вы теперь станете ужасомъ всѣхъ звѣрей; лучшая трава и горошекъ во всемъ Муромскомъ лѣсу будутъ къ вашимъ услугамъ. Повѣрьте мнѣ, мнѣ эта грамота немножко извѣстна: я часто видывалъ подобные примѣры; одинъ даже описанъ моимъ дѣдушкой съ теткиной стороны, во время извѣстной въ исторіи войны мышей съ лягушками. Знаете, я вамъ скажу, что вы теперь, что бы ни захотѣли, можете, что называется, съ-разу уничтожить. Вотъ, напримѣръ, баранъ; хотите, нападемъ на него?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я; если нападать такъ нападать на что-нибудь покрупнѣе.

— Превосходно! О, дичайшій мой! вотъ пасется осель: нападемъ, что-ли?

Я покушалъ земли—препротивное кушанье, ничего не могъ проглотить, все выплюнулъ и спросилъ у полевого сверчка:

— А что, глаза красные?

— Красны, какъ огонь?—отвѣчалъ онъ.

— А шерсть щетинится?

— Словно ежевые иглы!

— Бока потолстѣли?

— Будто арбузь, такъ потолстѣли....

— А хвостъ подымается?...

— Поднимается! такъ и лѣзетъ кверху.

— Ну, хорошо,—сказалъ я, пріосанился и подскочилъ къ ослу; но тутъ признаюся откровенно, на меня нашла сильная робость, сердце тревожно забилося, ноги задрожали, я не взвидѣлъ свѣта.

— Смѣлѣе, смѣлѣе!—кричалъ мнѣ полевой сверчокъ, высоко качаясь надо мною на березовой вѣточкѣ.

Мнѣ стало совѣстно и я прыгнулъ прямо на горло ослу, оборвался, упалъ, и легъ передъ нимъ, не могши, отъ страха, пошевелить ногами. Хладнокровно посмотрѣлъ на меня осель и пошелъ далѣе, лягнувъ меня копытомъ. Тутъ я ужъ ничего не помню—все исчезло передо мной. Кажется я уснулъ.

VII.

Полевой сверчокъ клевететь на зайца.

Просьпаюсь и чувствую страшную боль во всемъ тѣлѣ; въ головѣ шумить; надо мной кто-то бойко, бѣгло разговариваетъ.

— Зачѣмъ онъ тутъ, кто онъ такой?—говорилъ одинъ голосъ.

— Вѣрно воръ, вѣрно плутъ!—прибавилъ другой.

— Разспросить, разузнать бы не худо!—трещалъ третій.

— Позвольте, позвольте, я вамъ объясню;—пищаль кто-то:—я все знаю, повѣрьте мнѣ mesdames; то, что я вамъ сообщу, будетъ очень любопытно. Этотъ звѣришка, что лежитъ передъ вами, долженъ быть, что называется, какойнибудь бѣглець и самага буйнаго характера; я его не знаю, да и что мнѣ за нужда знать всякую сволочь? Эка невидаль какая! но вѣрно то, что онъ вздумалъ.... содрогнитесь, почтеннѣйшія дамы! вздумалъ растерзать осла, нашего добраго осла, всѣми уважаемаго осла, самага дикаго осла! Разумѣется осель, съ чувствомъ своего достоинства, легонько оттолкнулъ дерзкаго копытомъ и—противъ правилъ своихъ, рѣшительно противъ своего убѣжденія—убилъ гадкую тварь. Я знаю, mesdames, вашъ тонкій гастрономическій вкусъ, но знаю, что вы, изъ снисхожденія, иногда кушаете заячье мясо, которое гораздо лучше души этого звѣрка; знаю, что вы просвѣщая муромскую дичь разными поучительными рассказами, еще не успѣли пообѣдать, и совѣтую, чтобъ что-нибудь извлечь изъ этого приключенія,

отвѣдать этого зайца. Истинный мудрецъ изъ всего извлекаетъ пользу. *Probatum est!*...

Я открылъ глаза; вижу надъ собою семью сорокъ, которыя, прыгая по дереву съ вѣточки на вѣточку все ниже и ниже, жадно засматривали мнѣ въ глаза, а противъ нихъ разглагольствуетъ полевой сверчокъ, спрятавшись, для безопасности, въ щелку дубовой коры, и высовывая только оттуда по временамъ свою голову. Сороки, увидя, что я еще живъ, быстро отлетѣли на верхушку дерева, переговорили наскоро между собой и разлетѣлись въ разныя стороны свѣта оглашать Муромскій лѣсъ новою сплетней о моемъ несчастномъ сраженіи. Полевой сверчокъ, видя, что сороки удалились, вылѣзъ изъ своей щелки и тоже рѣзво поскакалъ по лѣсу, не обращая на меня никакого вниманія.

— Милостивый государь, — простоналъ я — господинъ полевой сверчокъ, куда вы? Не оставляйте меня; я не сержусь за ваши сплетни съ сороками, не сержусь за ваше отреченіе, ради овса и капусты останьтесь со мной! Видите, я раненъ, не могу встать съ мѣста....

Но полевой сверчокъ прикинулся, что не слышитъ моихъ стоновъ и ускакалъ далѣе. Этотъ поступокъ, очень образованный, крѣпко меня опечалилъ; я лежалъ беззащитный съ перебитыми скоками, не могъ протянуть шеи, чтобъ достать листочекъ травки, стебелекъ папоротника или клочокъ моху, а онъ, мой товарищъ, котораго я привезъ на своей шеѣ въ Муромскіе лѣса, котораго пряталъ въ свое ухо, кормилъ, оберегалъ, онъ оставилъ меня! Я лежалъ и горько плакалъ.

VIII.

Еще клевета. Плохо зайцу.

Передъ вечеромъ сълъ недалеко отъ меня, на деревѣ, сѣрый дроздъ, очистилъ носъ, оправилъ имъ свои перья, встрепенулся и запѣлъ пѣсню:

Жилъ былъ заяцъ, сѣрый заяцъ,
Пребольшой дуракъ.
Вѣрьте мнѣ, весь свѣтъ меня знаетъ-съ
Что скажу, то быть тому такъ!...

Я не упомянулъ всей пѣсни, но въ ней весьма подробно было разсказано мое несчастное приключеніе съ осломъ. Пѣсня была, какъ всякій можетъ судить по началу, довольно-дика, по содержанию, близка моему сердцу, и я рѣшился разспросить о ней у дрозда.

— Здравствуйте, милостивый государь,—сказалъ я.

— Bon jour! — отвѣчалъ дроздъ.

— У васъ прекрасный голосъ, чистый теноръ.

— Vous trouvez? вы думаете?

— Я, рѣдко слыхалъ подобный голосъ.

— Всѣ синички, всѣ чечотки говорятъ тоже.

— Позвольте узнать, какую это пѣсню вы такъ прекрасно пѣли?

— Самую новую; она сегодня только-что вышла, напечатана въ „Трубадуръ-дю-дичъ.“

— Ваше сочиненіе, смѣю спросить?

— Нѣтъ, ее написалъ какой-то полевой — не то жукъ, не то кузнечикъ, не помню хорошенько, а пѣсня пріятная, много, этакъ, знаете, чепухи....

— Не полевой ли сверчокъ?

— Oui, monsieur, да, c'est vrai, полевой сверчокъ.

— Позвольте васъ просить?

Съ удовольствіемъ, что вамъ спѣть что-нибудь?

— Нѣтъ; я боленъ, не могу двинуться съ мѣста, такъ нельзя ли потрудиться подать мнѣ вѣточку чего-нибудь.

— Ахъ извините, mille pardons! Я спѣшу. Къ намъ прибыла степная перепелка, очень музыкальная особа и, притомъ, belle femme! Я общалъ сегодня пѣть ей при закатѣ солнца. Прощайте, au revoir!

Дроздъ улетѣлъ, напѣвая, обо мнѣ пѣсенку, которую услужливое насѣкомое успѣло тиснуть въ „Трубадуръ-дю-дичъ,“

и я остался безъ надежды на помощь. Къ счастью, ночь освѣжила меня холодною росой, а къ свѣту наверху какъ-то кротъ, звѣрь чернорабочій, неказистый, подслѣповатый, но добродѣтельнѣйшій изъ четвероногихъ и большой философъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе, пріютилъ въ своей норкѣ и даже къ свѣту успѣлъ ее расширить, замѣтивъ, что она мала по мнѣ.

Добрый кротъ носилъ мнѣ разные корни и молодые отпрыски растеній, кормилъ меня, холилъ и былъ внѣ себя отъ радости, что такой быстрый звѣрь, какъ я, сдѣлалъ честь ему, ползуну, своимъ посѣщеніемъ. Скоки мои, которые часто невѣжп называютъ задними ногами, понемногу срослись, крѣпли; я началъ по ночамъ выходить изъ норки и, прихрамывая, прыгалъ около нея. Между тѣмъ кротъ, возвращаясь изъ своихъ подземныхъ путешествій, приносилъ мнѣ разныя вѣсти. Видѣть-то онъ почти ничего не видѣлъ, а слухъ имѣлъ необычайный, хоть у него уши маленькія, не чета длиннымъ ушамъ труса-осла, который ими ничего не слышитъ, я думаю. Вѣсти добраго крота были для меня рѣшительно непонятны, но тѣмъ болѣе пугали меня, кротъ говорилъ, что общій голосъ всѣхъ звѣрей называетъ меня нарушителемъ спокойствія, воромъ, что надо мной составили судъ и т. п. Я просилъ крота, если встрѣтитъ, привести одного изъ моихъ родственниковъ, тушканчика. На слѣдующій день тушканчикъ сидѣлъ передо мною и рассказывалъ слѣдующее происшествіе:

— Назадъ тому съ недѣлю, явился къ медвѣдю, который у насъ теперь воеводой, старый заслуженный олень о девяти рогахъ, и жаловался, что кто-то съѣлъ два куста дикаго овса, принадлежавшаго, ему, оленю. Медвѣдь велѣлъ нарядить слѣдствіе; выбрали осла, быка, лошадь и барана — назначили секретаремъ лисицу — и закипѣло слѣдствіе; двѣ дикія козы да я съ братомъ совершенно выбились изъ силъ бѣгая за справками. Слѣдователи съѣли полстога самого лучшаго сѣна, а дѣло не шло впередъ ни на волосъ, хоть мы всѣ знали кто съѣлъ овесъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, овесъ съѣлъ самъ быкъ, много мелкихъ звѣрей это видѣли, да всѣ сказать боялись; а секретарь подойдетъ къ быку, пошепчется съ нимъ, да и скажетъ: „нѣтъ никакихъ слѣдовъ; пора бы распустить слѣдователей.“

— Правда, заблѣветъ баранъ; ему поддакнуть конь и осель, такъ дѣло и отложить до завтра.

Такъ шли дѣла. Уже медвѣдь хотѣлъ-было приказать закрыть комитетъ, уже секретарь составилъ-было протоколъ, въ которомъ признано оставить въ сильномъ подозрѣннн птицу овсянку, какъ носящую кличку украденаго предмета, вдругъ, вовсе неожиданно, явился гусь съ донесенiемъ, что онъ видѣлъ своими глазами вора, что онъ съ рогами, и хотѣлъ-было начать описывать его примѣты.

— Гм! гм!—сказала лошадь.

— Важное обстоятельство!—сказалъ осель: — разберите его хорошенько господинъ секретарь.

— И мы взываемъ къ вамъ объ этомъ, замычалъ быкъ, значительно глядя на лисицу.

— Очень хорошо,—отвѣчала лисица.—Но, господа, вы, кажется, устали, много работали сегодня; не пора ли разойтись? Завтра на свѣжую память, все разсмотримъ, а доносчика посадимъ до завтра подъ караулъ.

Слѣдователи разошлись; лисица отдала гуся подъ караулъ двумъ волкамъ.

— Смотрите вы мнѣ, бирюки,—сказала лисица:—только уйдетъ гусь, и сами на глаза не кажитесь!

На утро, къ изумленiю всѣхъ слѣдователей, гуся не оказалось, волковъ тоже. На мѣстѣ, гдѣ содержался преступникъ, нашли немного крови и нѣсколько перьевъ. Въ лѣсу до-сихъ-поръ толкуютъ это происшествiе разно: волкоманы увѣряютъ, что волки съѣли гуся и ушли, а гусоманы—будто гусь проглотилъ обоихъ волковъ и улетѣлъ за границу. Какъ бы то ни было, но медвѣдь началъ подозрѣвать въ покражѣ всѣхъ роконосцевъ и велѣлъ удвоить старанiе при слѣдствiи. Всѣ были въ отчаянiи. Вдругъ явилось тощее

насъкомое и объявило, что гусь доносилъ вполонину справаведливо, ибо, по своей близорукости, принялъ уши за рога; а что съѣлъ овесъ заяцъ, извѣстный всему околотку за грубияна, буяна и самага дерзкаго кутилу, который, забывъ всякое уваженіе, еще недавно бросился весьма злобно на шею его ослиной милости.

— Такъ это онъ?—спросилъ осель поднявши кверху уши и брови.

— Онъ-съ, право онъ,—отвѣчало насъконое. — Я былъ большой пріятель съ гусемъ, и мы вмѣстѣ, разсуждая о блаженствѣ сумасбродства и прочихъ отвлеченныхъ идеяхъ нечаянно наткнулись на реченнаго зайца, когда онъ пожиралъ воровской овесъ. Отвратительное было зрѣлище! Я содрогаюсь, вспоминая его.

— А вы кто такой?—спросила лошадь.

— Я полевой сверчокъ, къ вашимъ услугамъ.

— Да правду ли вы говорите, точно ли вы видѣли?—замятилъ быкъ.

— Помилуйте-съ! я все знаю, меня всѣ знаютъ—спросите въ муравейникѣ. Стану ли я лгать передъ вашимъ говяжьимъ достоинствомъ! Я, еще не имѣя счастья видѣть васъ, пѣлъ въ честь вамъ пѣсню:

Ай-да быкъ!

Превеликъ! и проч.

Я знаю этого зайца, я даже имѣлъ несчастіе быть его товарищемъ въ путешествіи; но, узнавъ короче образованность, нравъ его и наклонности, посѣвшилъ съ нимъ разойтись.

— Хорошо!—сказала лисица:—поклонитесь.

— Съ удовольствіемъ. Клянусь, положила лапку на сердце, что то, что я вамъ сказалъ—истинная правда.

— Чего же больше?—промычалъ быкъ.

— Да, да,—заржали радостно конь и осель.

— Bravo! порѣшили, братцы!—заблѣялъ баранъ.

Я было-хотѣлъ вступиться за васъ, родичъ, да мнѣ лисица и пикнуть не дала. И тутъ же составили опредѣленіе поймать васъ, обгрызть, въ наказаніе, вамъ уши и доставить ихъ къ воеводѣ. Исполненіе приговора возложили на чекалку ¹⁾ и, будьте осторожны, онъ уже давно васъ ищетъ: это ему на зубы! уши онъ доставитъ медвѣдю, а съ прочимъ поступить по усмотрѣнію. Не вѣковать вамъ!

— Какъ же это поклялся полевой сверчокъ въ такой неправдѣ?—спросилъ я у моего родича-тушканчика.

— Я и самъ не понималъ этого, да нечаянно открылъ истину: пробѣгая по дѣсу, я услышалъ, что быкъ шепчется съ лисой въ кустахъ; я подкрался и все выслушалъ. Быкъ, добрый звѣрь, изъяснялъ свое удивленіе лисицѣ, какъ вы теперь мнѣ.

— Какъ вы просты!—говорила лисица:— благодарите судьбу, что я дѣло хорошо съ рукъ спустила!... а полевому сверчку власться легко, положила лапку на сердце, потому что у него нѣтъ сердца вовсе.

— Можетъ ли быть?

— Я вамъ докажу. Господинъ полевой сверчокъ! гдѣ вы? пожайте сюда! скорѣе! дѣло есть,—закричала лисица. И, немного, погода прискакало это насѣкомое.

— Ну спасибо вамъ, поддержали вы моего кума, продолжала лисица. Дайте вашу лапку и другую.

Полевой сверчокъ, униженно присѣдая, подалъ лисицѣ обѣ лапки. Лисица крѣпко взяла его за обѣ лапки и громкимъ голосомъ спросила: „какъ ты смѣло, противное насѣкомое, говорить и клясться противъ совѣсти?“

Полевой сверчокъ позеленѣлъ отъ страха и началъ корчиться.

— Ты сегодня врагъ на зайца, а завтра соврешь и на меня, бездѣльникъ,—продолжала лисица:—такъ вотъ тебѣ....

¹⁾Canis arcus. (Естест. Исторія А. Ловецкаго).

и при этомъ словѣ она разорвала его на части и показала быку, говоря:—посмотрите, гдѣ тутъ сердце.

— Рѣшительно нѣтъ и признака, сказалъ быкъ, мотая въ раздумьи головой.—Повѣрьте, кумушка, въ первый разъ въ жизни вижу подобнаго звѣря!...

— Эти всѣ насѣкомыя, любезный кумъ, которыя приѣдаютъ, да прискакиваютъ, да увиваются вокругъ чего-нибудь, всѣ безъ сердца! 1)

Не успѣлъ тушканчикъ окончить печальнаго разсказа, какъ вдругъ остановился, прислушался и торопливо сказалъ мнѣ:—бѣги, бѣги скорѣе! идетъ сюда чекалка! Плохо тебѣ будетъ, я слышу его шаги!

— Прощай,—сказалъ я родичу, и бросился въ чащу, оглянулся: чекалка, словно тѣнь, летитъ за мною; я вправо и онъ вправо, я влѣво и онъ влѣво; были бы у меня здоровые скоки, я бы и не подумалъ о немъ; но я прихрамывалъ и крѣпко боялся за свою шкуру. Стало разсвѣтать, я выскакалъ изъ лѣса, а чекалка налегалъ на меня ближе и ближе; зубы его щелкнули надо мной, я рванулся и выскочилъ далеко впередъ, оставя только хвостъ въ зубахъ непріятеля. Тутъ, на мое счастье, повстрѣчалась намъ повозка; люди стали кричать на чекалку, онъ повернулъ въ лѣсъ, а я кое-какъ уплелся въ кустарникъ и прилегъ, измученный, усталый.

Отдохнувъ, я началъ разсуждать о своей несчастной жизни. „Вездѣ непріятности, вездѣ гоненія! вездѣ я виновалъ безвинно отъ-того, что слабѣе всѣхъ, думалъ я. И куда я покажусь хромой, безхвостый?!.. всѣ стануть смѣяться надо мной!“ Подобныя мысли, одна мрачнѣе другой, бродили въ головѣ моей; я рѣшился не страдать болѣе, то есть, не жить, рѣшился утопиться и прямо побѣжалъ къ рѣкѣ.

1) Насѣкомыя снабжены желудкомъ и кишечнымъ каналомъ.... У нихъ оѣтъ сердца, но одни тонкіе пасоконосные сосуды, содержащіе въ себѣ нѣблюю и холодную жидкость. (Естест. Исторія А. Ловецкаго. Ч. II. стр. 104).

— Звѣрь, звѣрь, заяцъ, заяцъ! бѣгите! спасайтесь!—раздалось по всему рѣчному берегу, куда я ни прибѣгу, лягушки, сломя голову, скачутъ отъ меня въ воду.

„Стой!“ подумалъ я, „значить, есть же твари беззащитнѣе меня, которыя и меня боятся, а живутъ, весело поютъ пѣсни, а порой и пляшутъ,“ и мое намѣреніе утопиться сильно остыло при этомъ разсужденіи. Я не утопился: я рѣшился возвратиться на родину, отыскать свою старую норку: авось околѣлъ колдунъ-ѣжъ; если же не околѣлъ, то обзавестись хорошимъ логовомъ, что теперь гораздо приличнѣе моему возрасту, и спокойно провести свою старость.

IX.

Заяцъ возвращается на родину.

Вотъ я и на родинѣ! Осень очень измѣнила мою рощу, но все я узналъ ее и привѣтствовалъ какъ стараго друга: здѣсь мнѣ веселѣе, привольнѣе.... Всѣ знакомые звѣри стали очень уважать меня: это, кажется, единственная польза отъ путешествія.... Нѣтъ, есть, правда, еще и другая: возвратясь изъ путешествія, какъ-то лучше цѣнишь свою родину, понимаешь пословицу, которую я въ дѣтствѣ слышалъ отъ людей въ домѣ Петра Ивановача: славны бубны за горами! Разумѣется, въ Муромскихъ лѣсахъ отъявленная дичь, но одна дичь да дичь, право, нехороша для нашего брата, маленькаго звѣря, иногда не мѣшаетъ и немного образованія....

Старый колдунъ-ѣжъ очень со мной почтителенъ, даже предложилъ мнѣ поселиться въ моей норкѣ, да я отвѣчалъ ему, что теперь я уже не ребенокъ, что доброму зайцу не пристало жить въ норѣ, и сдѣлалъ себѣ прекрасное логово подъ кустомъ ракиты, опутаннымъ до-нельзя полевымъ горошкомъ. Мое логово въ чистомъ полѣ недалеко отъ рощи, а въ рощѣ жить безпокойно: все теперь падаютъ листья и своимъ шелестомъ напоминаютъ мнѣ шелестъ шаговъ чекалки.

Сегодня прекрасное утро, солнце грѣетъ, пищи пропасть—я счастливъ и спокоенъ! Ай да родина—славная сторона!

На весну обзаведусь дѣтками и стану съ ними прыгать по рощѣ, вспоминая покойную матушку.... Что сдѣлалось съ Петромъ Ивановичемъ? издохъ ли гадкій Великанъ? Завтра надобно поразспросить о немъ у сорокъ: эти сплетницы выносятъ всякій соръ со двора.... Непремѣнно завтра, не будь я заяцъ, если не узнаю....

Этими словами оканчивается переводъ моего двоюроднаго дѣдушки. Завтра—какъ вы уже знаете изъ предисловія (если его не забыли)—завтра не пришло для бѣднаго зайца и всѣ его замыслы, всѣ мечты утихли, замерли съ послѣдними воплями голоса подъ кинжаломъ Петра Ивановича.

Покойный дѣдушка, переводя записки зайца, перевелъ изъ нихъ множество эпизодовъ, неидушихъ въ исторію зайца, но очень любопытныхъ, напримѣръ: Сказаніе синицы о томъ, какъ полевой сверчокъ управлялъ муравейникомъ и что изъ того произошло и т. п. Если понравятся людямъ простыя, нехитрыя приключенія, чувства, бѣдствія и радости звѣрей и всякихъ животныхъ, то я современемъ напечатаю еще нѣсколько переводовъ моего двоюроднаго дѣдушки.

1840 г.

Принадлежитъ библиотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продана быть не можетъ

В. ПЕРЖИНА
НАСТАВНИЦА
П. ИДЗИКОВА

Жуковская
↑

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ЗАПИСКИ СТУДЕНТА. Повесть <i>очень глупая</i>	1
<i>же</i> ПУТЁВЫЯ ЗАПИСКИ ЗАЙЦА. Предисловіе	68
Записки зайца:	
I. Заяц оставляет свою родину	76
II. Заяц знакомится съ нькомъ насѣкомымъ	88
III. Полевой сверчокъ льститъ журавлямъ	96
IV. Заяцъ прискакалъ благополучно	102
V. Заяцъ немного разсуждаетъ	103
VI. Заяцъ беретъ уроки	115
VII. Полевой сверчокъ клевететь на зайца	110
VIII. Еще клевета. Плохо зайцу	111
IX. Заяцъ возвращается на родину	118

Д

Во всемъ
кромѣ нѣмъ ии бѣжи
до Дни Макари
на кодыма ка рен
кодыма будищеломы
Макари будищеломы
отъ, отъ

{Всѣмъ кому книга}

10. 100

WB

